

КЕЙТ КУИНН

Код Розы

РОМАН

Кейт Куинн

Код Розы

«Фантом Пресс»

2021

Куинн К.

Код Розы / К. Куинн — «Фантом Пресс», 2021

ISBN 978-5-86471-910-7

Новый роман «королевы исторической беллетристики» Кейт Куинн – это история времен Второй мировой войны о трех шифровальщицах и шпионе, которого они должны вывести на чистую воду. В 1940-м, когда Англия уже ведет войну с нацистами, три очень непохожие женщины встречаются в поместье Блетчли-Парк, где в обстановке полной секретности лучшие умы Британии работают над расшифровкой радиосообщений немцев. Озла – легкомысленная дебютантка из высшего света, крутящая роман с Филиппом, Принцем Греческим, который через несколько лет станет мужем будущей королевы Елизаветы. Маб – осанистая красавица с трудной судьбой из рабочего района Лондона. И Бетт – тихая мышка из провинциального городка, живущая под тиранической пятой ханжи-матушки. Их объединяет война, неожиданные способности, которых они в себе и не подозревали, и работа, странная, интересная и очень важная. «Код Розы» – это сложное переплетение военной истории, любовных линий, шпионских страстей, но прежде всего потрясающе выписанная история женской дружбы в военные годы.

ISBN 978-5-86471-910-7

© Куинн К., 2021
© Фантом Пресс, 2021

Содержание

Предисловие	6
Пролог	7
Восемь лет назад. Декабрь 1939 года	11
Глава 1	11
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	29
До королевской свадьбы двенадцать дней. 8 ноября 1947 года	33
Глава 5	33
Семь лет назад. Июнь 1940 года	36
Глава 6	36
Глава 7	41
Глава 8	47
Глава 9	50
Глава 10	54
Глава 11	58
Глава 12	60
Глава 13	67
До королевской свадьбы одиннадцать дней. 9 ноября 1947 года	72
Глава 14	72
Шесть лет назад. Март 1941 года	75
Глава 15	76
Глава 16	80
Глава 17	85
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Кейт Куинн

Код Розы

*Посвящается ветеранам Блетчли-Парка
Вы изменили мир*

The Rose Code by Kate Quinn
Copyright © 2021 by Kate Quinn

© Елена Сафф, перевод, 2022
© «Фантом Пресс», оформление, издание, 2022

phantom press

Предисловие

Осенью 1939 года казалось, что Гитлера уже не остановить.

Связь во всех родах войск Германии осуществлялась с использованием ручных шифров, кодов телетайпа, а главное – машин «Энигма». Эти переносные шифровальные устройства превращали тексты приказов в бессмысленный набор букв, который передавался морзянкой по радиоволнам и расшифровывался при получении.

Даже если союзникам удавалось перехватить зашифрованные депеши, прочитать их они не могли. Немцы считали, что «Энигму» взломать невозможно.

Но они ошибались.

Пролог

8 ноября 1947 года

Лондон

Головоломка прибыла с послеобеденной почтой, запечатанная, замызганная. И убийственная.

Двадцатилетняя Озла Кендалл – волосы темные, на щеках ямочки, губы искривлены в презрительной усмешке – стояла посреди своей крохотной квартирki в Найтсбридже, которая выглядела так, словно ее только что бомбили «юнкерсы». Облаченная лишь во французскую кружевную комбинацию и дурное настроение, она разглядывала будто взрывом разметанные ворохи шелка и атласа. «Двенадцать дней до свадьбы века!» – восхищенно оповещал сегодняшний «Татлер»¹. Озла работала в «Татлере»; ей пришлось настрочить туда омерзительную колонку, озаглавленную: «А что наденешь ТЫ?»

Она взяла в руки розовое шелковое платье, расшитое завитками стразов.

– Как насчет тебя? – спросила она у платья. – Можешь сказать: «Я выгляжу просто сногшибательно, и плевать, что он женится на другой?»

Почему-то на уроках этикета в пансионе никогда не касались таких тем. Впрочем, какая разница, что она наденет. Все присутствующие в соборе будут в курсе: прежде чем появилась сегодняшняя невеста, жених и Озла были...

В дверь постучали. Поспешно набросив пеньюар, Озла отворила. Квартирка, конечно, невелика, но большего на свою зарплату в «Татлере» она не могла себе позволить, если хотела жить одна и при этом поблизости от всего интересного. Мать пришла в ужас: «Как, у тебя нет ни горничной? Ни швейцара? Переезжай ко мне, милая, пока не найдешь себе мужа. Тебе ведь вовсе не нужно *работать*». Но Озла всю войну провела, кочуя с приятельницами по чужим гостевым спальням. Теперь она была согласна поселиться хоть в чулане, лишь бы он принадлежал ей одной.

– Почту принесли, мисс Кендалл, – сообщила ей стоявшая в дверях прыщавая дочка квартирной хозяйки. Ее глаза метнулись к розовому платью, перекинутому через руку Озлы: – О-о, это для королевской свадьбы? В розовом вы будете смотреться просто потрясающе!

«Выглядеть потрясающе – этого мне мало, – подумала Озла, забирая стопку писем. – Я хочу затмить принцессу, настоящую, урожденную принцессу. И, надо признать, не могу».

– Прекрати немедленно! – приказала она себе, закрывая дверь за хозяйской дочкой. – Не смей впадать в уныние, Озла Кендалл.

По всей Британии женщины ломали голову, что надеть на самый большой праздник после Дня победы в Европе². Лондонцы собирались заранее занять места вдоль улиц, чтобы своими глазами увидеть украшенные цветами свадебные кареты и коляски. Сама Озла получила приглашение на церемонию венчания в Вестминстерском аббатстве. Уж за одно это надо быть благодарной, не то она рискует превратиться в одну из тех несносных мейфэрских³ зануд, кото-

---

¹ *Tatler* – основанный в 1901 году британский журнал о моде и высшем свете. – *Здесь и далее примеч. перев.*

² В Великобритании отмечают День победы в Европе (8 мая) и День победы над Японией (15 августа). Хотя днем окончания Второй мировой войны считается последняя дата, в 1945 году главные празднества были приурочены именно к победе в Европе.

³ *Мейфэр* – фешенебельный район в центре Лондона.

рые ноют, как это скучно – отправляться на главное светское событие века, какая морока – забирать из банка хранящиеся там фамильные бриллианты. Ах, что за мука – принадлежать к кругу избранных!

– Все будет тип-топ, – процедила Озла сквозь зубы. Она вернулась в спальню и отбросила розовое платье, которое повисло на настольной лампе. – Просто тип-топ.

Вообще-то приятно было видеть, как Лондон хорошеет, расцветая пестротой транспарантов и конфетти, как приготовления к свадьбе рассеивают ноябрьский холод и послевоенный мрак. Сказочное бракосочетание принцессы Елизаветы Александры Марии и красавца лейтенанта Филиппа Маунтбетгена (бывшего принца Филиппа Греческого) должно было отметить начало новой эпохи, в которой, хотелось надеяться, канут в прошлое продуктовые карточки и можно будет намазывать на сконы⁴ сколько хочешь масла. Озла была всецело за то, чтобы пышно отпраздновать наступление новых времен, – ведь, если подумать, ее собственная история тоже завершилась по-сказочному, с этим согласится любая женщина. Достойная служба на протяжении всей войны (пусть о ней никогда-никогда нельзя будет проронить ни слова), квартира в Найтсбридже, которую она оплачивает из собственного жалованья, гардероб, битком набитый модными нарядами, работа, состоящая в написании всякой занятой болтовни в «Татлер». А также жених, который надел ей на палец кольцо со сверкающим изумрудом, – да-да, не будем забывать жениха. Нет, у Озлы Кендалл не было решительно никаких причин паниковать. Да и вся эта история с Филиппом закончилась уже несколько лет назад.

И все же если бы ей удалось придумать предлог уехать из Лондона – если бы нашелся способ оказаться в другом месте (например, в Сахаре или, скажем, на Северном полюсе, да где угодно) в тот миг, когда Филипп склонит свою золотоволосую голову и принесет брачные обеты будущей королеве Англии... О, Озла не упустила бы шанс уехать.

Одной рукой она ерошила свои и без того растрепанные темные кудри, другой разбирала почту. Приглашения, счета... и замызганный конверт. Внутри лишь неровный лист бумаги с бессмысленным набором букв, образующим квадрат.

На мгновение мир покачнулся, и Озла вернулась в прошлое – в вонь угольных печурок и мокрых шерстяных свитеров вместо запаха полироля и папиросной бумаги, в скрип карандашей вместо гула лондонского дорожного движения. «Оз, а что такое *Klappenschrank*? Девочки, у кого под рукой словарь?»

Озла не стала задумываться о том, кто мог прислать ей эту бумажку. Давно дремавшие нейронные связи оживились в ее мозгу и скомандовали: «Не задавай вопросов, просто принимайся за работу». Она уже водила пальцем по торопливо нацарапанным буквам. «Это шифр Виженера⁵, – произнес в ее памяти негромкий женский голос. – Сейчас покажу, как его взламывают при помощи ключа. Но можно и без...»

– Ну, я-то без ключа не умею, – пробормотала Озла. Она не входила в число спецов, взламывавших шифры при помощи одного лишь карандашного огрызка и нелинейного мышления.

На конверте стоял незнакомый штампель. Ни подписи, ни обратного адреса, а шифр был набросан так поспешно, что почерк мог принадлежать кому угодно. Зато на оборотной стороне послания обнаружился заголовок – похоже, лист выдрали из принадлежавшего учреждению блокнота.

КЛОКУЭЛЛЬСКАЯ ЛЕЧЕБНИЦА ДЛЯ ДУШЕВНОБОЛЬНЫХ

– Нет, – прошептала Озла. – Нет...

Но она уже нашаривала карандаш в ящике письменного стола. Снова воспоминание. Чей-то голос со смехом декламирует:

---

⁴ *Скон* – вид сдобной булочки, традиционно подается с маслом и джемом к чаю.

⁵ Метод полиалфавитного шифрования текста с использованием ключевого слова. Его изобретение приписывают французскому дипломату и криптографу *Блезу де Виженеру* (1523–1596).

«Думал ты, что вечна слава, но пробил твой смертный час,
Когда девушки из Блетчли разгадали твой приказ».

Озла знала, какой у этой записки ключ. ДЕВУШКИ.

Она склонилась над бумажкой. Заскрипел карандаш, и постепенно криптограмма перестала быть загадкой.

«Стоунгров 7602»

Озла сделала глубокий вдох, ловя слова, долетавшие через потрескивание по телефонным проводам из самого Йоркшира. Удивительно, как легко узнать голос всего по паре слов, даже если не слышала его уже несколько лет.

– Это я, – сказала Озла. – Ты его получила?

Пауза.

– Прощай, Озла, – холодно ответила бывшая подруга.

Никаких «А кто это?» – та ее тоже узнала.

– Не смей бросать трубку, миссис... как там тебя теперь звать.

– Держи себя в руках, Оз. Нервишки шалют, потому что через две недели за принца выходишь не ты?

Озла закусила нижнюю губу, удерживаясь от резкого ответа.

– Я звоню не для того, чтобы шутки шутить, – сказала она. – Ты получила письмо или нет?

– Получила что?

– Ну Виженер же. В моем упоминаешься ты.

– Я только что вернулась с моря, где провела все выходные. Почту еще не разбирала. – Где-то рядом с трубкой зашуршала бумага. – Слушай, зачем ты мне звонишь? Я не...

– Оно от нее, понимаешь ты? Из клиники.

Ошеломленное молчание на том конце провода.

– Не может быть, – ответила наконец собеседница.

Озла знала: в этот момент они обе думали об одном и том же человеке. О третьем члене их блистательного трио военных лет.

Снова шуршание, звук разрываемой бумаги, а потом Озла услышала изумленный вдох и поняла, что далеко, в Йоркшире, из конверта извлекли другой зашифрованный квадрат.

– Расшифровывай, как она нас учила, – поторопила Озла. – Ключ – «девушки».

– «Когда девушки из...» – Голос в трубке смолк, не дойдя до следующего слова.

Они настолько привыкли к конспирации, что не смели произнести по телефону что-либо мало-мальски важное. Когда Закон о государственной тайне уже семь лет удавкой висит у тебя на шее, учишься прерывать собственные слова и мысли. В трубке послышался скрип карандаша. Озла начала бездумно расхаживать по комнате, три шага вперед, три шага назад. Разбросанные по спальне наряды выглядели как третьесортная пиратская добыча – яркие тряпки, тонущие в ворохе папиросной бумаги, картонных коробок, воспоминаний и прошедшего времени. Вот три девушки смеются, помогая друг дружке застегивать пуговицы на спине: «А ты в курсе, что в Бедфорде будут танцы? Играет американский оркестр, они знают все последние мелодии Гленна Миллера».

Наконец трубка ожила, из нее донесся настороженный и упрямый голос:

– Мы же не знаем наверняка, что это от нее.

– Не будь душой. Конечно, от нее. Посмотри на бланк. Это ведь оттуда, где она... – Озла тщательно следила за тем, что говорит. – Кто бы еще стал просить нашей помощи?

Трубка брызнула раскаленными от ярости словами:

– Я ей ни черта не должна.

– Она явно считает иначе.
– Кто знает, что у нее в голове? Она ведь *сумасшедшая*, ты не забыла?
– У нее случился нервный срыв. Это еще не доказывает, что она свихнулась.
– Она провела в дурдоме почти три с половиной года, – тоном, не терпящим возражений, напомнила собеседница. – Мы понятия не имеем, какая она теперь. По записке точно выходит, что чокнутая, – только погляди на эти обвинения...

Разговаривая по открытой телефонной линии, они не могли повторить то, что было написано в шифровке у каждой.

Озла прижала пальцы к векам.

– Нам надо встретиться, – сказала она. – Никак иначе это обсудить нельзя.

Голос в трубке царапнул ее слух, как разбитое стекло:

– Катись к черту, Озла Кендалл.

– Если еще помнишь, мы там вместе служили.

На другом конце Великобритании бросили трубку. Озла осталась спокойной, но рука, когда она опустила свою трубку на рычаг, дрожала. «Три девушки в войну», – подумала она. Когда-то они были не разлей вода.

Пока не настал день высадки в Нормандии, роковой день, когда они раскололись и превратились в двух девушек, которые на дух не переносят друг дружку, и одну, которую поглотил сумасшедший дом.

Внутри часов

Вдали от них изможденная женщина, уставившись в окно камеры, молилась, чтобы ей поверили, – впрочем, почти на это не надеясь. Ведь она жила в доме безумцев, где истина превращалась в безумие, а безумие – в истину.

Добро пожаловать в Клокуэлл.

Здесьняя жизнь походила на загадку – загадку, которую ей однажды задали во время войны в стране чудес под названием Блетчли-Парк. «Допустим, я у тебя спрошу, в каком направлении вращаются стрелки часов?» – «Ну... – нервно ответила она тогда. – По часовой?» – «А если ты внутри часов, тогда наоборот».

«И вот теперь я внутри часов⁶, – подумала она. – Где все идет в обратную сторону и никто никогда не поверит ни единому моему слову».

Кроме, быть может, двух женщин, которых она предала и которые, в свою очередь, предали ее. Когда-то они были ее подругами.

«Пожалуйста, – взмолилась женщина из клиники, устремив взгляд на юг, куда полетели, будто хрупкие бумажные птицы, ее зашифрованные послания. – Поверьте мне».

---

⁶ Первая половина названия лечебницы Клокуэлл переводится как «часы».

Восемь лет назад. Декабрь 1939 года

Глава 1

– «Я бы хотела, чтобы мне было тридцать шесть лет и я носила черное атласное платье и жемчужное ожерелье»⁷, – прочла вслух Маб Чурт и добавила: – Первая разумная вещь, которую я от тебя слышу, дуриха ты эдакая!

– Что это ты такое читаешь? – поинтересовалась мать, листая старый номер какого-то журнала.

– «Ребекку» Дафны дю Морье. – Маб перевернула страницу. Она решила сделать перерыв в штудировании уже порядком потрепанного списка «100 классических литературных произведений для начитанной леди». Конечно, никакой леди Маб не была, да и особо начитанной она себя вряд ли назвала бы, но твердо намеревалась стать и той и другой. Продравшись через номер 56, «Возвращение на родину» (Томас Харди, фу-у), Маб решила, что заслужила прочесть что-нибудь для собственного удовольствия, вроде «Ребекки». – Героиня там плакса, а герой – из тех угрюмых типов, которые изводят женщин, причем автор считает это ужасно соблазнительным. И все равно никак не оторваться!

Возможно, проблема заключалась в том, что когда Маб воображала себя тридцатишестилетней, она неизменно видела себя именно в черном атласе и жемчугах, у ее ног лежал лабрадор, а вдоль стен тянулись полки с принадлежавшими ей книгами, а не с засаленными библиотечными экземплярами. И Люси в тех мечтах была румяная, в сарафанчике цвета спелой сливы – такие носят девочки, которые ходят в дорогую частную школу и катаются на пони.

Маб перевела взгляд с «Ребекки» на младшую сестренку, изображавшую на пальцах скачки с препятствиями. Люси еще не исполнилось четырех. Чересчур худенькая, по мнению Маб, девочка была одета в грязный свитер и юбку. Она то и дело стягивала с ног носки.

– Люси, прекрати! – Маб подтянула ей носок. – Слишком холодно, чтобы бегать по дому босиком, как сиротка из Диккенса.

Диккенса (номера 26–33 в списке) она осилила в прошлом году – по кусочку, во время перерывов на чай. «Мартин Чезлвит», какая гадость.

– Пони носков не носят, – строго заметила Люси. Она была без ума от лошадей; по воскресеньям Маб водила ее в Гайд-парк глядеть на наездников. Как блестели глаза Люси при виде холеных девчушек, скакавших мимо нее в своих галифе и сапожках! Маб всем сердцем желала однажды посадить Люси на ухоженного шетлендского пони.

– Пони носков не носят, а маленькие девочки – еще как, – возразила старшая сестра. – Не то простудятся.

– Ты всю жизнь играла босой и ни разу не простыла, – покачала головой мать Маб. От нее Маб унаследовала рост, без дюйма шесть футов⁸, но дочь держалась прямо, выставив подбородок и расправив плечи, а мать постоянно горбилась. Зажатая в ее зубах сигарета заплясала, и миссис Чурт прочла вслух из старого выпуска «Байстэндера»⁹: – «Две дебютантки»¹⁰ 1939 года, Озла Кендалл и достопочтенная¹¹ Гвиневер Бродрик, поболтали с Иэном Фаркарром между забегами». Ты только погляди на норковое манто этой Кендалл...

---

⁷ Перевод Г. Островской.

⁸ 180 см.

⁹ *The Bystander* – британский еженедельный журнал, выходивший с 1903 по 1940 год.

¹⁰ *Дебютантка* – здесь: девушка из аристократической семьи, вышедшая в свет и представленная при дворе.

¹¹ *Достопочтенная* – титул дочери британского виконта или барона.

Маб бросила взгляд на страницу журнала. Матери было просто интересно, которая из дочерей лорда Икс сделала реверанс перед королевой и какая сестра леди Игрек появилась на скачках в Аскоте¹², облаченная в фиолетовую тафту. Сама Маб вгрызалась в светскую хронику, как в учебник: какие наряды удастся воспроизвести при ее зарплате продавщицы?

– Интересно, будет ли вообще в следующем году светский сезон. Война ведь, – задумчиво проговорила она.

– Думаю, большинство дебютанток запишутся в Женский королевский морской корпус, – прокомментировала мать. – Для нас-то сойдет Женская земельная армия либо Женский вспомогательный территориальный корпус, а высший свет повалит в ЖКМК. Ходят слухи, что форму для них разработал сам Молинё¹³, а ведь он одевает Грету Гарбо и герцогиню Кентскую...

Маб нахмурилась. Теперь повсюду мелькала не та, так другая форма – пока лишь по этому и было видно, что действительно идет война. Она вспомнила, как стояла рядом с матерью в этой самой ист-эндской квартире, нервно куря, а из радиоприемника звучала речь премьер-министра в прямой трансляции с Даунинг-стрит. Каким зябким и странным стал окружающий мир, когда Чемберлен как-то устало произнес: «Эта страна находится в состоянии войны с Германией». Но с тех пор немцы, считай, еще ни разу не подали голоса.

Мать снова стала читать:

– «Достопочтенная Дебора Митфорд на складном стуле. Рядом с ней лорд Эндрю Кавендиш». Только погляди на эти кружева, Мейбл...

– Я Маб, ма. – Если уж от фамилии «Чурт» никуда не деться, то пусть ее черти разорвут, если она станет мириться еще и с довеском «Мейбл». Продираясь через «Ромео и Джульетту» (номер 23 в списке), она наткнулась на фразу Меркуцио: «Все королева Маб. Ее проказы»¹⁴ и немедленно присвоила себе это имя. «Королева Маб». Имя для девушки, которая носит жемчуга, покупает сестре пони и выходит замуж за джентльмена.

Не то чтобы Маб грезил о переодетом герцоге или миллионере с яхтой на Средиземном море – жизнь не роман вроде той же «Ребекки». Никакой загадочный герой с плотно набитым бумажником не собирался плениться девушкой из Шордича¹⁵, хоть обчитайся всеми книжками на свете. Но вот джентльмен, приятный приличный мужчина с образованием и хорошей профессией... о да, такого мужа вполне можно было заполучить. Он точно существовал где-то там. Оставалось всего лишь с ним познакомиться.

– «Маб»! – Мать с усмешкой покачала головой. – Это кем же ты себя воображаешь?

– Кем-то, кто способен добиться большего, чем «Мейбл».

– Вечно это твое «большее». Выходит, то, что сойдет для нас, для тебя не годится?

«Нет, не годится», – подумала Маб, но не стала говорить вслух. Она уже знала, что людям не нравится, когда кто-то хочет большего. Пятая из шестерых детей, она выросла вместе со всеми в этой тесной квартирке, от которой за версту разило жареным луком и сожалениями, а уборную приходилось делить еще с двумя семьями. Черт побери, она вовсе не собиралась стыдиться своего происхождения, но смириться с подобной долей? Ни за что. Неужели это так ужасно – желать большего, вместо того чтобы горбатиться на фабрике, пока не выскочишь замуж? И хотеть себе в мужья не работягу из местных, который, скорее всего, будет пить, а в итоге вообще бросит ее, как отец бросил мать? Маб не пыталась убедить родных, что они могли бы добиться большего, – довольны своей жизнью, ну и отлично. Но пусть тогда и они оставят ее в покое!

---

¹² На скачках в Аскоте светские дамы традиционно демонстрируют наряды и экстравагантные шляпы.

¹³ Эдуард Молинё (1891–1974) – британский модельер, основатель одноименного модного дома.

¹⁴ Перевод Б. Пастернака.

¹⁵ Шордич – рабочий район в лондонском Ист-Энде.

– Думаешь, ты слишком хороша, чтобы работать? – возмутилась мать, когда в четырнадцать Маб не сразу согласилась бросить школу. – Прорва голодных ртов, а папаша твой сбежавши...

– Все нет, – отрезала тогда Маб. – Я не считаю, что слишком хороша для работы, но намерена трудиться для чего-то большего.

Даже тогда, в четырнадцать лет, вкалывая в бакалейной лавке и уворачиваясь от норвивших ущипнуть ее за зад продавцов, она уже думала о будущем. Выбилась в продавщицы и стала примечать, как разговаривают и одеваются покупатели поприличнее. Научилась иначе держаться и смотреть людям в глаза. Понаблюдав в течение года за девушками из универмага «Селфридж», она однажды собралась с духом, вошла через заветные двойные двери на Оксфорд-стрит в своем дешевом костюме и хороших туфлях, на которые угрохала половину годового жалованья, и получила-таки место в отделе пудры и духов. «Ишь ты, как повезло», – обронила тогда мать, как будто все это не потребовало никаких усилий.

А Маб на этом не остановилась, о нет. Она ведь только что окончила курсы секретарей, которые оплачивала сама, экономя на чем только можно. Свой двадцать второй день рождения в начале следующего года она собиралась встретить, сидя за полированным бюро и делая записи в блокноте под диктовку, а обращаться к ней тогда будут «Доброе утро, мисс Чурт!», а не «Эй, Мейбл!».

– Ну и чего ради все это? – спросила мать. – Чтобы подцепить богатого дружка, который пару раз сводит тебя в ресторан?

– Богатые дружки меня мало интересуют, – ответила Маб. Она считала, что любовным историям место в романах, и только. Любовь – не главное, даже замужество – не главное, если подумать. Конечно, наличие хорошего мужа – самый быстрый путь наверх, к комфорту и достатку, но путь этот вовсе не единственный. Лучше уж доживать свой век старой девой за полированным бюро, но со сбережениями в банке, которые накопила сама, собственными усилиями, – есть чем гордиться, – чем разочароваться в жизни и состариться раньше времени из-за нескончаемых беременностей и тяжелого труда на фабрике.

Да все что угодно лучше этого!

Маб взглянула на часы. Пора на работу.

– Чмокни меня, Люс. Как там твой пальчик? – Маб осмотрела костяшку пальца сестренки, куда накануне попала заноза. – И следа не осталось. Ну и грязнуля же ты... – заметила она, вытирая щеки девочки чистым носовым платком.

– Капелька грязи еще никому не повредила, – проворчала миссис Чурт.

– Когда вернусь, устрой тебе купание в ванне, – пообещала Маб, целуя сестру и стараясь не сердиться на мать. Просто она устала, вот и все.

Маб все еще с болью вспоминала ярость матери из-за этого позднего прибавления к семейству, где уже выросло пятеро детей. «Стара я стала бегать за малышами», – вздыхала мать, глядя, как Люси ползает по полу, будто краб. Но делать было нечего, пришлось им всем научиться справляться.

«Во всяком случае, это ненадолго», – подумала Маб. Заполучив хорошего мужа, она точно уговорит его помочь сестренке, чтобы Люси не пришлось бросать школу в четырнадцать и идти работать. Если он сделает это, Маб больше никогда ни о чем его не попросит.

Она поспешила на улицу, и холод хлестнул ее по щекам. До Рождества всего пять дней, а не выпало пока ни снежинки. Мимо промелькнули две девушки в форме Женского вспомогательного территориального корпуса, и Маб задумалась, куда ей податься, если служба в женских корпусах станет обязательной...

– Прогуляемся, милашка? – Парень в форме авиатора догнал ее и пошел рядом. – У меня увольнительная. Может, развлечемся вместе?

Маб ответила ему взглядом, который отработала еще в четырнадцать, – возмущенно вытаращилась из-под своих прямых, ровных угольно-черных бровей – и прибавила шаг. «А ведь можно поступить в Женский вспомогательный летный корпус», – осенило ее. Форма парня напомнила ей, что в Королевских военно-воздушных силах есть женское вспомогательное отделение. Все лучше, чем попасть на сельхозработы и разгрести навоз где-нибудь в Йоркшире.

– Да ладно, нельзя так обращаться с человеком, который вот-вот попадет на фронт! Ну хоть поцелуй...

Его рука змеей обвилась вокруг ее талии, крепко сжимая. На Маб пахнуло пивом и помадой для волос. Мерзкое воспоминание всколыхнулось и начало застилать ей глаза. Подавив это чувство, она рывкнула резче, чем собиралась:

– Отвали!

И молниеносно саданула пилота по икрам. Больно саданула. Он взвыл и споткнулся на обледенелых булыжниках мостовой. Маб отлепила его руку от своего бедра и направилась к станции метро, не слушая, что он кричал ей вслед, и загоняя подальше *то* воспоминание. Хотя что-то хорошее вышло из этой войны – пусть улицы и заполнились солдатами, готовыми распускать руки, все же многие из них мечтали повести свою девушку к алтарю, а не просто затащить в постель. Одним из самых заметных последствий стала череда поспешных свадеб. Маб уже успела насмотреться на них у себя в районе: невесты произносили брачные обеты, не дожидаясь, пока найдется хотя бы подержанное свадебное платье, только бы надеть заветное кольцо, прежде чем жених попадет на фронт.

А ведь образованные джентльмены торопились на войну не меньше простых парней из Шордича. Конечно, Маб в голову бы не пришло назвать войну счастливым событием – она ведь читала и Уилфреда Оуэна, и Фрэнсиса Грея (правда, составители списка «100 классических литературных произведений для образованной леди» сочли военную поэзию несколько неприличной для читательниц). Но только полная идиотка не поняла бы, что войне предстоит изменить привычный мир, и дело не только в продуктовых карточках.

А может, и незачем искать место секретарши. Неужели в Лондоне не найдется такой работы на военные нужды, где девушка, умеющая отлично печатать и стенографировать, могла бы удобно устроиться, исполнить свой долг перед родиной и королем, а заодно познакомиться с парой-другой приличных мужчин и помочь своим родным?

Где-то хлопнула дверь магазина. На улицу ненадолго вырвалась мелодия песни «Остролист и плющ», которую передавали по радио. А ведь возможно, подумала Маб, что к Рождеству 1940-го все вокруг будет совсем другим. В этом году все должно было перемениться.

Война – это к переменам.

Глава 2

Надо найти работу. Вот о чем Озла в первую очередь подумала, вернувшись в Англию в конце 1939 года.

– Милая, так ты не в Монреале? – удивленно воскликнула ее подруга Салли Нортон. У Озлы и достойной Сары Нортон имелся общий крестный, а ко двору они были представлены с разницей всего лишь в год. Вот Озла и позвонила Салли, едва ступив на английскую землю. – Я думала, мать отправила тебя к кузинам, едва только началась война.

– Салли, ты правда думала, что мне что-то мешает вернуться домой?

Кипящей от возмущения Озле хватило шести недель, чтобы спланировать побег из Монреала, куда ее спроводила мать. Немного беззастенчивого флирта с парочкой влиятельных мужчин, которые выправили ей разрешение на дорогу, чуть-чуть находчивого вранья канадским кузинам, малюсенький подлог – право же, Озле тот билет на самолет Монреаль – Лиссабон подходил куда больше, нежели его изначальному владельцу, – а дальше осталось только запрыгнуть на корабль, плывущий из Португалии, и дело в шляпе. «Счастливо оставаться, Канада!» – пропела Озла, забрасывая чемодан в такси. Пусть она и родилась в Монреале, но до своих четырех лет, когда она впервые прибыла в Англию вместе с только что получившей развод матерью, свиту которой составляли дорожные сундуки, скандальные слухи и дочка, Озла себя не помнила. Канада, бесспорно, прекрасна, но ее дом – Англия. Пусть лучше тут на нее упадет бомба, но она будет среди друзей. В безопасности на чужбине она бы просто зачахла.

– Мне нужна работа, – сообщила Озла Салли. – То есть в первую очередь мне необходим парикмахер. Я подхватила вшей на кошмарном лиссабонском корабле и вообще выгляжу как пугало. А после этого мне понадобится работа. Мамуля так взъерепенилась, что перестала выплачивать мое содержание. Могу ее понять! Да и вообще пора взять себя в руки и потрудиться на благо страны. Война как-никак. – «Трон королей, державный этот остров»¹⁶ и так далее и тому подобное. Учитывая, сколько пансионеров в свое время указали Озле Кендалл на дверь, было бы странно, если бы она не набралась там шекспировских цитат.

– Женский королевский морской корпус...

– Не мели вздор, Салли. Все ожидают, что девушки вроде нас запишутся в ЖКМК. – Озлу не раз обзывали светской дурочкой, и ей надоело терпеть эти уколы. Ах, ее считают всего лишь тупой дебютанткой, мейфэрской штучкой, бальной бабочкой? Ну так она им докажет, что девушка из высшего света тоже способна по-настоящему закатать рукава. – Лучше запишемся в Женскую земельную армию. Или собирать самолеты – как тебе такая идея?

– Да что ты знаешь о сборке самолетов? – расхохоталась Салли.

Примерно тем же вопросом встретил их и скептически настроенный начальник цеха на заводе «Хокер Сидли» в Колнбруке, куда они пришли наниматься несколько дней спустя.

– Зато я знаю, как снять руль автомобиля, чтобы в случае оккупации его не угнали фрицы, – парировала Озла.

Она и глазом не успела моргнуть, как оказалась облаченной в спецовку и в компании еще пятнадцати девушек по восемь часов в день сверлила листы дюраля в учебном цеху. Работа была нудной, зато она сама зарабатывала на жизнь и впервые ни от кого не зависела.

– Я полагала, мы будем собирать «спитфайры» и флиртовать с пилотами, – разочарованно бросила стоявшая за верстаком напротив нее Салли, – а не сверлить, сверлить да сверлить без конца.

На дворе был канун Нового года.

– Не ныть! – отозвался проходивший мимо инструктор. – Идет война!

---

¹⁶ Цитата из пьесы Уильяма Шекспира «Ричард Второй» (пер. А. И. Курошевой).

Озла успела заметить – теперь все, чуть что, поминали войну. Молоко закончилось? Идет война! На чулке затяжка? Так война же идет!

– Ой, только не говорите, что вас самого не мутит от этой мерзости, – пробормотала Салли, стуча по лежавшему перед ней листу дюралья.

Озла с ненавистью посмотрела на свой. Дюралем обшивали «харрикейны», на которых летали пилоты Королевских ВВС (если они вообще куда-то летали – казалось, на этой войне ничего не происходит). Последние два месяца Озла училась сверлить дюраль, обрабатывать дюраль напильником, клепать дюраль... Металл сопротивлялся и плевал в нее тонко растертой пылью, застревавшей в волосах и в носу, после купания вода в ванне была серой. Кто бы подумал, что можно настолько невзлюбить самый обычный металлический сплав.

– Надеюсь, ты спасешь жизнь какому-нибудь красавчику-пилоту, когда тебя наконец-то пришиблят к боку «харрикейна», – обратилась она к листу дюралья, направляя на него сверло, как ковбой из вестерна – револьвер.

– Слава богу, хоть на Новый год выходной, – простонала Салли, когда стрелки часов доползли до шести и поток работниц направился к дверям. – Ты какое платье привезла?

– Зеленое атласное. Я быстренько его накину в мамином номере в «Кларидже»¹⁷.

– А она тебя уже простила за побег из Монреаля?

– Более-менее. Она сейчас всем довольна, поскольку нашла себе нового поклонника.

Озле хотелось надеяться, что поклонник не станет однажды ее четвертым по счету отцом.

– Кстати, о поклонниках! Я пообещала одному бесподобному парню познакомить его с тобой. – Салли лукаво посмотрела на Озлу. – Он то что надо.

– Надеюсь, брюнет? Блондинам доверять нельзя.

Все еще смеясь, они выбежали из заводских ворот и понеслись к дороге. Когда получаешь один выходной раз в восемь дней, глупо терять драгоценное время, возвращаясь на квартиру. На этот раз им удалось поймать попутку до самого Лондона. Фары старенького «алвиса» были прикрыты чехлами с прорезями – светомаскировка, – а двое лейтенантов на переднем сиденье оказались уже здорово поддатými. К «Клариджу» они подкатили, распевая «Можно всё»¹⁸ в четыре глотки. Салли задержалась у машины, флиртуя с лейтенантами, а Озла взлетела вверх по ступенькам и поздоровалась со швейцаром, который уже много лет был для нее чем-то вроде дворецкого, дядюшки и личного секретаря в одном лице:

– Здравствуйте, мистер Гиббс!

– Добрый вечер, мисс Кендалл. Вы приехали вместе с мисс Нортон? О ней справлялся лорд Хартингтон.

– Салли устроила мне свидание с парнем, – сказала Озла, понизив голос. – Она вам случайно не намекнула, кто это?

– Вы верно угадали – намекнула. Он ожидает вас в главном салоне. Одет в форму кадета Военно-морского флота. Передать ему, что вы спуститесь через час, когда переоденетесь? – проницательно добавил швейцар.

– Нет уж, если я ему не понравлюсь в спецовке, то и наряжаться ради него не стоит.

Подбежала Салли и начала спрашивать Гиббса о Билли Хартингтоне. Озла неторопливо направилась в вестибюль. Приятно было шествовать в замызганной спецовке по мраморному полу, отделанному в стиле ар-деко, и ловить на себе возмущенные взгляды мужчин во фраках и женщин в атласных вечерних нарядах. «Ну смотрите, смотрите же на меня! – хотелось ей кричать. – Я только что с восьмичасовой смены на самолетостроительном заводе. И

---

¹⁷ «Кларидж» – фешенебельный отель в центре Лондона.

¹⁸ *Anything Goes* – песня Коула Портера, написанная в 1934 году для одноименного мюзикла.

теперь я отправлюсь в “Кафе де Пари“ отплясывать конгу до рассвета. Посмотрите на меня! Я Озла Кендалл, мне восемнадцать, и я наконец-то приношу пользу».

Он стоял у барной стойки, спиной к залу и к ней, – форму морского кадета заметить было нетрудно, а вот лица не разглядеть.

– Это случайно не с вами мне устроили свидание? – поинтересовалась она, обращаясь к его великолепным плечам. – Во всяком случае, так сказал мистер Гиббс, а если вы хоть раз были в «Кларидже», то знаете, что мистер Гиббс никогда не ошибается.

Он обернулся, и первой мыслью Озлы было: «Салли, змея ты эдакая, могла бы и предупредить!» Хотя нет, это была уже вторая мысль.

А первая – она знает, кто перед ней, хотя они никогда прежде не встречались. Его имя то и дело мелькало в «Татлере» и «Байстэндере»; она знала, из какой он семьи и кем приходится британскому королю. Знала, что они ровесники, что он кадет в Дартмуте и что по требованию короля вернулся в Британию из Афин, как только началась война.

– Вы, должно быть, Озла Кендалл, – сказал принц Филипп Греческий.

– Правда? – растерянно отозвалась она, с трудом удерживаясь от желания поправить волосы. Знай она заранее, что идет на свидание с принцем, то уж нашла бы минутку, чтобы вычесать из кудрей дюралевую стружку.

– Во всяком случае, мистер Гиббс сказал, что вы примерно сейчас и подойдете. А ведь мистер Гиббс никогда не ошибается.

Принц прислонился к барной стойке – золотистый загар, волосы сияют, как новенькая монета, прямой взгляд синих-пресиних глаз. Хорошенько рассмотрев грязную спецовку Озлы, он улыбнулся. «О боже, – подумала она. – Вот так улыбка!»

– Сногшибательный наряд, – заметил он. – Так вот что носят все девушки в нынешнем сезоне?

– В нынешнем сезоне это носит Озла Кендалл, – парировала она, вставая в позу, достойную обложки модного журнала, и отгоняя мысли о лежащем на дне сумки зеленом атласе. – Меня нельзя запереть в слабой ограде местных обычаев!¹⁹

– «Генрих Пятый», – немедленно отреагировал он.

– Ого, я вижу, в Шекспире вы разбираетесь.

– Немного пришлось подучить в Гордонстауне. – Он кивнул бармену, и у локтя Озлы появился широкий бокал исходящего пеной шампанского. – В свободное от походов и парусных гонок время.

– Даже не сомневалась, что вы моряк.

– Почему это?

– Вы ведь вылитый викинг – должно быть, пришлось немало поработать веслами. У вас случайно не припаркована за углом ладья?

– Увы, всего лишь «воксхолл» моего дяди Дикки, как ни жаль мне вас разочаровывать.

– Вижу, вы уже подружились, – рассмеялась Салли, внезапно оказавшаяся рядом. – Оз, наш с тобой общий крестный (она подразумевала лорда Маунтбеттена) по совместительству приходится Филу дядюшкой. Дядя Дикки сказал, что Фил абсолютно никого не знает в Лондоне, и попросил познакомить его с приличной девушкой, которая покажет ему тут все.

– *Приличная* девушка, – пробурчала Озла в бокал с шампанским. – Нет ничего зануднее, чем когда тебя называют *приличной*.

– Я вас вовсе не считаю приличной, – возразил принц.

– Да вы мастер делать комплименты! – Озла откинула голову назад. – А кем же вы меня считаете?

– Вы самая хорошенькая девушка в спецовке, которую я встречал в своей жизни.

---

¹⁹ Измененная цитата из пьесы Шекспира «Генрих V» (пер. Е. Бируковой).

– И это вы еще не видели, как я клепаю швы.

– С удовольствием посмотрю, принцесса.

– Так мы идем на танцы или как? – нетерпеливо спросила Салли. – Пошли наверх, Оз, пора переодеваться!

Принцу Филиппу, похоже, пришла в голову идея.

– А если я брошу вам вызов... – начал он.

– Берегитесь! – перебила его Озла. – Предупреждаю, этим меня не испугать.

– Озла никогда не отступает, – подтвердила Салли. – В пансионе мисс Фентон старшие девочки подбили ее подсыпать чесоточный порошок директрисе в панталоны.

Ухмыляющийся Филипп воззрился на Озлу с высоты своих шести футов:

– И вы это сделали?

– Естественно. Заодно украла ее пояс для чулок, забралась на крышу часовни и подвесила его на кресте. Ну и скандал же она закатила. А в чем состоит ваш вызов?

– Пойдите на танцы в том, в чем вы сейчас, – подначил ее принц. – Не переодевайтесь в свой атлас или что там у вас в сумке.

– Принято! – Озла залпом допила шампанское, и троица, смеясь, выкатились из главного салона.

Мистер Гиббс подмигнул Озле, открывая перед ней двери. Она вдохнула полной грудью ледяную звездную ночь – благодаря затемнению над Лондоном теперь действительно можно было разглядеть звезды – и посмотрела через плечо на принца Филиппа, который тоже остановился, запрокинув голову. В ее венах заиграло шампанское, и она спросила, потянувшись к сумке:

– Но их-то мне можно надеть? – В руке болталась пара зеленых атласных сандалий со стразами. – Как-никак принцесса не может плясать конгу без своих хрустальных туфелек.

– Пожалуй, да. – Принц Филипп забрал у нее сандалии и переместил ее руку на свое плечо. – Держитесь, не упадите...

Опустившись на одно колено прямо на ступеньках «Клариджа», он расшнуровал ботинки Озлы, дождался, пока она выпростала из них ноги, затем стянул с нее шерстяные носки и обул ее голые ступни в атласные сандалии – одну, вторую. В лунном свете его загорелые пальцы, касавшиеся ее белых щиколоток, казались совсем темными. Наконец он поднял к ней полу-прикрытые веками глаза.

– Ну-ну, – ухмыльнулась ему Озла. – И много девушек уже удостоились этого трюка, господин моряк?

Он тоже рассмеялся, не сумев сохранить на своем лице серьезное выражение, и так хохотал, что чуть не потерял равновесие. На мгновение его голова коснулась колена Озлы, и она дотронулась до его блестящей шевелюры. Теплые пальцы Филиппа все еще держали ее за щиколотку. Ночь была холодная. Озла заметила, как тарашатся прохожие на девушку в спецовке на ступеньках лучшей гостиницы Мейфэра и мужчину в морской форме, преклонившего перед ней колена, и шутливо шлепнула Филиппа по плечу.

– Ну все, прекращайте млеть, – скомандовала она.

– Как прикажете. – Он поднялся.

Все трое вприпрыжку спустились по накрытым ворсистой ковровой дорожкой ступенькам «Кафе де Пари» – клуб располагался в подвале – и протанцевали всю новогоднюю ночь напролет.

– Не знала, что у вас в Греции тоже умеют танцевать фокстрот! – Вращаясь в руках Филиппа, Озла пыталась перекричать ревущие тромбоны. Он оказался быстрым, темпераментным танцором.

– Да я же не грек, – выдохнул Филипп, закрутив Озлу в такой пируэт, что дыхание полностью вернулось к ней, лишь когда музыка перетекла в мечтательный вальс.

Движения Филиппа стали медленнее. Он пригладил свои растрепанные волосы и снова сгреб Озлу в охапку. Она положила ладонь на его свободную руку, и они плавно закачались в ритме танца.

– В каком смысле не грек? – спросила она. Вокруг кружились, сталкивались и смеялись пары. В «Кафе де Пари» царила особая атмосфера, теплая, интимная, как ни в одном другом лондонском клубе, – возможно, потому, что заведение располагалось на глубине двадцати футов под землей. Музыка здесь казалась громче, шампанское – холоднее, кровь – горячее, а шепот – лихорадочнее.

Филипп пожал плечами.

– Меня вывезли с Корфу в ящике из-под фруктов, когда мне не исполнилось и года, – пояснил он. – Мы убегали от толпы революционеров. Я мало времени провел в Греции, почти не говорю на их языке. Да это и не понадобится.

Озла знала, что он имел в виду – он не станет там королем. С тех пор греческая королевская семья вроде бы вернулась на трон, как она смутно припоминала, но Филипп был далеко не первым в очереди на престолонаследие и, учитывая деда-англичанина и дядю-англичанина, походил просто на одного из многочисленных королевских кузенов. И разговаривал так же, как они.

– У вас произношение еще более английское, чем у меня, – заметила Озла.

– А вы канадка...

– ...и ни одна из девушек, с которыми меня представили ко двору, не позволила мне об этом забыть. Но на самом деле лет до десяти я говорила с немецким акцентом.

Он удивленно приподнял бровь:

– Вы немецкая шпионка? Правда, я не знаю никаких военных секретов, ради которых меня стоило бы соблазнить, но надеюсь, вас это не остановит.

– Для принца вы себя очень плохо ведете – да что там, положительно опасны.

– Все лучшие принцы ведут себя именно так. А откуда у вас взялся немецкий акцент?

– Моя мать развелась с отцом и приехала в Англию, когда я была совсем маленькой. – Озла покружилась под его рукой, затем снова оперлась на сгиб его локтя. – И заперла меня в деревне с немецкой гувернанткой. По понедельникам, средам и пятницам я говорила только по-немецки, по вторникам, четвергам и субботам – по-французски. Пока меня не отправили в пансион, я пользовалась английским лишь один день в неделю. И на всех языках у меня был немецкий акцент.

– Канадка, разговаривает как немка, а живет в Англии. – Филипп перешел на немецкий: – Какая же страна по-настоящему завладела сердцем Озлы Кендалл?

– *England für immer, mein Prinz*²⁰, – ответила Озла и тут же вновь переключилась на английский. Не хватало еще, чтобы их действительно обвинили в шпионаже на немцев, мало ли что взбредет в голову полному залу патриотично настроенных лондонцев навеселе. – У вас безупречный немецкий. Вы на нем говорили дома?

Он рассмеялся, но как-то невесело.

– В каком смысле «дома»? Прямо сейчас я живу на раскладушке в столовой дяди Дикки. Дом – это везде, куда пригласили или где живет очередной кузен.

– Я это хорошо понимаю.

Он недоверчиво посмотрел на нее.

– Сейчас я живу в одной квартире с Салли. До этого – с кошмарными монреальскими кузинами, которые были мне совсем не рады. А еще раньше крестный поселил меня у себя на время светского сезона, – пожал плечами Озла. – У моей матери постоянные апартаменты в «Кларидже», где я чувствую себя лишней, если вдруг задержусь больше чем на одну ночь.

---

²⁰ Англия навсегда, мой принц (нем.).

Отец давно умер. Где мой дом? Понятия не имею. – Она широко улыбнулась. – Но сокрушаться по этому поводу не собираюсь. Все мои подруги, которые до сих пор живут с родителями, изнывают от желания сбежать, так что еще вопрос, кому из нас больше повезло!

– Прямо сейчас? – Рука Филиппа обвилась вокруг ее талии. – Мне.

Какое-то время они молча вальсировали. Их тела легко и свободно двигались в танце. Пол был липким от пролитого шампанского; музыканты начинали выбиваться из сил. Несмотря на время – почти четыре утра, – клуб оставался забитым под завязку. Никто не хотел останавливаться – и Озла тоже. Ее брошенный через плечо Филиппа взгляд уперся в плакат на стене – один из тех победных плакатов, что появились в Лондоне повсюду, как грибы после дождя. «Победили однажды – победим снова!»

– Пусть бы эта война наконец-то толком началась, – сказала Озла. – Это ожидание... Мы ведь знаем, что они собираются нас атаковать. Где-то в глубине души мне хочется, чтобы они уже принялись за дело. Чем скорее начнется, тем скорее и закончится.

– Пожалуй, – проронил Филипп и отвернулся.

Теперь его щека почти касалась ее волос, и они больше не глядели друг другу в глаза. Озла многое бы отдала, чтобы взять свои слова обратно. Легко ей болтать, что, мол, хорошо бы война наконец началась, – ведь не ей предстоит идти на фронт и по-настоящему воевать. Хотя Озла и считала, что каждый обязан сражаться за родину и короля, но понимала, что для женщин этот вопрос оставался в целом теоретическим.

– Да нет, я как раз хочу сражаться, – проговорил Филипп, уткнувшись ей в волосы, будто прочитал ее мысли. – Хочу уйти в море и исполнить свой долг. Главным образом, чтобы окружающие перестали подозревать меня в тайных немецких симпатиях.

– Что?!

– Три мои сестры вышли за членов нацистской партии. Правда, тогда те не были нацистами... В общем, неважно. Просто хочется заткнуть рот людям, которые считают меня слегка подозрительным из-за семейных связей.

– А мне бы хотелось заткнуть рот тем, кто считает, что от беззаботной дебютантки не может быть никакой пользы. Вы скоро выходите в море?

– Не знаю. Будь моя воля, я бы уже завтра стоял на палубе военного корабля. Дядя Дикки пытается мне помочь. Может, на следующей неделе, а может, и через год.

«Пусть это случится через год», – мысленно взмолилась Озла, ощущая под рукой его худое, но крепкое плечо.

– Значит, вы будете гоняться в море за немецкими подлодками, а я – клепать швы в Слау. Не так уж плохо для светской пустышки и слегка подозрительного принца.

– Вы могли бы заняться кое-чем поинтереснее клепки. – Он притянул ее ближе, не отрывая щеки от ее локонов. – Вы не спрашивали дядю Дикки – может быть, в министерстве обороны найдется работа для девушки с вашим знанием языков?

– Предпочитаю собирать «харрикейны» своими руками, пусть они при этом и пачкаются. Для борьбы за победу это важнее, чем стучать по клавишам печатной машинки.

– Борьба – это ради нее вы пробрались сюда обратно из Монреаля?

– Если твоя страна в опасности, а ты уже способна ее защищать, так и надо делать, – отчеканила Озла. – А не вытащить свой канадский паспорт...

– Или греческий.

– ...и смыться в безопасное место. Так просто нельзя.

– Полностью согласен.

Вальс закончился. Озла отступила на шаг, посмотрела ему в лицо.

– Мне пора возвращаться на квартиру, – огорченно признала она. – Я уже совсем без сил.

И Филипп отвез Озлу и зевающую Салли обратно в Олд-Виндзор. Водил он так же страстно, как танцевал. Припарковавшись, он помог Салли выбраться с заднего сиденья. Сонно чмокнув его в щеку, она поковыляла по темной улице. Послышался всплеск, визг, и голос Салли кисло сообщил:

– Оз, смотри под ноги, если не хочешь испортить туфли. Прямо перед дверью натекло целое озеро...

– Придется снова надевать ботинки. – И Озла потянулась к усеянным стразами пряжкам сандалий, но Филипп поднял ее на руки.

– Нельзя рисковать хрустальными туфельками, принцесса.

– Ну, знаете, это уже слишком, – рассмеялась она, обхватив его за шею. – Даже для моряка чересчур театрально, разыграно как по нотам.

Она почти чувствовала его озорную улыбку, пока он нес ее сквозь темноту. Висевшие на локте Озлы ботинки и ридикюль стучали по его спине. От него пахло лосьоном после бритья и шампанским. Чуть влажные и растрепанные после танцев волосы Филиппа мягко завивались вокруг ее пальцев там, где она сомкнула руки на его затылке. Прошлепав по луже, он собрался было поставить Озлу на крыльцо, но в этот момент она легко коснулась его губ своими.

– Просто чтобы закрыть вопрос, – беззаботно пояснила она. – Не то мы еще долго будем тут топтаться и думать, целоваться – не целоваться... ужасно неловко.

– Меня еще никогда не целовала девушка, просто чтобы закрыть вопрос. – Озла ощутила, как его губы улыбаются возле ее рта. – Тогда уж сделаем это как следует...

Его поцелуй был долгим, неспешным, Филипп все еще не выпускал ее из объятий. У его губ был вкус нагретого солнцем моря, и в какой-то момент Озла уронила ботинки прямо в лужу.

В конце концов он опустил ее на крыльцо. Они постояли в темноте. Озла с трудом переводила дух.

– Я не знаю, когда уйду в море, – сказал Филипп, прервав молчание. – Однако до того мне бы хотелось снова вас увидеть.

– Но здесь совершенно нечем заняться. В свободное от клепания дюралю время мы с Салли едим овсянку и слушаем граммофонные пластинки. Скучища.

– Вовсе не думаю, что вы настолько скучная. Готов биться об заклад, что все как раз наоборот. Держу пари, вас трудно забыть, Озла Кендалл.

В голову ей пришло сразу несколько легких ответов, подходящих для флирта. Она всю жизнь флиртвала – инстинктивно, защищаясь. «И ты тоже играешь в эту игру, – подумала она, глядя на Филиппа. – Стараешься быть обворожительным со всем и каждым, чтобы никто не подобрался к тебе слишком близко». Всегда находились люди, которые были бы не прочь поближе познакомиться с симпатичной брюнеткой, крестницей лорда Маунтбеттена и наследницей толстого пакета отцовских акций Национальной Канадской железной дороги. И Озла не сомневалась, что еще больше людей пытались приблизиться к красавцу-принцу, пусть и несколько запятнанному наличием зятьев-нацистов.

– Приходи меня проведать в любой вечер, Филипп, – сказала Озла просто, без всяких игр. Ее сердце подпрыгнуло, когда он дотронулся до форменной фуражки и направился к своему «вокхоллу».

Начинался 1940 год, и она его встретила в рабочей спецовке и атласных сандалиях, танцующая с принцем. Интересно, что еще принесет ей этот год.

Глава 3

Июнь 1940 года

Маб изо всех сил старалась с головой уйти в библиотечную «Ярмарку тщеславия», но даже сцена с Бекки Шарп, выбрасывающей словарь из окна кареты, не смогла отвлечь ее от окружающей действительности. Отбывающий из Лондона поезд был битком, а сидевший напротив мужчина убажрал себя, засунув руку в карман брюк.

– Как тебя звать? – промурлыкал он, едва Маб затащила в вагон свой коричневый картонный чемодан.

Она ответила ему самым леденящим из своих свирепых взглядов. На какое-то время его оттерли в сторону военные, которых так и тянуло в это купе вслед за ослепительной брюнеткой в пальто с меховой оторочкой. Но чем дальше на север от Лондона уходил поезд, тем меньше с каждой станцией в нем насчитывалось солдат. Наконец в купе остались лишь Маб, брюнетка и тот, что с рукой в кармане.

– Ну улыбнись же, красотка!

Маб его проигнорировала. На полу валялась затопанная грязными ботинками газета – на ее кричащие о катастрофе в районе Дюнкерка²¹ заголовки Маб тоже старалась не смотреть.

«Дальше наша очередь». Так сказала мать Маб, когда пала Дания, пала Норвегия, пала Бельгия, пала Голландия – они падали одна за другой, будто безудержно катящиеся по склону булыжники. А потом пала даже Франция, черт ее подери! И миссис Чурт стала уж совсем трагически качать головой. «Дальше наша очередь», – говорила она всем, кто был готов слушать, и Маб чуть ее не убила за это. «Ма, а может, перестанешь вечно болтать о немцах-убийцах, немцах-насилльниках и о том, что они с нами сделают?» Ссора вышла ужасная, а за ней последовала еще не одна и не две: Маб тщетно пыталась убедить мать уехать из Лондона вместе с Люси. «Хоть ненадолго», – уговаривала она, а мать отрезала: «Шордич я покину только вперед ногами».

В тот раз они так жутко разругались, что Маб даже почувствовала облегчение, получив неделю назад странную повестку на работу в Бакингемшире. Люси так и не поняла, что Маб уезжает, и когда сестра этим утром крепко обняла ее на прощанье, малышка склонила голову набок и сказала: «До вечера!» – как обычно.

«Нет, нынче вечером мы не увидимся, Люс». Маб еще ни разу не проводила ночь вдали от сестренки. Конечно же, она приедет в Лондон первым же поездом, как только получит выходной. Какой бы ни оказалась эта загадочная работа, даже там должны быть выходные, пусть и война. А ведь не исключено, что условия в... как бишь называется этот городок? – словом, вдруг жилье окажется настолько приличным, что удастся перевезти туда, за город, всю семью. Лучше уж жить в глуши среди полей и зелени, чем в Лондоне, который вот-вот начнут бомбить... При мысли о бомбежках Маб вздрогнула и вернулась к «Ярмарке тщеславия». Бекки Шарп тоже как раз получила работу за городом, куда и направлялась, не особо волнуясь о том, что в ее страну вот-вот вторгнется враг. Но в те времена Британии угрожал всего лишь Наполеон, а у него ведь не было треклятых «мессершмиттов»...

---

²¹ В мае-июне 1940 года войска союзников были заблокированы силами противника во французском порту Дюнкерк. Ценой невероятных усилий большую часть войск удалось переправить морем в Англию, но многие солдаты погибли или попали в плен. Немцы также захватили множество орудий и боеприпасов.

– А тебя как звать, красотка? – Любвеобильный сосед переключился на миниатюрную брюнетку в пальто с меховой оторочкой. Его пальцы снова завозились в кармане. – Ну хоть улыбнись, ух ты мой симпомпончик!

Брюнетка залилась ярко-розовым румянцем и подняла глаза от книги. Маб колебалась – может, вмешаться? Обычно она твердо держалась лондонского правила «не суй нос в чужие дела», но брюнетка выглядела слишком уж нежной фиалкой. Собственно, именно такие особы вызывали у Маб помесь легкой досады и зависти – дорогая одежда, холеная кожа (автор дамского романа назвал бы ее алебастровой), невысокая ладная фигурка, о какой мечтает каждая женщина. Мужчины таким прохода не дают. Словом, типичная дурочка-дебютантка из благородных, наверняка с детства ездит на пони, заполучить образованного мужа с деньгами ей раз плюнуть, а больше она, конечно, ничего не умеет и ни на что не годится. Любая девушка из Шордича в два счета разделалась бы с купейным ловеласом, но эту сладкую печенку вот-вот схрумкают.

Маб решительно уронила на колени «Ярмарку тщеславия», злясь и на приставалу, и на беззащитную брюнетку, которую приходится спасать. Но не успела она даже завести привычное: «Эй ты, слышь!» – как брюнетка заговорила:

– Бог ты мой, вот так холм у вас в штанах! Впервые встречаю нечто настолько очевидное. Обычно на этом этапе проделывают всякие фокусы с собственной шляпой.

Рука мужчины замерла. Брюнетка склонила голову набок. Ее округлившиеся в притворном удивлении глаза были сама невинность.

– Что-то случилось? – продолжала она. – Или, может быть, вам больно? Парни ведут себя ужасно странно, когда дело доходит до такого. Стонут и вообще изображают страдания. Понятия не имею, с чего бы...

Физиономия соседа по купе уже успела приобрести цвет зрелой свеклы. Маб заметила, что руку из кармана он выдернул.

– Нет, серьезно, быть может, позвать врача? Вы выглядите очень неважно...

Мужчина бросился вон из купе, что-то невнятно бормоча.

– Скорейшего выздоровления! – пожелала ему вслед брюнетка и взглянула сияющими глазами на Маб. – Вот и все!

Явно довольная собой, она закинула ногу на ногу, демонстрируя шелковые чулки.

– Чисто сработано! – вырвалось у Маб. Значит, не такая уж это нежная фиалка, пусть и выглядит едва на восемнадцать. – А я, когда надо избавиться от подобных типов, либо окатываю ледяным взглядом, либо пинаю в голень.

– У меня ледяной взгляд не получается, хоть плачь. Просто не выходит казаться разгневанной – мужчины заявляют, что я выгляжу просто очаровательно. Ничто так не выводит из терпения, как уверения, что ты очаровательна, когда на самом деле клопочешь от ярости. Вот вы другое дело – высокая, брови, как у императрицы, и глянуть, должно быть, можете сердито? – Она замолчала, явно ожидая демонстрации.

Маб хотела вернуться к книге, но не удержалась: выгнув бровь, она холодно посмотрела сверху вниз и презрительно приподняла верхнюю губу.

– Вот это, я понимаю, взгляд. Леденящий кровь! Кого угодно заморозит. – Брюнетка представилась: – Озла Кендалл.

Маб пожала протянутую руку, с удивлением ощутив на этой ладони мозоли.

– Маб Чурт, – ответила она.

– Маб? Здорово, – одобрила Озла. – Я уж было предположила, что вас зовут Боудикка или Скарлетт О'Хара, – вполне представляю вас с кинжалом на колеснице или стреляющей в янки с лестницы. А мне досталась «Озла», поскольку моя мать побывала в столице Норвегии и провозгласила, что это просто очаровательный город. На самом деле она имела в виду, что

меня там зачали. Так что теперь я вынуждена носить имя города, который заполонили немцы. Хотелось бы надеяться, что это не дурное предзнаменование.

– Могло быть хуже, – хмыкнула Маб. – Например, если бы вас зачали в Бирмингеме. – Она все еще пыталась понять, откуда у девушки с мейфэрским выговором загрубевшие от работы ладони. – Скажите, вы ведь не в пансионе заработали свои мозоли?

– Я их заработала, собирая «харрикейны» на заводе «Хокер Сидли» в Колнбруке. – Озла молодежато отдала честь. – Кто знает, чем мне предстоит заниматься теперь. Меня пригласили на собеседование в Лондоне, а потом я получила очень странную повестку, где говорилось, что надо ехать на станцию Блетчли.

– Так ведь я тоже туда еду! – в изумлении воскликнула Маб. Она вытащила из сумочки письмо, над которым немало поломала голову в Шордиче. В руках у Озлы появился такой же листок. Они сравнили письма. Полученное Озлой гласило:

По истечении семи дней соблаговолите явиться на Станцию X, ж/д станция Блетчли, Бакингемшир. Ваш почтовый адрес: а/я 111, Министерство иностранных дел. Это все, что Вам надлежит знать.

Капитан Деннистон

Письмо, полученное Маб, выглядело официальнее:

Согласно указаниям начальника отдела, уведомляю Вас, что Вы были отобраны на место временного секретаря (...) Вам надлежит явиться на службу по истечении четырех дней по получении сего посредством поезда, отбывающего из Лондона (Юстонский вокзал) в 10:40 утра. Сойти следует на третьей по счету остановке (Блетчли).

Но ехали они явно в одно и то же место.

– Все любопытственнее и любопытственнее, – задумчиво проговорила Озла. – Хоть ты тресни, ничего не знаю ни о Блетчли, ни о Станции X, даже не слыхала о них.

– Во-во, – кивнула Маб и немедленно пожалела, что не сказала «Представьте, я тоже». Из-за аристократического акцента и непринужденной манеры выразиться Озлы она начинала чувствовать себя неотесанной. – На собеседовании в Лондоне в основном выясняли, хорошо ли я печатаю и стенографирую. Должно быть, меня рекомендовали на секретарских курсах, которые я окончила в прошлом году.

– А меня о печатании не спросили ни слова. Там сидела какая-то мымра, она проверила мой немецкий и французский, а потом отправила домой. Недели через две я получила вот это. – Озла постучала по письму. – Интересно, на что мы им сдались?

– Что велят делать, то и буду, – пожалала плечами Маб. – Главное – трудиться на победу, ну и получка, чтобы домой посылать. И хорошо, что это так близко от Лондона, буду ездить туда в выходные.

– Ну, это слишком скучно! А вдруг мы вот-вот окажемся героинями романа Агаты Кристи. Только представьте: «Гайна станции X»...

Маб обожала Агату Кристи.

– «Убийство на станции X: детектив с участием Эркюля Пуаро», – предложила она.

– Лично я предпочитаю мисс Марпл, – заявила Озла. – Она точь-в-точь как мои бывшие гувернантки – все до одной старые девы. Только размахивает бутылкой с мышьяком вместо мела.

– А мне нравится Пуаро. – Маб положила ногу на ногу и поняла, что как бы тщательно ни были начищены ее туфли, они все равно смотрелись дешевкой по сравнению с лодочками Озлы ручной работы. «Зато ноги у меня никак не хуже, чем у нее, – поймала себя на мысли Маб. – И даже лучше». Конечно, мелочно – да что там, мелко, – но ведь у этой Озлы Кендалл

уже явно все есть... – Эркюль Пуаро выслушал бы девушку вроде меня, – продолжила Маб. – А все эти мисс Марпл обычно кидают на меня взгляд и записывают в шалавы.

Наконец поезд добрался до третьей по счету станции.

– Ура! – завопила Озла, но надежды Маб быстро померкли.

Потолкавшись среди пассажиров на унылом вокзале, девушки полмили тащили свои чемоданы, чтобы в конце концов оказаться перед восьмифутовым сетчатым забором, по верху которого тянулись завитки колючей проволоки. Ворота стерегли двое скучающих охранников.

– Сюда нельзя, – отрезал один, заметив, что Маб роется в сумочке в поисках документов. – У вас пропусков нет.

Маб поправила упавшие на лицо волосы. Уложенная не далее как этим утром при помощи заколок-невидимок идеальная прическа разметалась, локоны развилась, а сама она вспотела и чувствовала, что вскипает.

– Послушайте, мы не знаем, что от нас... – заговорила она.

– Тогда, видать, попали куда надо, – перебил ее охранник. Маб с трудом разбирала его провинциальный говор. – Здешние, кажись, тоже толком не поймут, на каком они свете. Бог знает, чем они тут занимаются.

Маб направила было на него свой леденящий взгляд, но тут вперед выступила Озла. Ее расширенные от тревоги глаза и дрожащие губы сделали свое дело – старший из охранников сжалился над девушками.

– Я проведу вас к главному корпусу, – сказал он. – А если хотите знать, где вы находитесь, то это Блетчли-Парк.

– И что же это такое? – удивленно спросила Маб.

Младший охранник прыснул:

– Да просто самый большой в Британии дурдом, черт бы его побрал.

Они направлялись к особняку, отделенному от небольшого озера ярко-зеленой лужайкой. Викторианское здание из красного кирпича, под позеленевшим медным куполом, было утыкано окнами и коньками мезонинов, как рождественский пудинг – засахаренными вишнями. «Не то общественная уборная, не то готический собор», – поморщилась Озла. Но Маб завороченно уставилась на этот дом. Ноги сами несли ее по тропинке к озеру. Настоящее загородное поместье, вроде Торнфилд-Холла или Мэндерли²²; именно такие обычно снимают привлекательные женихи из романов. Но даже здесь война успела оставить свои грубые следы, будто армейскими ботинками пройдясь по усадьбе и ее обитателям. Территория пестрела уродливыми сборными бараками, по дорожкам между бараками и особняком поспешно сновали люди. К удивлению Маб, мужчины в военной форме встречались реже, чем она привыкла видеть в Лондоне. Зато неожиданно много было женщин – твид, вязаные свитера, на лицах глубокая задумчивость.

– Выглядят так, будто забрели в лабиринт без выхода, – заметила Озла, которая шла по тропинке к озеру вслед за Маб. Сопровождавший охранник ждал их, всем своим видом выражая нетерпение.

– Вот именно. Как ты думаешь, где мы будем...

Они остановились. Из озера выползал мужчина – голый, мокрый, облепленный водорослями. В руках он сжимал кружку.

– О, привет! – весело кивнул он. – Вы новенькие? Давно пора. Можешь возвращаться, Дэвид, – обратился он к охраннику, – я отведу их в главный корпус.

---

²² *Торнфилд-Холл* – название поместья из романа Шарлотты Бронте «Джейн Эйр»; *Мэндерли* – поместье из романа «Ребекка» Дафны дю Морье.

К своему облегчению, Маб разглядела, что мужчина не совсем раздет, подштанники на нем все же имелись. У него была впалая веснушчатая грудь, лицо благожелательной горгульи и волосы, которые, даже намокнув, оставались ярко-рыжими.

– Я Талбот, Джайлз Талбот, – пояснил он с акцентом, приобретенным не то в Оксфорде, не то в Кембридже. Озла и Маб смущенно назвали себя, стараясь не тарачиться на странного типа, а Талбот склонился над сваленной в кучу одеждой. – Я, понимаете ли, нырнул за кружкой Джоша Купера. Он ее зашвырнул в камыши – задумался над какой-то задачей и сам не заметил. Так, теперь брюки... – пробормотал он, расправляя поднятые с травы вещи. – Если эти прикурки из Четвертого корпуса снова их спрятали...

– А вы не могли бы нам сказать, куда идти? – раздраженно перебила его Маб. – Должен же кто-то руководить этим дурдомом!

– По идее, должен, – согласился Джайлз Талбот, застегивая рубашку и натягивая старый клетчатый пиджак. – Пожалуй, капитан Деннистон больше всего подходит под описание здешнего смотрителя. Ну что, пошли?

Он попрыгал на одной ноге, потом на второй, натягивая ботинки прямо на босые ступни, и в таком виде направился к особняку. Полы рубашки развевались над мокрыми подштанниками и голыми белыми ногами. Маб и Озла переглянулись.

– Это все маскировка, – прошептала Озла. – Вот увидишь, стоит нам только ступить в этот кошмарный дом, как нас накачают наркотиками и продадут в полон на веки вечные.

– По-моему, если бы нас тут и правда пытались завлечь и продать в полон на веки вечные, послали бы кого-то попривлекательнее, чем этот полуголый аист, – усомнилась Маб. – И вообще – что такое «полон»?

Внутри особняка по бокам просторного, обшитого дубовыми панелями вестибюля ветвились комнаты. К доске на стене был пришпилен лондонский выпуск «Таймс». Сбоку можно было разглядеть зал в готическом стиле, мраморную розовую арку и изгибы широкой лестницы.

Джайлз быстро провел их наверх в комнату с эркером, которая, похоже, когда-то служила спальней, а теперь превратилась в рабочий кабинет – на месте кровати стояли шкафы, все насквозь пропахло сигаретным дымом. Сидевший за бюро невысокий мужчина – у него был задерганный вид и высокий профессорский лоб – поднял голову и равнодушно окинул взглядом голые ноги Джайлза.

– Нашли кружку Купера? – скорее констатировал, чем спросил он.

– И пару новобранцев в придачу, с пылу с жару, с лондонского поезда. А ведь в последнее время попадают сплошь красавицы, правда? Взять хотя бы мисс Кендалл – да стоит ей свистнуть, парни гроздьями повалятся к ее ногам. – Джайлз широко улыбнулся Озле, затем повернулся к Маб, которая была на полголовы выше него. – Обожаю высоких женщин! – восхищенно сообщил он. – Надеюсь, вы не сохнете по какому-нибудь летчику? Если да, мое сердце разбито!

Маб прикинула, не окатить ли его пресловутым леденящим кровью взглядом, но решила, что не стоит. Происходящее было слишком странным, чтобы из-за такого оскорбляться.

– Кто бы говорил о красоте, Талбот. В жизни не видел ничего менее привлекательного, чем ваша компания тощих кембриджских умников. – И капитан Деннистон – по крайней мере, Маб полагала, что это он, – неодобрительно покачал головой в сторону голых конечностей Джайлза и занялся документами и письмами девушек. – Так... Кендалл... и Чурт...

– Вероятнее всего, меня рекомендовал крестный, – пояснила Озла. – Лорд Маунтбеттен. Лицо Деннистона просветлело.

– Ага. Тогда, выходит, мисс Чурт – кандидатка с лондонских секретарских курсов. – Он вернул им бумаги и встал. – Итак. Вас обеих завербовали в Блетчли-Парк, главное управление ГШКШ.

«А что это значит?» – подумала Маб.

– Гольф, шахматы, книжки и шутки, – расшифровал Джайлз, будто прочитав ее мысли. Капитан Деннистон встретил острогу без восторга и продолжал свою речь:

– Вас распределяют по корпусам, а начальник корпуса уже растолкует, что надо делать. Но, прежде чем дойдет до этого, я обязан подчеркнуть, что вам предстоит работать в самом засекреченном месте Великобритании. Все, чем мы здесь занимаемся, будет иметь решающее значение для исхода войны.

Он сделал паузу. Маб застыла на месте, чувствуя, что Озла тоже не смеет пошевелиться. «Ни черта себе! – подумала Маб. – Куда это я попала?»

Деннистон продолжал:

– Работа, которая здесь ведется, настолько секретна, что вам сообщат лишь самое необходимое. Не пытайтесь узнать больше. Соблюдайте правила внутренней безопасности и не забывайте о внешней. Никогда не упоминайте название этого учреждения – в разговоре с родными, друзьями, вообще ни с кем. Ваши сослуживцы называют его «БП» – поступайте так же. Но главное – никому не открывайте, какого рода работу вы здесь выполняете. Малейший намек может поставить под удар течение всей войны.

Снова пауза.

«Неужели нас будут готовить в разведчицы?» – ошеломленно подумала Маб.

– Если у вас спросят, чем вы занимаетесь, говорите, что это самая обычная канцелярская работа. Опишите ее как чрезвычайно скучную – чем скучнее, тем лучше.

– А чем я буду заниматься на самом деле, сэр? – вставила Озла.

– Господи боже, девушка, вы слышали хоть слово из того, что я только что сказал? – воскликнул Деннистон, почти не скрывая раздражения. – Я не знаю, что именно вы будете делать, и знать не желаю. – Он выдвинул ящик стола, достал оттуда два листа желтоватой бумаги и положил их перед Маб и Озлой. – Это Закон о государственной тайне. Здесь черным по белому написано, что если вы сделаете что-либо из того, что я вам велел не делать, если выдадите малейшую крупицу полезной врагу информации, это будет расцениваться как государственная измена.

Наступила глубокая тишина.

– А государственная измена, – мягко закончил капитан Деннистон, – карается высшей мерой, которая дозволена законом. Не помню точно, чем именно, то ли повешением, то ли расстрелом.

Казалось, тише уже просто быть не может, но в этот момент Маб почувствовала, как повисшее между ними молчание затягивается коркой льда. Она сделала глубокий вдох.

– Сэр, а мы можем... можем отказаться от этого назначения? – осмелилась спросить она. Капитан явно удивился.

– Разумеется, никто не приставляет вам пистолет к виску. Мы же не в Берлине. Откажитесь – и вас выведут отсюда, строго наказав ни при каких обстоятельствах не упоминать это место, вот и все.

«И тогда я никогда не узнаю, что здесь происходит на самом деле», – подумала Маб.

Капитан положил перед ними две авторучки:

– Соблаговолите подписать. Или нет.

Маб еще раз глубоко вдохнула и расписалась внизу страницы. Она заметила, что Озла сделала то же самое.

– Добро пожаловать в БП, – произнес капитан Деннистон и впервые за все время улыбнулся.

На этом собеседование закончилось. Все тот же Джайлз Талбот в мокрой рубашке вывел их в коридор. Едва за ними захлопнулась дверь кабинета, Озла сжала руку Маб, а Маб не постеснялась сжать в ответ ее руку.

– На вашем месте я бы не воспринимал все слишком серьезно. – Как ни странно, Джайлз хихикал. – Конечно, когда впервые слушаешь эту речь, ноги подкашиваются. Мне ее отбарабанил не Деннистон, его тогда не было на месте, а какой-то подполковник авиации. В заключение он выхватил из ящика револьвер и заявил, что сам меня пристрелит, если я нарушу священную тайну, и т. д. и т. п. Но со временем привыкаешь. Пойдемте, теперь надо найти вам квартиру.

Маб остановилась у лестницы, скрестив руки на груди.

– Послушайте, – сказала она, – вы бы хоть намекнули, чем здесь, собственно, занимаются?

– А разве не понятно? – удивился Джайлз. – По-нашему, ГШКШ – это «гольф, шахматы, книжки и шутки», потому что тут полно оксфордских профессоров и кембриджских чемпионов по шахматам, но вообще это Государственная школа кодирования и шифрования.

Вероятно, Маб и Озла выглядели озадаченными, потому что он ухмыльнулся и пояснил:

– Взламываем немецкие шифры.

Глава 4

В день, когда ждали квартиранток из Блетчли-Парка, Бетт Финч угробила полчаса на сердцевинку розы.

– Бетан! Я тебя все зову и зову. Сколько времени ты уже нюхаешь этот цветок?

«Я его не нюхала», – подумала Бетт, но не стала поправлять мать.

По крайней мере, нюхать розы – вполне естественно, ведь розы приятно пахнут. С этим все соглашались. Но далеко не все способны подолгу вглядываться в розу, зачарованные не ароматом, а ее узором, когда внахлест перекрывающие друг друга лепестки, будто ступеньки винтовой лестницы, виток за витком уводят все глубже, все дальше... Бетт осторожно вела пальцем по виткам, приближаясь к середине, но в ее воображении не было никакой серединки с тычинками, а лишь уходящие в бесконечность завихрения спирали. «Что таится в сердце розы?» звучало как строчка из стихотворения, но Бетт привлекали не поэзия и не аромат, а строение, *узор*. И вот полчаса уже куда-то делись, а на пороге стоит раздраженная мать.

– Ты только погляди на эту комнату! А ведь они будут здесь с минуты на минуту. – Миссис Финч отняла у Бетт вазочку и водрузила на каминную полку. – Быстренько протри зеркало. Кем бы эти девушки ни оказались, я не позволю, чтобы они нашли повод жаловаться. Хотя кто их знает, что это за девушки? Живут на чужой квартире, покидают родной дом из-за какой-то работы...

– Но ведь идет война, – тихо возразила Бетт.

Этот аргумент не произвел впечатления на миссис Финч, которая рвала и метала с того самого момента, когда ей сообщили, что поскольку в доме имеется свободная спальня с парой узких кроватей, ей надлежит принять на квартиру двух служащих близлежащего Блетчли-Парка.

– Не надо мне рассказывать про войну, – отрезала она. – Просто легкомысленные девицы хватаются за любую возможность сбежать из семьи и вляпаться в неприятную историю. – Миссис Финч быстро передвигалась по комнате, то поправляя салфеточку на прикроватном столике, то взбивая подушку. У них с Бетт были одинаковые тусклые волосы мышинного цвета, почти незаметные брови и ресницы, но худосочная Бетт сутулилась, а мать была статной, с внушительной фигурой и мощным бюстом, выдававшимся вперед, как нос корабля. – Какая еще военная служба посреди Блетчли?

– Как знать? – проронила Бетт.

Война стала потрясением для их сонного поселка: подготовка к обязательному затемнению, призывы записываться в Гражданскую противовоздушную оборону... А Блетчли-Парк неподалеку внезапно превратился в очаг загадочной кипучей деятельности. Всем было любопытно, что же там происходит, тем более что в поместье работали не только мужчины, но и женщины. Если верить газетам, женщины находили себе множество новых занятий – например, вступали в Корпус медсестер скорой помощи, чтобы ухаживать за ранеными, или уплывали за океан в составе Женского королевского морского корпуса. Но как только Бетт пыталась из патриотических побуждений представить себя в одной из этих ролей, ее пробивал холодный пот. Она знала, что ей тоже полагается трудиться на победу, но видела себя исключительно в незаметной роли на задворках. Пусть это будет что-то совсем несложное, где даже полная идиотка не сможет напортачить. Скажем, мотать бинты и готовить чай в пункте неотложной помощи ПВО. За что Бетт ни бралась, все у нее получалось сикось-накось. Ей всю жизнь это говорили, и она знала, что так оно и есть.

– Надеюсь, эти квартирантки окажутся приличными девушками, – волновалась миссис Финч. – Как бы ни прислали нам пару кокоток из Уоппинга...²³

– Конечно, нет, – попыталась успокоить ее Бетт. Она плохо себе представляла, что такое «кокотка», – мать называла так всех женщин, которые красили губы, душились французскими духами или читали романы. Бетт виновато ощутила, как ее карман оттягивает очередная библиотечная книжка – «Ярмарка тщеславия» в бумажной обложке.

– Сбегай-ка на почту, Бетан. – Только миссис Финч называла Бетт полным именем. – Ох, уже чувствую, как накатывает головная боль... – Она потерла виски. – Но сначала смочи для меня полотенце. А после почты зайди к бакалейщику.

– Да, матушка.

Миссис Финч ласково потрепала дочь по плечу:

– Ах ты моя помощница.

И это Бетт тоже слышала всю жизнь. Миссис Финч любила похвастаться перед подругами: «Бетан мне так помогает. Приятно подумать, что она со мной останется, когда я состарюсь».

– Ну, она ведь еще может успеть выйти замуж, – заметила на последнем собрании Женского Института²⁴ вдова с их улицы. Бетт в это время заваривала чай на кухне, но шепот старухи долетел до ее ушей. – Все-таки двадцать четыре года – это еще не совсем безнадежно. Правда, она вечно молчит, словно воды в рот набрала, но большинство мужчин не сочтут это недостатком. Так что ты еще вполне можешь сплавить ее кому-нибудь, Мюриэль.

– Я не хочу никому ее сплавлять, – возразила миссис Финч так уверенно, что казалось – все это предрешено и не может измениться.

«По крайней мере, я никому не в тягость», – напомнила себе Бетт. Большинство старых дев – обуза для своей семьи. А она, напротив, утешение матери, у нее есть место в жизни, она мамина помощница. Ей повезло.

Дергая себя за перекинутую через плечо тонкую косичку мышинового цвета, Бетт пошла ставить на плиту чайник, затем намочила в холодной воде и выжала полотенце точно так, как любила ее мать. Отнесла полотенце наверх, в спальню, и побежала выполнять прочие поручения. Обзаведясь собственными семьями, все братья и сестры Бетт уехали из Блетчли, но дня не проходило, чтобы Бетт не пришлось бежать на почту с очередным письмом, полным материнских советов, или посылкой с сопровождающими ее наставлениями. Сегодня Бетт отправляла квадратную бандероль своей старшей сестре, которая недавно родила. В пакете лежала вышивка крестиком: слова «Всему свое место и всё – на своем месте» в обрамлении из роз. Такая же вышивка висела над кроватью Бетт и над кроватками всех рождавшихся в их семье младенцев. Как говорила мать, никогда не рано учить ребенка знать свое место.

– Ваши квартирантки уже приехали? – поинтересовался у Бетт начальник почтового отделения. – Знаете, среди них попадаются особы со странностями. К примеру, миссис Боуден с постоянного двора «Баранья лопатка» досталась компания кембриджских профессоров – шастают туда-сюда и днем и ночью, никак не успокоятся! Думаю, вашей матери такое не понравится, а?

Он подождал ответа, но Бетт не сумела выдать ни слова и лишь кивнула.

– Что-то не так с этой младшей дочкой Финчей, – прошептал начальник почты своему помощнику, как только Бетт отвернулась.

Она расслышала его слова и залилась румянцем. Почему, ну почему у нее не получается просто нормально разговаривать с людьми? Мало того, что она плохо соображает (Бетт хорошо

---

²³ *Уоппинг* – район в лондонском Ист-Энде, в описываемую эпоху сосредоточенный вокруг набережной и доков и потому считавшийся значным.

²⁴ *Женский Институт* – сеть общественных женских организаций в Великобритании, занимающихся в основном благотворительностью и культурными мероприятиями.

это знала), но неужели надо быть еще и такой неловкой и стеснительной? Другие девушки, даже самые глупые, почему-то могли смотреть людям в глаза, когда к ним обращались. Одно дело быть тихоней, и совсем другое – замирать в присутствии людей, как перепуганный кролик. Но Бетт ничего не могла с собой поделать.

Она прибежала домой как раз вовремя, чтобы снять с плиты закипевший чайник. По крайней мере, Финчам пообещали, что к ним поделят девушек, а не мужчин. Если бы жизнь была романом, загадочные квартиранты оказались бы удалыми неженатыми красавцами, которые немедленно стали бы бороться за руку Бетт. Ничего ужаснее Бетт представить себе не могла.

– Бетт! – рассеянно позвал сидевший в кресле с кроссвордом мистер Финч. – «Пресноводная рыба из семейства карповых», шесть букв.

Бетт снова перекинула косу через плечо и стала накрывать стол к чаю.

– «Карась», – ответила она.

– А я думал, «плотва».

– «Плотва» даст «о» в колонке 17 по вертикали. – Бетт потянулась за чайником. Перед глазами у нее стоял кроссворд, на который она едва бросила взгляд нынче утром, раскладывая газету для отца рядом с его тарелкой. – А 17 по вертикали – «шифр».

– 17 по вертикали: «Система условных знаков для тайного письма», четыре буквы. И верно, «шифр». – Отец улыбнулся. – И как тебе это удастся?

«Единственный мой талант», – с горечью подумала Бетт. Она не умела готовить, вязать, беседовать с гостями – зато ровно за восемь минут могла решить воскресный кроссворд без единой ошибки!

– «Определение человека, которому ничто не удастся, которого преследуют неудачи», двенадцать букв, – начал было отец, но, прежде чем она успела ответить «незадачливый», за дверью послышались шаги и грохот чемоданов возвестил о прибытии квартиранток.

Мистер Финч придержал для них дверь. Миссис Финч кинулась вниз по лестнице, как хорек в кроличью нору. Пока Бетт управлялась с чайником, все уже начали представляться друг другу. Две девушки, явно моложе Бетт, вошли в сияющую чистотой кухню, и там сразу стало тесно. Обе брюнетки, но этим их сходство исчерпывалось. Одна – настоящая красавица, с ямочками на щеках, в пальто с меховой оторочкой – весело болтала с явно аристократическим выговором. Вторая была высокой, около шести футов, со строгими чертами лица, безупречно нанесенной губной помадой и черными бровями, изогнутыми как кавалерийские сабли. Сердце Бетт упало. Девушки оказались как раз из тех, рядом с которыми она чувствовала себя неловкой, тупой и – ну да, лучше и не скажешь – незадачливой.

– Очень приятно, – процедила сквозь поджатые губы миссис Финч, – принимать вас в моем доме.

Она смерила взглядом высокую брюнетку, которая холодно уставилась на нее в ответ. «Кокотка» – Бетт была уверена, что именно это думает мать. Насчет той, что с ямочками, пока было непонятно, а девушка с изогнутыми бровями наверняка получила этикетку «кокотка» еще прежде, чем успела произнести хоть слово.

– Ужасно здорово, что нас сюда распределили, – восхищенно щебетала девушка с ямочками, восторженно хлопая завитыми ресницами. – Приличных людей сразу видно, не правда ли? Стоило мне поглядеть на ваш роскошный огород...

Бетт заметила, что мать тает перед мейфэрским выговором гостыи.

– Надеюсь, вам здесь будет чрезвычайно комфортно, – сказала миссис Финч, пытаясь подавить свой северный акцент. – Мы отвели вам комнату на втором этаже, рядом со спальней моей дочери. Сортир – простите, уборная – располагается в задней части огорода.

– На улице? – Та брюнетка, что миниатюрнее, была шокирована.

Высокая взглянула на нее с усмешкой:

– Ничего, Озла Кендалл, привыкнешь. Лично я еще никогда не жила в квартире с отдельной уборной.

– Ой, молчи уж, королева Маб!

Миссис Финч нахмурилась.

– А чем это вы, барышни, намерены заниматься в Блетчли-Парке? – поинтересовалась она.

– Бумажной работой, – легко ответила Озла. – Тоска зеленая...

Мать Бетт нахмурилась еще сильнее, но оставила вопросы до поры до времени.

– Свет тушить в десять. Горячая ванна по понедельникам, и прошу не разлеживаться в воде. У нас имеется *телефон*, – в голосе миссис Финч звучала гордость: здесь телефон был всего в нескольких домах, – но он лишь для важных переговоров. Пройдемте наверх...

Покинутая новыми домочадцами кухня показалась Бетт гулкой и пустой. Отец, который ни слова не сказал после первых приветствий, вернулся в кресло к своей газете. Глубоко задумавшись, Бетт устала на чайный поднос, машинально расправляя передник.

– Бетан! – Миссис Финч снова появилась на кухне. – Не стой как истукан, отнеси наверх чай.

Бетт с облегчением сбежала, радуясь, что ей не придется выслушивать, как мать перемыкает косточки квартиранткам, что та, несомненно, намеревалась сделать. Она остановилась у двери гостевой комнаты, собираясь с духом, прежде чем постучать. Изнутри доносилось шуршание – вероятно, девушки распаковывали чемоданы – и голоса.

– Всего одна ванна *в неделю*? – с нескрываемым презрением произнесла Маб. – Скупердьяйство какое-то. Я ведь не прошу горячей воды, хватит с меня и холодной, но хочу иметь возможность вымыть голову при необходимости.

– По крайней мере, нам достался умывальник... О, привет еще раз! – воскликнула Озла Кендалл, заметив входящую Бетт. – Чай! Как здорово, ты просто прелесть.

Бетт не помнила, чтобы ее кто-нибудь еще называл прелестью.

– Я пойду, – пробормотала она, но вдруг заметила, как из чемодана достают экземпляр «Ярмарки тщеславия», и, не удержавшись, воскликнула: – Ой! Это очень хорошая книжка.

– Ты ее читала?

Бетт вспыхнула до корней волос.

– Только не говорите матушке.

– Ну что ты, даже и не думала! – Озла взяла скон с фарфоровой тарелки из воскресного сервиза миссис Финч, но все же не лучшего, не парадного. – Я вообще считаю, что матерям нужно рассказывать не больше трети из того, чем занимаешься. Устраивайся с нами, поболтаем.

Сама не понимая, как это произошло, Бетт оказалась сидящей на краешке кровати Озлы. Общим разговором это трудно было назвать, она-то едва произнесла пару слов, а новые девушки тараторили о Теккерее и обсуждали, не основать ли им литературный кружок. Но они то и дело улыбались ей и подбадривали взглядами. Если подумать, не так уж и неловко ей было в их присутствии.

Не далее как этим утром Бетт прочла в «Ярмарке тщеславия»: «Разве в жизни всякого из нас не встречаются коротенькие главы, кажущиеся сущим пустяком, но воздействующие на весь дальнейший ход событий?»²⁵

Пока еще трудно было судить... но как знать – быть может, именно одна из этих глав и началась в ее жизни.

---

²⁵ Перевод М. А. Дьяконова.

До королевской свадьбы двенадцать дней. 8 ноября 1947 года

Глава 5

Внутри часов

Три девушки и книжка – с этого все и началось. Во всяком случае, так теперь казалось женщине в лечебнице для душевнобольных. Лежа в своей камере, она пыталась пересилить отупение, которое разливалось по венам после вогнанного в них укола.

– У нас очень прогрессивное заведение, – заверил лысеющий доктор, когда ее привезли в Клокуэлльскую лечебницу. Она плевалась и вырывалась. Это случилось почти три с половиной года назад, 6 июня, в день высадки союзников в Нормандии. День, когда началось освобождение Европы. День, когда она лишилась свободы. – Вы, должно быть, наслушались страшных историй, как пациентов приковывают цепями к стенам, обливают ледяной водой и тому подобное, – продолжал доктор, – но наше кредо – бережное обращение, умеренная занятость и мягкие препараты для успокоения нервов, мисс Лидделл.

– Меня зовут не так, – прорычала она.

Он пропустил это мимо ушей.

– Просто будьте паинькой и принимайте таблетки, – сказал он на прощанье.

Таблетки утром, таблетки вечером, таблетки, наполнявшие ее вены дымом, а череп – ватой, и какая тогда разница, что за умеренная занятость предполагалась для пациентов?

Ну да, тут имелись затупленные сельскохозяйственные инструменты для работы в розовом саду, окружавшем большое здание из серого камня, в котором располагалась клиника; в общем зале можно было плести корзины, а еще лежали романы с вырванными страницами, но мало кто из пациентов интересовался этими вещами. Обитатели Клокуэлла дни напролет дремали в креслах либо сидели на улице, шурясь на солнце мутными глазами, осоловевшие от тумана, который каждое утро разливался в голове – спасибо таблеткам.

«Прогрессивное лечение». Этой клинике не требовались цепи и электрошок, здесь обходились без избиваний и ледяных ванн. И все же Клокуэлл оставался морилкой для заключенных в нем человеческих душ.

В первую неделю она отказывалась глотать лекарства и получила шприц: санитары ее схватили и удерживали, игла вошла в вену. Спотыкаясь, она вернулась в камеру – пусть сколько угодно называют ее комнатой, но комната, которая запирается лишь снаружи, – это камера. Окно затянуто металлической сеткой, кровать привинчена к полу, потолки высокие, до люстры не дотянуться, а значит, и не повеситься.

В ту первую неделю ей приходило в голову, что можно просто повеситься. Но это бы означало сдаться.

– Сегодня мы хорошо выглядим! – просиял доктор, заглянув к ней во время ежедневного обхода. – Немного кашляем, да, мисс Лидделл? Весеннее воспаление легких еще дает о себе знать?

Женщина, зарегистрированная под именем «Алиса Лидделл», больше не пыталась его поправить. Она послушно проглотила таблетки, дождалась его ухода и пошла к пластмассовому тазу, который служил ночным горшком. Просунув пальцы в горло, она исторгла из себя таблетки вместе с лужей желчи, затем равнодушно размешала таблетки пальцем, чтобы скрыть

произошедшее от медсестер. За эти три с половиной года она кое-чему научилась. Как сделать, чтобы ее вырвало таблетками. Как одурачивать врачей. Как проскальзывать мимо недоброжелательных санитаров и дружить с теми, кто проявляет доброту. Как сохранить разум среди безумия... ведь в этом месте было бы просто, так просто по-настоящему свихнуться.

«Я не сойду с ума», – подумала женщина из Блетчли-Парка. Пусть она и сидит в камере психушки, мучительно кашляя, с посеревшим лицом, но она не всегда была *такой*.

«Я выживу. Я выберусь отсюда».

Конечно, это будет непросто. Клокуэлл окружали высокие стены с протянутой по верху ключей проволокой; она уже тысячу раз обошла их изнутри. Все входы были заперты на замок – и большие ворота, и боковые калитки, которыми пользовались садовники и разнорабочие. С ключей не спускали глаз.

И даже если ей удастся выйти за стену... От ближайшего населенного пункта ее отделяли мили безлюдных йоркширских пустошей. Какие здесь шансы на успех у женщины в тапках и больничном халате? Она обречена блуждать по вересковым полям, пока ее не изловят и не вернут обратно.

Уже на второй неделе пребывания в клинике она поняла, что без помощи отсюда не выбраться.

На прошлой неделе она наконец тайно передала на волю зашифрованные записки. Два отчаянных послания, отправленных в никуда, как письма в бутылке, – двум женщинам, у которых не было причин ей помогать.

«Они меня предали», – прошелестела мысль.

«Ты предала их», – напомнила следующая.

Получили ли они письма?

И если да, станут ли слушать?

Лондон

Одетая лишь в кружевную комбинацию и пеньюар, Озла сверлила взглядом послание, так внезапно испортившее ее день. В ушах еще звенело эхо от брошенной в негодование трубки на другом конце провода, в Йоркшире. И сдавленный голос ее бывшей подруги. «Катись к черту, Озла Кендалл».

В углу мерно тикали часы. Голубое атласное платье соскользнуло с наваленного на кровать вороха одежды. Сейчас вопрос, что она наденет, отправляясь посмотреть, как принцесса Елизавета сочетается браком с ее бывшим парнем, казался просто чушью. Озла в сердцах отбросила зашифрованное послание, и солнечные лучи, отразившись от кольца с крупным изумрудом, которое жених надел ей на левую руку четыре месяца тому назад, рассыпались зелеными искрами по строчкам шифра.

А ведь любая другая женщина, подумала Озла, получи она письмо с угрозами от пациентки психбольницы, сразу бросилась бы к будущему мужу. Жениха не могло не заинтересовать известие, что любимой женщине угрожают сумасшедшие. Но Озла уже знала, что не обмолвится об этом ни единой живой душе. Несколько лет в Блетчли-Парке кого угодно научат держать язык за зубами.

Иногда Озла размышляла, сколько же их в Великобритании, женщин вроде нее, день за днем, с утра до вечера лгавших своим близким о том, чем они занимались во время войны. Ни разу не обронивших: «Теперь-то я обычная домохозяйка, но когда-то взламывала немецкие шифровки в Шестом корпусе» или «Может, я и кажусь безмозглой светской барышней, но когда-то я переводила в Четвертом корпусе приказы для ВМФ». Столько женщин... Ко дню победы в Европе среди персонала Блетчли-Парка вместе со всеми филиалами на одного мужчину приходилось четыре женщины. По крайней мере, такое создавалось впечатление, если

поглядеть на стайки девушек с прической «Победа» и в платьях экономного покроя, выбегавших из дверей в конце смены. Где теперь все эти женщины? Сколько воевавших на фронте мужчин читали прямо сейчас утреннюю газету, даже не подозревая, что сидящая напротив перед банкой джема жена тоже воевала? Пусть работницы БП и не стояли под пулями и бомбами, но они сражались – о да, и еще как. Теперь их называют просто домохозяйками, учительницами, «безмозглыми дебютантками», а они, вероятно, прикусили язык и скрыли свои раны – совсем как Озла. Потому что работницы БП тоже получили свою долю военных ранений. И не только женщина, приславшая Озле квадрат Виженера, сорвалась, не выдержав напряжения, и очутилась в дурдоме, невнятно бормоча.

«Вытащи меня отсюда, – вот что было зашифровано в ее послании, – ты передо мной в долгу».

И много о чем еще говорилось в той записке...

Телефон оглушительно заскрежетал, и Озла, подскочив от неожиданности, схватила трубку.

– Может, все-таки встретимся? – выпалила она, сама удивляясь, какое облегчение принес ей этот звонок. Пусть они с бывшей подругой на дух друг дружку не переносят, но если не придется справляться с этой проблемой в одиночестве...

– А с кем это вы встречаетесь, мисс Кендалл? – Голос был мужской, вкрадчивый, маслянистый, как пленка бриллиантина на волосах торговца обувью в Чипсайде. – Куда вы собрались? Быть может, на тайное свидание с женихом принцессы?

Озла выпрямилась. Напряженные нервы внезапно успокоились под всплеском чистейшего омерзения.

– Не помню, для какой скандальной газетенки вы пишете, но прекратите молоть чепуху и проваливайте ко всем чертям! – Она бросила трубку. Любители копаться в чужом белье так и вились у ее порога с того самого дня, когда стало известно о помолвке в королевском семействе. Неважно, что ей было нечего скрывать, – им требовался грязный скандал, вот они его и вынюхивали.

Всего час назад она искала любой предлог, чтобы сбежать от них, от предсвадебного ажиотажа, подальше от Лондона... В ее ушах снова зазвенел разъяренный голос из телефонной трубки: «Катись к черту, Озла Кендалл!»

– Да заткнись ты! – воскликнула она вслух, внезапно принимая решение. – Я приеду и поговорю с тобой лично, нравится тебе это или нет.

По телефону о женщине из психбольницы нельзя было даже заикнуться, а единственный человек, с которым она могла о ней поговорить, теперь жил в Йорке. Далеко, очень далеко от Лондона. Вот и отлично. Двух зайцев – одним выстрелом.

Семь лет назад. Июнь 1940 года

Глава 6

«Дорогой Филипп, я работаю в каком-то дурдоме, честное слово». Озла представила себе, как пишет эти слова светловолосому принцу. Конечно, никаких подробностей о новой работе в письмах, которые она посылала на его корабль, сообщать было нельзя, но она привыкла мысленно разговаривать с ним, вышивая забавные разноцветные узоры по суровой канве повседневности. «Точнее, это дурдом поменьше внутри большого. Большой называется Блетчли-Парк, а маленький – Четвертый корпус. Описать Четвертый корпус поистине невозможно».

Дав подписку о неразглашении государственной тайны, на следующее же утро, ровно в девять часов, она вышла на свою первую смену, в восторге от того, что будет заниматься чем-то поважнее клепания листов дюрала. Больше всего на свете ей хотелось проявить себя, доказать всем, что веселая девушка из Мейфэра, которая однажды присела в реверансе перед королем, увешанная жемчугами и увенчанная страусовыми перьями, в военное время способна тем не менее закатать рукава и исполнить свой долг перед родиной не хуже других. И что ей вполне можно доверить важную работу.

Ну да, собирать «харрикейны» тоже было полезным делом, но то, чем ей предстояло заниматься теперь, находилось совсем на другом уровне. Озла уже поклялась себе, что не сбежит отсюда, как бы трудно ни пришлось. Жаль только, что они с Маб не будут работать вместе. «Дорогой Филипп, девушка, с которой я квартирую, просто невероятная. Запрещаю тебе с ней знакомиться, слышишь? Не то ты наверняка тут же влюбишься в нее, и тогда я ее возненавижу. Ее, не тебя – ты-то просто не сможешь удержаться. Маб достаточно всего лишь приподнять свою роскошную бровь – и дело сделано. А мне не хотелось бы ее ненавидеть. Мне нужны союзники, чтобы выжить в доме жуткой миссис Финч. Позже расскажу о ней подробнее».

Солнечным июньским утром Озла и Маб прибыли к воротам Блетчли-Парка. Дальше Маб направили в Шестой корпус, а Озлу – в Четвертый.

– Ну что ж, – Маб лихо сдвинула набекрень свою соломенную шляпку, – покажи мне хоть одного подходящего холостяка, Шестой корпус, и мы с тобой сработаемся.

Озле оставалось лишь надеяться, что Маб встретится экземпляр поинтереснее того, что открыл дверь ей самой.

– Отдел немецкого военно-морского флота, – вместо приветствия сообщил ей приземистый лысеющий мужчина в свитере с узорами, когда Озла переступила порог длинного зеленого здания, которое прилепилось к боку особняка, словно гигантская лягушка. – Вы по немецкой части?

– В смысле, принесла ли я в сумочке живого немца? – рассмеялась Озла. – Вынуждена тебя разочаровать, дружок.

Он недоуменно посмотрел на нее. Озла вздохнула и на безупречном верхненемецком²⁶ принялась цитировать Шиллера. Мужчина остановил ее нетерпеливым жестом:

– Хорошо, хорошо. Будете помогать с регистрацией бумаг, разбирать телеграммы, сообщения с телетайпа...

Он быстро провел ее по корпусу, показывая, что где находится: два просторных помещения, разделенных дверью, дальше комната поменьше и еще одна, разгороженная на крохотные закутки.

²⁶ *Верхненемецкий* (Hochdeutsch) – сейчас литературный немецкий язык.

Везде длинные столы, заваленные бумагами и географическими атласами, вращающиеся стулья, стеллажи с ячейками для документов, выкрашенные в зеленый цвет стальные шкафы с картотекой... Духота была невыносимая. Мужчины работали в рубашках, женщины поминутно промокали носовыми платочками лоснившиеся лица.

– В общем, разберетесь, – рассеянно сказал провожатый Озлы, передавая ее приветливой женщине средних лет.

Та поняла причину замешательства новенькой и ласково улыбнулась.

– Даже попытайся он вам что-нибудь объяснить, понятнее бы не стало. Университетские на такое просто неспособны.

«Вот так, дорогой Филипп, со словами “В общем, разберетесь” меня и ввели в мир криптоанализа».

– Я мисс Синьярд, – представилась женщина и подвела Озлу к остальным сотрудницам отдела. Некоторые девушки, несомненно, были из одного с ней социального класса – их выдавали мейфэрский выговор и драгоценности, другие явно получили высшее образование. Расторопные и дружелюбные, они растолковали Озле, как все устроено. Кто-то сортировал телеграфные бланки, кто-то занимался доселе неизвестными немецкими корабельными кодами и определял принадлежность позывных, подчеркивая их карандашом. Озле вручили высоченную стопку бумаг и дырокол:

– Возьмите-ка эти сигналы и подшейте их как положено, моя милая. Это старые сообщения, зашифрованные ранней версией военно-морской «Энигмы». Шкафы бедного мистера Бирча трещат по швам, давно пора все разобрать.

Озла изучила один из листков. Похоже на радиосообщение; переведенные с немецкого фразы то и дело обрывались, как будто переводчикам дали лишь фрагменты текста.

– А почему вот тут – по-немецки, а вон там – нет? – спросила она у своей соседки по столу, кивком показывая на карточки, заполненные ключами и позывными. Большею частью все это выглядело как полная бессмыслица.

– Это нерасшифрованное. Мы записываем все сообщения в журнал, регистрируем, потом отправляем к спецам из отдела ВМФ, а они расшифровывают содержание. Спецы тут самые мозговитые, – восхищенно добавила она. – Никто не знает, что именно они делают и как им это удается, но все возвращается потом к нам на вполне нормальном немецком.

– Понятно...

Так вот где идет вся важная работа. Озла возилась с дыроколом, стараясь побороть разочарование. Неужели – с ее-то знанием языков – все, что она может делать, это подшивать бумаги и расставлять папки по шкафам? Неужто она опять угодила туда, где настоящим делом занимаются другие? Нет-нет, она вовсе не огорчена, не так уж это ей нужно – чувствовать собственную важность. Просто хотелось быть там, где она по-настоящему пригодится...

«Не думай об этом, – оборвала она собственные мысли. – Все, что здесь делают, важно. И это всего лишь твой первый рабочий день».

– А когда к нам возвращаются все эти расшифрованные сообщения и сигналы на немецком, что потом?

– Потом их переводят, регистрируют, анализируют. В коробках у мисс Синьярд лежат дубликаты всех сигналов, посланных с немецких кораблей и самолетов морской авиации. То и дело кто-нибудь срочно запрашивает копию. Необработанные расшифровки мы отправляем в Адмиралтейство²⁷, а еще докладываем по телефону, у нас прямая линия. Звонит туда обычно Хинсли, он связной. Там от него отмахиваются, после чего он добрый час ругается себе под нос.

– А почему от него отмахиваются?

²⁷ Адмиралтейство (Admiralty) – до 1964 года военно-морское ведомство Великобритании.

– А тебе понравилось бы, если бы какой-то кембриджский студентик звонил тебе из глуши и козлетоном сообщал, где сейчас находятся вышедшие на охоту немецкие подлодки, а на вопрос, откуда ему это известно, отвечал: «Вам это знать ни к чему?»

«Дорогой Филипп, то самое Адмиралтейство, которое принимает решения насчет твоего драгоценного военно-морского флота, держится на одних только набитых бумагами обувных коробках, при этом никто ничего не знает и все пожимают плечами. Неужели этой войной руководят исключительно идиоты? Тогда понятно, почему немцы вот-вот высадятся на нашем побережье». Конечно, она ни за что не стала бы вставлять в письмо Филиппу такие пораженческие фразы. Озла старалась сочинять для него бодрые, веселые письма; мужчине на войне не хватает только мрачных посланий из тыла.

Но наедине с собой, в мыслях, она не стеснялась своего пессимизма. Трудно сохранять бодрость, если представляешь себе, как будет выглядеть Лондон, когда фрицы приколотят таблички с немецкими названиями улиц на Пиккадилли и Сент-Джонс-Вуд. Такое ведь действительно могло произойти. Никто, разумеется, не признавался в своих опасениях вслух, но тревожило это всех.

Американцы явно не собирались приходить на помощь. Почти вся Европа пала, теперь очередь за Англией – такова была мрачная действительность. «А ведь здесь я, пожалуй, смогу узнавать новости одной из первых», – подумала Озла, протягивая руку за следующей шифровкой. Она узнает о вторжении раньше других в стране – раньше Черчилля, раньше короля, – потому что очередная взломанная немецкая шифровка может содержать приказ группе эсминцев направиться в Дувр. Увы, тот факт, что здешние башковитые ребята способны расшифровать переговоры фашистов, вовсе не значил, что в их силах остановить происходящее.

«Не знаю, чем именно вы там занимаетесь, – мысленно взмолилась Озла, обращаясь к спецам, взламывавшим шифры с немецких подлодок, – но постарайтесь делать это побыстрее». Потому что эти подлодки стаями охотились на корабли вроде того, где находился Филипп.

Это подало ей интересную идею, и она спросила у соседок:

– Раз мы в морском отделе, разрешается ли нам искать определенные корабли в шифровках? Скажем, смотреть, упоминают ли их немцы в своих радиосообщениях? (Например, «Кент», на котором некий светловолосый мичман королевской крови плывет в сторону Бомбея...) Или спрашивать о таких вещах запрещено?

Им было приказано не болтать ни с кем за пределами Блетчли и не разговаривать ни с кем – ни внутри Блетчли, ни снаружи – о работе, которой они занимаются. Однако после таких инструкций оставалось еще много непонятого. Озла вовсе не собиралась нарушать Закон о государственной тайне в первый же день. «Дорогой Филипп, меня должны повесить за измену – или расстрелять, точно не знаю».

– В своем корпусе мы общаемся свободно, – заверили ее коллеги. – Но помни: все, что ты узнаешь здесь, здесь должно и остаться. Если твой парень служит на флоте, можешь поискать упоминания о его корабле, но вот его матери об этом говорить нельзя.

Это как раз не проблема, подумала Озла. Филипп никогда не упоминал свою мать. О сестрах рассказывал – они были замужем за нацистами, и потому он не мог с ними переписываться, – рассказывал и о той сестре, что разбилась на самолете со своей семьей несколько лет тому назад. Даже отца, с которым годами не виделся, он упомянул пару раз, но мать – никогда.

– Так кто же твой приятель с корабля? – подтолкнула ее в бок соседка по столу. – Жених?

– Просто кавалер. – И Озла налегла на дырокол.

Кавалеры у нее были с шестнадцати лет – мимолетные влюбленности с танцами допоздна, иногда с поцелуями на заднем сиденье такси. Ничего серьезного. Филипп ушел в плавание в феврале. К тому времени они были знакомы всего шесть недель – танцы по ночам в «Кафе де Пари», когда у Озлы выдавался выходной, и долгие вечера, когда он приезжал в квартиру,

которую она делила с подругой, и лежал там, положив голову ей на колени. Они слушали граммофонные пластинки и болтали ночь напролет.

– Начинаешь влюбляться в своего прекрасного принца? – поддела ее однажды Сара Нортон, когда Филипп ушел от них за полночь.

– Он вовсе не *мой* принц, – парировала Озла. – Ему нужна девушка, с которой можно погулять перед отправкой на фронт, вот и все. А для меня он просто очередной кавалер.

Но Филипп был единственным, при мысли о ком у нее бежал по жилам огонь, а его поцелуи – первыми, которые показались ей опасными. В последний вечер накануне отплытия он сжал ее руку крепче обычного и спросил:

– Напишешь мне, Оз? Ты пиши мне, а я буду тебе. А то мне совсем не с кем переписываться.

– Напишу, – ответила Озла, не шутя и не поддразнивая.

Он наклонился к ней для еще одного из тех долгих, жарких поцелуев на пороге, которые все не заканчивались, его руки гладили ее спину, а ее пальцы зарылись в его волосы. Прежде чем уйти, он вложил ей в ладонь какой-то предмет, потом наклонился и крепко прижал губы к ее сжатым пальцам – казалось, на целую вечность.

– Счастливо оставаться, принцесса.

Она раскрыла ладонь и увидела холодный блеск его флотского значка, похожего на маленькую брошку, украшенную драгоценными камнями. Она и приколотла его на лацкан, как брошку, и тут же снова предостерегла себя: «Осторожнее». Ее мать всю жизнь оказывалась в idiotских ситуациях из-за неподходящих мужчин, и уж в этом отношении Озла твердо решила стать яблочком, которое падает как можно дальше от яблони.

Ее размышления прервал какой-то мужчина, по виду – научный работник, в старом, только что не расплывшемся свитере.

– Поможете, девушки? Мне нужен рапорт номер... – И он отбарабанил длинную последовательность цифр.

– Снимите для него копию, моя милая, – сказала мисс Синьярд, извлекая документ из шкафа.

Озла принялась за работу. Мужчина чуть не приплясывал от нетерпения. Озла вспомнила слова рыжеволосого Джайлза о том, что в Блетчли-Парке полным-полно оксфордских профессоров и кембриджских шахматных чемпионов, и попробовала угадать, чем же занимается этот. Быть может, он один из спецов, работающих на среднем этапе дешифровки: берет белиберду, которую немцы передают друг другу по радиоволнам, ту самую, за учет и регистрацию которой отвечает ее корпус, и разбивает ее на составные части, пока текст не удастся прочесть, перевести, проанализировать и заархивировать в отделе вроде того, где состоит Озла.

– Спасибо! – Мужчина исчез вместе с копией шифровки.

А Озла испытала смешанное чувство удовлетворения и разочарования, снова принимаясь за подшивание бумаг и раскладывание сигналов. Она не имела ни малейшего понятия о том, что теперь произошло, зачем понадобился именно тот рапорт, – и знала, что никогда не получит ответа на свой вопрос. Ну что ж, ничего страшного; для кого-то это было важно, а она сделала то, что от нее требовалось... Надо признать: новая работа оказалась куда проще, чем она надеялась. Правда, все происходило в очень быстром темпе, но чтобы подшивать в папки и сортировать бумаги, хватило бы и горстки мозгов в сочетании с капелькой внимания.

«Дорогой Филипп, как ты думаешь, если раньше я хотела сделать для победы больше, чем просто колотить по дюралю, а теперь хочу сделать больше, чем колотить по дыроколу, значит ли это, что я просто неблагодарная овца?»

– Моя работа – скука смертная, так что рассказывай про свою, – велела Озла вечером своей соседке по комнате. Маб только что вернулась из уборной во дворе, а Озла лежала попе-

рек на своей узкой кровати в одной комбинации и трусах, пытаюсь дочитать главу «Ярмарки тщеславия», прежде чем придется гасить свет. – Как прошел твой первый рабочий день?

– Недурно. – Маб сбросила капот, в котором выходила во двор, и тоже осталась в трусах и комбинации. – А больше ведь ничего и сказать нельзя. Все так ужасно засекречено. Не уверена, что нам с тобой даже можно спрашивать друг дружку: «Как дела на работе?»

Комбинация Маб была сильно поношенной. Озла, облаченная в изящную нижнюю сорочку персикового цвета, со вставками из французского кружева, вспомнила, как ровесницы-дебютантки хихикали, рассказывая о *бедных* девушках, – подразумевались барышни, вынужденные дважды в неделю появляться в том же платье. А еще она вспомнила, как Маб вынула из чемодана ровно четыре безупречно отутюженных платья и повесила их в общий гардероб и как неловко ей тогда стало за свои наряды, числом куда больше четырех.

– Хотя надо заметить, – продолжала Маб, берясь за щетку для волос, – непохоже, чтобы наша пронырливая хозяйка слишком заботилась о соблюдении секретности. Ты видела, как она поджимала губы за ужином, когда мы не на все ее вопросы отвечали?

– И хотелось бы мне посмотреть на человека, у которого получится вставить хоть слово в ее трескотню, – добавила Озла.

Она попыталась пару раз заговорить за столом с блеклой хозяйской дочкой, но не добилась ни звука от этой перепуганной мышки. Зато ее мать так и сыпала вопросами. Озла даже не поняла, как звать девушку – Бетт? Бесс? Неужели всю войну придется обращаться к ней «дорогуша»?

– Одну вещь я тебе все-таки скажу о моем корпусе. – Шевелюра Маб негромко затрещала под энергичным напором щетки. – Где-то там бродит мой будущий муж. В жизни не видала столько подходящих холостяков.

– Ого! Что, сплошь красавчики?

– Я сказала «подходящих», а не красивых. – Маб ухмыльнулась на свой особенный манер, и на смену обычно ровному и настороженному выражению ее весьма строгого лица пришло другое – как у пирата, который заметил на горизонте груженный сокровищами испанский галеон.

«Каравелла “Королева Маб” вышла на охоту за ничего не подозревающими холостяками Блетчли-Парка», – подумала Озла.

– А в твоём корпусе тебе никто не приглянулся? – поинтересовалась Маб.

– Да я вовсе не ищу себе парня, – отмахнулась Озла.

«Дорогой Филипп, тут полный дурдом, а моя работа, пожалуй, чересчур проста... но, кажется, мне здесь нравится».

Глава 7

Июнь 1940 года

Если бы у Блетчли-Парка был девиз, подумала Маб, он звучал бы так: «Вам это знать ни к чему».

– А другие корпуса тоже так устроены? – спросила она, когда ее впервые провели по коридору, надвое разделявшему Шестой корпус.

– Вам это знать ни к чему, – отрезала с сильным шотландским акцентом ее начальница, женщина уже не первой молодости. – Итак, вас распределили в отдел дешифровки...

И она ввела Маб в какой-то закуток, заставленный архивными шкафами и столами на козлах. На полу линолеум, на окнах светонепроницаемые шторы. Но не это удивило Маб, а два невиданных агрегата на столах. Странные аппараты, будто собранные из абсолютно разнородных частей, топорщились тремя рядами клавиш и были снабжены боковыми колесиками и кое-как притороченными огромными бобинами с бумажной лентой. Гибрид печатной машинки, кассового аппарата и телефонного коммутатора, подумалось Маб. Один агрегат был уже занят – барабанившая по его клавишам женщина согнулась в три погибели, как Квазимодо («Собор Парижской Богоматери» числился под номером 34 в списке «100 классических литературных произведений для начитанной леди»).

– Мисс Чурт, верно? – Шотландка подвела Маб к свободной машинке. – Большинство наших девушек выпускницы Ньюэма или Гиртона²⁸, а что закончили вы?

– Клейборнские курсы секретарей. Я была лучшей ученицей. – «Вот так-то, Гиртон-колледж!» Маб не собиралась стыдиться своей необразованности, как не стеснялась своего простенького белья на фоне французских кружев Озлы.

– Ну... наверное, не имеет значения, – с сомнением произнесла шотландка. – Вот ваш «Тайпекс». Его настроили на расшифровку радиосообщений, которые немцы посылают командному составу на фронтах. Каждый род войск использует для шифрования собственный ключ. Сообщения идут по специальным радиоволнам, а настройки ключа ежедневно меняются. Наши станции прослушивания в Великобритании и за границей перехватывают эти сообщения, записывают и отправляют в БП. К нам в бюро они поступают зашифрованными. Итак, раз, – она подняла палец, – вам выдают настройки, особые для каждого ключа, два, – она подняла второй палец, – вы отлаживаете машинку в соответствии с этими настройками, и три, – еще один палец, – перепечатываете на машинке зашифрованное сообщение, а машинка его расшифровывает и выдает текст на немецком. Все понятно?

«Вообще-то нет».

– Да, конечно.

– В полдень вам полагается часовой обеденный перерыв. Туалеты во дворе. Мисс Чурт, в нашем корпусе работа ведется круглосуточно. Четырнадцать дней ваша смена с девяти до четырех, четырнадцать – с четырех до полуночи, затем двенадцать – с полуночи до девяти утра.

И шотландка унеслась в другой отдел Шестого корпуса. Не успела Маб занять свое место, как девушка в свитере с рябым узором, улиткой сгорбившаяся за вторым «Тайпексом», придвинула к ней стопку бумаг.

– Это остаток сегодняшних «красных», – сообщила она без долгих предисловий. – Что-то они нынче припозднились. Ребята в Третьем корпусе начинают нервничать, если мы не подготовили для них всю пачку к завтраку. Настройки будут такие... – И она показала Маб,

²⁸ Ньюэм, Гиртон – женские колледжи в Кембриджском университете.

как наладить «Тайпекс» для расшифровки «красных» сообщений. Нужно было повернуть в определенном порядке каждое из трех колесиков, затем какой-то *Ringstellung* – длинный ряд цифр, каждая из которых соответствовала букве алфавита.

Маб следила за ее движениями. Голова у нее шла кругом.

– Дальше надо проверить настройки, – продолжала соседка. – Устанавливаешь каждое из трех колесиков на «А» и печатаешь все буквы с клавиатуры. Если получается ровно буква в букву, можно начинать. Поняла?

«Вообще-то нет».

– Да, конечно.

– Ну а дальше все просто – перепечатываешь как можно быстрее каждое сообщение. – Она показала на притороченные к «Тайпексу» бумажные бобины. – Ты печатаешь зашифрованный текст, а машинка выдаст нормальные буквы. Если получилось похоже на немецкий, отправляем это дальше. Если выглядит как бред, откладываем, и кто-то из более опытных девушек попробует разобраться.

– Но я не знаю немецкого...

– От тебя и не требуется. Достаточно понимать на вид, что это он. Труднее всего распознавать слова в группах по пять букв, в которых все выдается, но со временем наловчишься.

Маб устала на стопку бумаг.

– Да мы же это в жизни не закончим!

– С тех пор как немцы оккупировали Францию, мы получаем до тысячи «красных» сообщений в день, – сказала девушка.

Это вовсе не прибавило Маб уверенности в собственных силах. Она нерешительно взяла первый лист. Сверху донизу страницу заполняли блоки по пять букв: «ACDOU LMNRS TDOPS» и тому подобное. Маб взглянула на соседку, сосредоточившуюся над таким же набором бессмысленных букв, и стала размышлять, чем теперь занимается Люси дома в Лондоне. «Не надо мне было тебя бросать ради этого, Люс. Ты осталась одна с Ма в городе, который вот-вот начнут бомбить, а я печатаю полную белиберду в каком-то бараке».

Но что толку ныть. Маб расправила плечи, перепечатала пару пятибуквенных блоков – соседка сказала, что это вводные и подпись, – затем взялась за основной текст: ACDOU LMNRS TDOPS FCQPN YHXPZ. К ее изумлению, машинка выдала совершенно другое: KEINE BESON DEREN EREIG NISSE.

– *Keine besonderen Ereignisse*, – произнесла соседка. – Эта фраза то и дело возникает. Я уже немного научилась немецкому, она значит «без особых происшествий».

Маб устала на текст. «Без особых происшествий». Получается, не такое уж это и важное донесение. Или все-таки?.. А вдруг оно послано из мест, где происшествия ожидалось? Тогда известие может оказаться жизненно важным. Она продолжала печатать, а машинка выплевывала ленту с пятибуквенными блоками немецких слов.

– А что делать дальше?.. – спросила она.

– Запиши под настройками окончательное положение колесиков, распишись, наклей расшифровку на бланк и положи вон в ту корзинку. И продолжай работать, пока не закончишь всю стопку. Позже можно будет передохнуть, но сейчас надо поскорее дешифровать все «красные».

– Отчего их называют «красными»? Если можно узнать.

– «Красные» – кодовое слово, обозначающее сообщения немецкой военной авиации.

– А почему именно этот цвет? – завороченно спросила Маб.

Соседка пожала плечами:

– Просто когда наши спецы решали, как взламывать именно этот код, для авиации они использовали красный карандаш. Есть еще «зеленые», «синие», «желтые» – условные названия для разных потоков сообщений.

– А кто такие спецы?

– Мозговитые ребята, которые ломают код. Они вычисляют настройки для каждого шифра, иначе мы бы не знали, как наладить «Тайпексы» для дешифровки. – Она ласково погладила заветные три колесика. – Фрицы меняют настройки раз в сутки, так что ежедневно, едва пробьет полночь, наши умники все начинают сначала и снова находят настройки для каждого ключа.

– А как?

– Да кто их знает? Как-то справляются. Дальше мы дешифруем донесения и отправляем в Третий корпус, где их переводят и анализируют.

Вероятно, этим занимаются девушки, владеющие немецким, – как Озла, подумала Маб. Они берут путанные пятибуквенные блоки на немецком и превращают их в аккуратные читабельные донесения на английском. Сообщения из авиации, сообщения из сухопутных войск – все они перехватываются на дальних станциях радиопрослушивания (что бы это ни означало – Маб представила себе мужчин в наушниках, аппаратура настроена на немецкие радиочастоты, мужчины лихорадочно записывают морзянкой услышанное), затем вихрем проносятся по корпусам Блетчли, где вчерашние студенты взламывают коды, чтобы машинистки вроде Маб могли дешифровать донесения, которые потом переведут билингвы вроде Озлы. Совсем как фабричный конвейер. «А мы читаем твою почту, – подумала Маб, принимаясь за следующий листок. – Как тебе это, герр Гитлер?»

Она отбарбанила на «Тайпексе» еще одно сообщение, наклеила полоски текста на бланк и оформила как положено. К обеду Маб уже наловчилась пробегать глазами по пятибуквенным блокам и понимать, где там галиматья, а где – слова на немецком. Часами согнутая дугой спина ныла, пальцы болели от стука по неподатливым клавишам – и все же она улыбалась. «Взгляните-ка на меня, – думала она. – Это я, Мейбл из Шордича, расшифровываю донесения чертовых фрицев». Ма ни за что бы не поверила, даже если бы Маб могла обо всем ей рассказать.

Прошло еще два дня, прежде чем Маб представился случай посмотреть на мужчин, которых ее соседка по столу назвала спецами.

– Эта коробочка с карандашами и прочими канцелярскими принадлежностями предназначена ребятам из соседней комнаты. Мисс Чурт, отнесите им.

Маб вскочила со своего места, сгорая от нетерпения, – наконец-то она увидит других обитателей Шестого корпуса. Дверь на ее стук отворил долговязый рыжий Джайлз Талбот.

– О, это вы! – обрадованно воскликнул он. – «Божественно высокая богиня»...²⁹

– Теннисон! – Приятно было сразу узнать цитату.

Он ухмыльнулся, запрокинув голову.

– Неужели вы угодили в наш круг ада, мисс Чурт?

– Отдел дешифровки, – подтвердила Маб, размышляя, до чего же непривычно видеть на ногах у Джайлза брюки, а не ключья мокрой ряски. – Только, пожалуйста, называйте меня Маб, а не мисс Чурт.

– Если вы согласитесь перейти на Джайлза, о королева фей...

– Спенсер!³⁰ Хорошо, договорились.

Маб вручила ему коробку с карандашами и всякой всячиной и огляделась. В этой комнате тоже было душно и тесно. Над столами склонились мужчины, повсюду разбросаны клочки бумаги, огрызки карандашей и запутанные полосы бумажной ленты с напечатанными на них буквами. Сосредоточенность прямо-таки висела в воздухе – равно как и облако табачного дыма. Все курили, невнятно бормотали под нос и что-то записывали. Казалось, еще немного – и они сорвутся. И вообще они выглядели так, будто свалились с другой планеты.

²⁹ Искаженная цитата из поэмы Альфреда Теннисона «Сон о прекрасных женщинах».

³⁰ Английский поэт XVI века Эдмунд Спенсер, автор поэмы «Королева фей».

Но Маб была готова спорить на что угодно – это и есть те самые мозговитые ребята, которые ежедневно взламывают ключи к шифрам... И все как один выпускники Кембриджа или Оксфорда, в этом она тоже не сомневалась. Сердце учащенно забилося. В Шордиче-то людей с высшим образованием раз-два и обчелся.

Конечно, то, что парень закончил хороший университет, вовсе не значило, что и человек он хороший. Кому об этом и знать, как не Маб. Она оттолкнула подальше *то* воспоминание, прежде чем оно снова застынет ледяным комом в животе, – вон отсюда, убирайся, черт тебя подери – и улыбнулась комнате, битком набитой потенциальными мужьями.

«Один, пусть хоть один из вас окажется не только образованным и воспитанным, но и *приличным* человеком, и я буду не я, если не стану ему такой женой, о какой он и мечтать не смел».

– А как у вас здесь принято развлекаться после смены? – с ослепительной улыбкой спросила Маб у Джайлза.

– О, у нас столько клубов и кружков – не перечить. Шотландские танцы, шахматы...

– Пляски и игральные доски не для меня, – отмахнулась Маб. – А книги вам нравятся? Мы с Озлой Кендалл решили основать литературный кружок.

– Обожаю хорошие истории. Я весь ваш!

«Может, так оно и есть», – подумала Маб, только что выдумавшая этот кружок. У нее в районе парней на такое не подманишь, зато здешняя компания...

– Первое заседание в следующее воскресенье. Приводите ребят. – Она еще раз улыбнулась всей комнате и вернулась к своему «Тайпексу».

– Я полностью разбита, – простонала Озла, когда долгожданное воскресенье наконец наступило. – Работа сама по себе вроде не тяжелая, но такое чувство, что с каждым днем мы падем вдвое быстрее.

– В моем корпусе та же история. – В мирное время лихорадочный ритм работы заставил бы Маб задуматься, не стоит ли перевестись в другое место, но шла война, и приходилось терпеть. Она подняла руку с зажатой в ней щеткой и занялась прической. – Хоть в этот вечер не думай о работе. Пора повеселиться.

Первое заседание литературного кружка Блетчли-Парка должно было состояться в «Бараньей лопатке»: Джайлз сказал, что тамошнюю жареную рыбу с картошкой фри нельзя обойти вниманием, а после бесконечных рагу миссис Финч, свинцовой тяжестью оседавших в желудке, такая еда казалась просто пищей богов.

– Кстати, одного парня я пригласила специально для тебя, – весело сообщила Озла. Она тоже старалась оставить позади прошедшую неделю, которая, казалось, тянулась целую вечность, а вместе с ней войну и прочие неприятные темы. – Он из Восьмого корпуса и просто неотразим. В жизни не видала таких высоких мужчин, словно специально создан для жены ростом в шесть футов. Выйдешь за него и сможешь спокойно носить каблуки.

– Проблема не в тех мужчинах, которые ниже меня ростом, а в тех, кому неприятно это осознавать.

– В таком случае как насчет Джайлза? Он слишком большой шутник, чтобы переживать из-за чего бы то ни было, а уж тем более из-за женщин высокого роста.

– Что-то мне подсказывает, Джайлз из тех, кто никогда не женится, – ухмыльнулась Маб. – Впрочем, посмотрим после сегодняшнего заседания. Что хорошо в свиданиях со здешними мужчинами – им не разрешается, как обычно, нудеть о своей работе, и они волей-неволей вынуждены болтать о книгах или о погоде.

– И даже, страшно подумать, время от времени приходится задать девушке пару вопросов о ней самой, – с озорной улыбкой добавила Озла, помахивая сумочкой из крокодиловой кожи. – Пойдешь к Финчам, переодеться?

– Ага. Надену свое красное ситцевое.

– И будешь смотреться шикарно. А я, наверное, не стану заморачиваться с переодеванием. Явлюсь разлохмаченная, в чернильных пятнах – никто внимания на меня не обратит, когда увидят, как ты врываешься в двери.

«Озла может хоть в болото окунуться, и все равно на нее будут восхищенно глазеть», – подумала Маб. Даже после долгой смены Озла выглядела очаровательно растрепанной, а не всклокоченной и изможденной. Легко можно было бы невзлюбить ее за это, но у Маб почему-то не получалось. Ну как можно невзлюбить девушку, которая подыскивает мужчин ростом выше шести футов для коллекции потенциальных женихов другой девушки?

– А вот и вы, – констатировала миссис Финч, заметив Маб за дверью отдраенной до блеска кухни. – Работаете в воскресный день, как я погляжу?

– Когда идет война, не до отдыха, миссис Ф, – отмахнулась Маб, пытаясь проскользнуть мимо квартирной хозяйки. Однако та встала на ее пути.

– Ну хоть намекните, чем вы там занимаетесь? – проговорила она со смешком. – Ума не приложу, что это за работа скрывается за воротами Парка...

– Уверю вас, это так скучно, что и говорить не о чем.

– Но мне-то вы можете доверять! – Миссис Финч явно не собиралась отступать. Хотя ее голос и звучал ласково, в глазах появился опасный блеск. – Хоть намекните. Я вам за это отсыплю чуть побольше сахара с карточек.

– Благодарю, не нужно, – холодно ответила Маб.

– Ах, какая осторожность. – Миссис Финч потрепала Маб по плечу. Нехороший блеск в ее глазах усилился, но с дороги она все-таки ушла.

Маб закатила глаза, глядя на ее удаляющуюся спину. Она не замечала сидевшую в углу кухни с миской нечищеного гороха бесцветную дочку миссис Финч, пока та не подала голос – тихо, почти неслышно:

– Просто скажите матушке что-нибудь, что угодно, иначе она не отстанет.

Маб посмотрела на девушку. Не такая уж и юная, как могло показаться на первый взгляд. Ей было двадцать четыре, и в свободное от беготни по материнским поручениям время она трудилась в Женской волонтерской службе. Но из-за бесцветной кожи, которая немедленно краснела по всякому поводу, и вечно опущенных глаз она казалась совсем еще девчонкой.

– Я здесь не для того, чтобы удовлетворять любопытство твоей матери, Бесс, – отрезала Маб, не скрывая раздражения.

Девушка залилась вишневым румянцем.

– Бетт, – почти беззвучно поправила она.

Она луцила горох, сжавшись, будто щенок, жалкий вид которого так и подзуживает людей определенного склада дать ему пинка. Когда Бетт встала, чтобы отнести миску с горохом к буфету, от Маб не укрылось, что карман ее юбки топорщится из-за спрятанной там книжки.

– Дочитала уже «Ярмарку тщеславия»? – спросила она.

Бетт вздрогнула и стала теревать кончик косы.

– Вы ведь не сказали матушке, правда?

– Да за кого ты меня...

Маб проглотила возмущенную тираду. В ее возрасте уже пора бы перестать извиняться перед матерью за библиотечную книгу. «Отрасти себе характер, – хотелось сказать Маб. – А заодно ополосни волосы водой с лимоном и научись смотреть людям в глаза». Чего Маб совершенно не выносила, так это женщин-тряпок. Женщины в ее семье не были идеалом – да что там, большинство были жесткими, бессердечными бабами, – но, по крайней мере, тряпкой ни одну из них не назовешь.

Бетт вернулась за кухонный стол. Вероятно, она так и собиралась просидеть там до позднего вечера, пока мать не отправит ее спать.

- Иди за своим пыльником, Бетт, – неожиданно для себя произнесла Маб.
- Ч-что?
- Сходи за пыльником, пока я буду переодеваться. Пойдешь со мной на первое заседание литературного кружка Блетчли-Парка.

Глава 8

С камышовой крыши «Бараньей лопатки» можно было надзирать за перекрестком Бакинградской и Ньютонской дороги. Бар постоянного двора был уютным и светлым, а отдельная гостиная с ее по-старинному низкими потолочными балками так и манила устроиться поудобнее. Здесь было все, что так пугало Бетт на вечеринках, – теснота, шум, сигаретный дым, быстрый обмен репликами, чужие люди, а также мужчины. Горло ее сдавило от волнения, она безостановочно теребила кончик косы, как будто в этом лежал путь к спасению.

– Так ты прямо тут и квартируешь, Джайлз? – спросил кто-то у худощавого рыжего мужчины. – Черт подери, ну и повезло же тебе!

– И не говори! Миссис Боуден просто сокровище. Карточки ей не помеха – зуб даю, она королева здешнего черного рынка. Я заполучил для нас отдельную гостиную. Берите свои стаканы и пойдете.

Бетт опомниться не успела, как в ее руке оказалась рюмка хереса. Она не осмелилась даже пригубить напиток – а вдруг мать учует запах спиртного в ее дыхании?

– Да ты отпей, – подбодрила ее Маб.

– Ч-что-о?

Бетт уставилась на собравшихся вокруг стола людей. Вот Озла – она смеется, а какой-то лейтенант зажигает для нее сигарету... Вот нескладные тощие мужчины, по виду типичные университетские преподаватели, как щенята, завороченно тарачатся на Маб... Вот Джайлз с черноволосым великаном – тому даже пришлось пригнуть голову под потолочной балкой... Все они работают в загадочном Блетчли-Парке. А что здесь делает она, Бетт? Она не могла разобрать, что это за люди. Некоторые носили до того потрепанные твидовые пиджаки с заплатами, что ее мать приняла бы их за бродяг, однако при этом не оставалось сомнений в их отличном образовании и высоком происхождении; если честно, она едва понимала, что они говорят.

– Расслабься, – сказала Маб. Она держала бокал пива, с непринужденной элегантностью закинув ногу на ногу. – Мы просто пришли поговорить о книжках.

– Мне нельзя здесь быть, – прошептала Бетт.

– Это литературный кружок, а не бордель.

– Мне нельзя оставаться. – Бетт поставила херес на стол. – Моя мать устроит скандал.

– Ну и что?

– Это ее дом, ее правила, и мне...

– Но также и твой дом. И вообще ты живешь в доме своего отца!

Слова застряли у Бетт в горле. Она не могла объяснить, насколько незаметным был ее отец в семействе Финчей. Он никогда не настаивал на своем. Не таким он был мужем. Не таким отцом.

«Лучший из мужчин», – с неизменной гордостью отзывалась о нем мать Бетт, когда другие женщины жаловались на чересчур властных супругов.

– Мне нельзя оставаться, – повторила Бетт.

– «Жесточайшие мучители женщин – женщины», – процитировала Маб. – Ты уже дочитала до этой фразы в «Ярмарке тщеславия»? – Она изогнула бровь и обратилась к сидящим напротив мужчинам: – Ну так что, как будем выбирать книжку месяца?

– Общим голосованием, – заявил один из тощих ученых. – Не то барышни заставят всех читать романтический кисель.

– Романтический кисель? – возмутилась Озла, втискиваясь за стол слева от Бетт. – Последняя книга, которую я прочла, была «Ярмарка тщеславия»!

– Так это же про девчонок, разве нет? – возразил Джайлз.

– Но автор-то мужчина, так что все в порядке, – ядовито парировала Маб.

– Почему мужчины начинают колебаться, едва им предложат нечто, написанное женщиной? – возмутилась Озла. – Вроде бы уже целый век прошел с тех пор, как бедняжке Шарлотте Бронте пришлось подписываться «Каррер Белл», чтобы ее напечатали!

Подали истекающую жиром жареную рыбу и картошку фри. Бетт и тут не осмелилась притронуться к своей порции. Приличные девушки не едят в пабах, приличные девушки не курят, не пьют, не спорят с мужчинами...

«Но ведь Озла – девушка приличная», – подумала Бетт, собирая впрок аргументы для разговора с матерью. Маб ни при каких обстоятельствах не заслужила бы одобрения миссис Финч, а вот Озла – совсем другое дело. «Ее ведь представили ко двору; вы не можете утверждать, что она не леди, матушка!» Сейчас эта самая Озла хрустела треской в кляре, хлестала херес и спорила с Джэйлзом об «Алисе в Зазеркалье» Льюиса Кэрролла – словом, развлекалась вовсю.

Бетт подумала, что и аргумент с дворцом может не убедить мать. Для нее важно одно: Бетт ушла из дому без спросу.

– Я голосую за Конан Дойля, – сказал крупный брюнет, сидевший справа от Бетт. – Кто же не любит Шерлока Холмса?

– Да ты ведь уже прочел каждую строчку, написанную Конан Дойлем, Гарри...

Имя «Гарри» ему совсем не подходит, подумала Бетт, украдкой глядя на поклонника Шерлока Холмса. Мало того, что он настоящий великан – почти на голову выше Маб и такой крупный, что в дверь протиснулся боком, – но еще черноволосый и смуглый, почти темнокожий.

Бетт представила себе шепотки местных кумушек («Интересно, он черномазый или итальяшка?»), но говорил он без иностранного акцента – тот же интеллигентный выговор, что и у остальных.

– Мальтиец, араб, египтянин, – сказал он, поймав любопытный взгляд Бетт.

– Что? – От неожиданности она чуть не подпрыгнула.

– Семья моего отца происходит с Мальты, а родители матери – египетский дипломат и дочь багдадского банкира, – ухмыльнулся он. – Не стесняйтесь, всем любопытно. Кстати, меня зовут Гарри Зарб.

– Вы очень хорошо говорите по-английски, – с трудом выдавила она.

– Ну... та ветвь нашего рода, к которой принадлежу я, живет в Лондоне уже третье поколение, крещен я в англиканской церкви, а учился в Кингз-колледже в Кембридже, как и дед, и отец. Было бы весьма неловко, если бы после всего этого я не очень хорошо владел английским.

– П-простите, – прошептала Бетт, сгорая от стыда.

– Когда выглядишь как я, все думают, что ты родился в шатре среди песчаных дюн, – равнодушно пожал он плечами, но Бетт так устыдилась своих вопросов, что не смогла продолжать разговор.

Она перестала прислушиваться к общей беседе. На соседнем столике обнаружилась брошенная кем-то газета, и Бетт тут же принялась за кроссворд. Он был наполовину заляпан жирными пятнами, но это ее не остановило. В кармане нашелся огрызок карандаша.

– Ты пронеслась по нему, как победитель на скачках, – рассмеялась Озла, но Бетт лишь молча уставилась в пол. Когда же закончится этот вечер?

Стоило Бетт увидеть мать за кухонным столом – в руках Библия, на щеках горят два красных пятна, – и она затряслась всем телом.

– Только не хмурьтесь, миссис Ф, – начала Озла, сияя своей неотразимой улыбкой, как только они вошли в кухню, – Бетт совсем не виновата!

– Это мы ее заставили, – добавила Маб. – Seriously...

– Не пора ли вам спать, девушки? – Миссис Финч посмотрела на кухонные часы. – Через двадцать минут я гашу свет.

Им не оставалось ничего другого, как отправиться наверх. Миссис Финч сморщила нос, унюхав сигаретный дым, пиво, херес.

– Простите, матушка, – только и успела пролепетать Бетт, как мать схватила ее за руку.

– Завтра о тебе поползут слухи. Об этом ты не подумала? – Миссис Финч не кричала, а говорила с горечью, что было еще невыносимее. – Какая неблагодарность, Бетан. Какой позор. – Она протянула Бетт открытую на Книге Второзакония Библию и начала цитировать: – «Если у кого будет сын буйный и непокорный, неповинующийся голосу отца своего и голосу матери своей, и они наказывали его, но он не слушает их...»

– Матушка...

– Или ты думала, что к дочерям это не относится? «И скажут старейшинам города своего: “сия дочь наша буйна и непокорна, не слушает слов наших, мотовка и пьяница”»...³¹

– Да я ни капли не выпила!

Миссис Финч печально покачала головой, продолжая протягивать дочери Библию. Бетан взяла тяжелый том в вытянутые руки, глядя сквозь слезы на страницу Книги Второзакония. Однажды ей пришлось держать книгу целых полчаса, тридцать мучительных минут. Но ведь сейчас так поздно, мать не станет...

– Ты разочаровала меня, Бетан.

Библия начала опускаться, и мать больно ущипнула Бетт с внутренней стороны предплечья. Она снова заговорила, негромко порицая дочь. Бетт повела себя самым бесстыдным образом. Она опозорила мать, которая заботится о ней, слишком тупой и рассеянной, чтобы самой о себе позаботиться. Бетт следует радоваться, что она никогда не выйдет замуж и не родит детей, ведь тогда она не узнает, как дети разбивают сердце родителям... Пятнадцать минут спустя Бетт захлебывалась от рыданий, слезы ручьем текли по ее горящим щекам, руки дрожали, мускулы одеревенели от усилия удержать книгу на уровне глаз.

– Конечно же, я прощаю тебя, Бетан. Можешь опустить Библию. – На сей раз мать просто потрепала дочь по бессильно упавшей руке, а не ущипнула. – От всего этого у меня вот-вот разыграется головная боль...

Еще не осушив глаза, Бетт кинулась за мокрым полотенцем и скамеечкой для ног. Спать ее отпустили лишь через полчаса. Ее руки висели, как вареные макароны, мускулы горели. Наконец-то осмелившись потереть нежную кожу на сгибе локтя – у миссис Финч были сильные пальцы, и щипала она очень больно, – Бетт дошла до лестничной площадки и услышала голоса за дверью Озлы и Маб.

– ...Бедная Бетт, – донеслись до нее слова Озлы.

– Пусть вырабатывает характер, – резко ответила Маб. – Попытайся моя мать напасть на меня вот так в моем возрасте, уж я бы ей показала.

– Но она – не ты, королева Маб. В жизни не видала более полного и безнадежного воплощения Фанни Прайс. (Маб вопросительно хмыкнула.) Ну, помнишь, та тряпка, героиня «Мэнсфилд-парка»? Выглядит как чучело и мешает людям развлекаться. Только не говори, что ты не читала Остен...

Бетт не стала дожидаться, что будет дальше, и проковыляла в свою комнату. От этого нового унижения она вспыхнула и снова расплакалась. Какой глупой, какой жалкой она себе казалась – поверила, что если девушки из Блетчли-Парка бросили ей пару добрых слов, как кость собаке, это значит, она им хоть чуточку нравится. Еще глупее и жалче было думать, что если кирпичный особняк неподалеку стал центром военной деятельности, ее жизнь изменится. В жизни Бетт ничего не изменится. Никогда.

---

³¹ Второзаконие, 21:18; 20 (искаж.).

Глава 9

Когда июнь плавно перетек в июль, Озла поняла, что у нее руки чешутся взяться за какое-нибудь дело. Работа постоянно шла в лихорадочном ритме, однако в интеллектуальном смысле она оставалась на уровне игры в крестики-нолики. «Мне нужна задача, – подумала Озла, помогая мисс Синьярд записывать незнакомые немецкие коды, определять которые предстояло уже другому отделу. – Точнее, она мне понадобится, когда я вернусь в дневную смену...» Смена с девяти утра до четырех была еще ничего, но когда выпадала очередь работать с четырех до полуночи, Озле стоило большого труда не скатиться в полное уныние. Одно дело ввалиться домой за полночь, потому что ты веселилась в «Кафе де Пари», и совсем другое – в изнеможении упасть на кровать в час ночи, после того как допоздна занималась подготовкой на случай вражеского вторжения.

– Мы планируем организовать мобильный отдел ГШКШ, – деловито, без сантиментов сообщила девушкам из своего отдела мисс Синьярд. – Сотрудницы отдела немецкого флота, которых для этого отберут, получают специальные паспорта, чтобы быть наготове сорваться с места в любой момент.

«А потом окопаться на холмах и продолжать сопротивление, когда все здесь оккупируют немцы», – подумала Озла, ощущая мерзкий ком в желудке. До сих пор она довольно отвлеченно размышляла о возможной оккупации своей родины, словно о черной туче, маячившей где-то далеко на горизонте, однако сейчас видеть, как всерьез готовятся к тому дню, когда немецкие танки покатаются по улицам Блетчли...

Сообщи мисс Синьярд эту новость в дневную смену, Озла, пожалуй, гордо вскинула бы голову и подумала: «Не нужен нам никакой мобильный отдел ГШКШ, не победим мы на холмы, потому что ты никогда не сможешь высадиться на наш остров, герр Гитлер. Только через мой труп и трупы всех прочих жителей Британии!»

Но в жутковатой атмосфере душной темной ночи объявление мисс Синьярд и то, что оно предполагало, просочилось в душу Озлы, как медленный яд. Если уже готовят документы и отдают приказы, значит, немецкого вторжения ожидают со дня на день.

«Дорогой Филипп, если от меня вдруг перестанут приходиться письма...»

– По крайней мере, нас пока не посылают в ночную смену, – зевнула одна из коллег Озлы, заметив, что та давно молчит. – А вот наши умники трудятся еще и с полуночи до девяти утра, потому что в полночь фрицы меняют все шифры и настройки.

– Интересно, как они это делают – в смысле, шифры взламывают? – И может ли она, Озла, этому научиться, если добьется перевода от подшивок и дыроколов на работу посложнее? Такую, где ее ум будет слишком занят делом, чтобы переживать из-за вторжения. – У меня, конечно, и мысли нет спрашивать; капитан Деннистон наверняка велит затащить меня за особняк и расстрелять за такое. Но все равно ведь любопытно. Должно быть, эти парни ужасно умные.

– А там не только парни.

«Вот так новость!» – подумала Озла.

– У Нокса в отделе хватает и девушек, – продолжала соседка. – Знаешь флигелек около конюшен? Его называют гаремом, потому что Нокс старается брать к себе исключительно женщин.

– Дай угадаю – все как на подбор красотки, и всем меньше двадцати? – Спасибо, должность такого рода Озлу не привлекала, как бы она ни стремилась к по-настоящему полезной работе.

– Все нет, совсем не тот случай. Помню, Хинсли бесился с месяц назад, потому что Нокс забрал к себе девушку с хорошим немецким, а Хинсли рассчитывал заполнить ее в наш

отдел. Джейн ее зовут. Так вот, видала я эту Джейн, у нее нос как у утки. Человек, который стремится набить свой отдел красотками, в жизни бы ее не отобрал. Зато она умная. Умные девушки попадают к Дилли Ноксу. Понятия не имею, чем они там занимаются.

Это было характерно для Парка: сплетни текли рекой, но никто ничего не знал наверняка.

Настала полночь, и под безоблачным темным небом зевающая Озла вышла из Четвертого корпуса. Дешифровщики и переводчики спешили домой, а на их места заступали другие растрепанные ученые и девушки в крепдешиновых платьях. Им предстояла ненавистная ночная смена, и они уже сейчас выглядели измученными.

– Если миссис Ф снова постучится к нам в шесть утра, я ей устрою, – проворчала Маб, догоняя Озлу на тропинке. – Мне надо как следует выспаться. Перед завтрашней сменой меня пригласил на обед Эндрю Кемптон.

– Это какой же по счету мужчина зовет тебя на свидание, королева Маб? Третий?

– Четвертый. – Маб не хвасталась, просто выдавала информацию. – Родился в Уитстейбле, изучал немецкую философию в Кембридже, родители умерли...

– Заодно уж пощупай ему бабки и проверь зубы. А на восхитительного Гарри Зарба ты тоже нацелилась?

– Он женат, – с досадой признала Маб. – По крайней мере, сразу об этом сказал. Большинство мужчин сообщают, что женаты, только после того, как уже попытались получить от тебя сама знаешь что.

– Женат, какая жалость. У вас бы родились самые высокие в мире дети. – Разговоры о браке навели Озлу на мысли о вечной старой деве в доме Финчей. После ночных ледящих кровей размышлений о предстоящем вторжении ей еще сильнее захотелось взяться за какую-нибудь задачу. – Надо как-то помочь Бетт. Кошмарная миссис Финч совершенно ее застрашала.

– Невозможно помочь человеку, который отказывается сам себе помогать. С того вечера на литературном кружке она на нас глаз не смеет поднять.

Озла была вполне уверена, что после того вечера – прошло уже две недели – видела синяки на предплечье Бетт, с внутренней стороны. Такие отметины получаются, когда сильные пальцы щиплют нежную кожу на сгибе локтя, будто птица клюет спелую сливу. Как внести в унылую жизнь Бетт немного радости и развлечений, не прогневав ее мать, – вот задача, которой стоило заняться.

Озла и Маб уже вошли в поселок Блетчли и свернули за угол – они шагали посередине дороги, чтобы избежать грязи в выбоинах по краям, – когда за спиной у них вспыхнули автомобильные фары. Взвизгнув, Озла прыгнула в придорожные кусты, а Маб, оступившись, очутилась в глубокой луже. Автомобиль со скрежетом затормозил. Из кабины выскочил водитель.

– С вами все в порядке? – Крепко сбитый, с непокрытой головой мужчина. При свете фар он легко извлек Озлу из куста. – Я вас заметил лишь на повороте.

– Отчасти мы и сами виноваты, – признала Озла, переводя дыхание. – Маб?..

Ее подруга с трудом встала на ноги. Озла сочувственно поморщилась. В направленном вниз свете прикрытых шторками фар³² можно было разглядеть, что накрахмаленное ситцевое платье Маб заляпано грязью от ворота до края подола. Девушка наклонилась, сняла левую туфлю и изучила сломанный каблук. Даже в темноте Озла увидела, как омрачилось ее лицо. Как бы ни уставала на работе Маб, она каждый вечер начищала перед сном свои дешевые туфли, добиваясь зеркального блеска, будто они куплены на Бонд-стрит³³.

³² В целях противовоздушного затемнения в военные годы предписывалось прикрывать все фары и ручные фонарики своеобразными «жалюзи», которые пропускали лишь узкие полоски света, направленные вниз. В результате сильно выросло число дорожных происшествий.

³³ *Бонд-стрит* – улица в центре Лондона, известная роскошными магазинами одежды, обуви и ювелирных украшений.

– Я уверена, что каблук можно починить... – начала Озла, но лицо Маб уже разгладилось. Она размахнулась и метнула испорченную туфлю прямо в грудь едва не сбившего их мужчины.

– Только последний идиот входит в поворот на такой скорости! – заорала она. – Ослеп ты, что ли, ненормальный придурак?

– Судя по всему, да, – согласился мужчина, на лету поймав туфлю. На полголовы ниже Маб, на лоб падает рыжеватая челка. Он заслонил глаза ладонью от света и посмотрел на нее: – Приношу свои извинения.

– Надо все-таки признать, что мы шли прямо посередине дороги, – справедливости ради заметила Озла, но Маб, стоя одной ногой в грязной жиже, продолжала на чем свет стоит поносить незнакомца. Он не возражал и слушал скорее восхищенно, чем возмущенно.

– Да еще и покрышку себе пробили, – закончила Маб, окинув автомобиль испепеляющим взглядом. – Теперь вам придется лезть в болото и менять колесо.

– Если бы умел, непременно полез бы, – ответил незнакомец. – Оставлю машину здесь и пойду на станцию. Вы не в курсе, поезда еще ходят в этом часу?

Маб скрестила руки на груди. Ее щеки все еще горели от возмущения.

– Проще поменять, если у вас найдутся инструменты.

– Не имею ни малейшего понятия, как это делается.

Сдернув уцелевшую туфлю, Маб решительно сунула ее незнакомцу, в одних чулках прошлепала по грязи к багажнику и подняла крышку.

– Обещайте как следует починить мои туфли, и я сменю ваше треклятое колесо.

– Договорились. – Он с улыбкой наблюдал, как Маб деловито достает из багажника инструменты.

– А откуда ты знаешь, как меняют колеса? – удивилась Озла. – Вот я в этом ни бум-бум.

– У меня брат работает в авторемонте. – Маб подоткнула подол, чтобы не запачкать его еще больше, и взглядом заверила незнакомца, что его ожидает медленная мучительная смерть, если он посмеет пялиться на ее ноги. – Фонарик у вас найдется? Посветите, не то я не увижу, что делаю.

Все еще улыбаясь, он поставил испорченные туфли на капот и включил фонарик.

– Вы обе служите в БП? – поинтересовался он.

Озла вместо ответа лишь вежливо улыбнулась – неподходящая тема для разговора с незнакомцем посреди дороги.

– А вы, мистер?.. – начала она.

– Грей. Нет, я работаю в одном из лондонских отделов.

«В разведке, – подумала Озла, одобряя эту неопределенность. – Или в министерстве иностранных дел».

– Начальство послало меня с кое-какой информацией к капитану Деннистону, – продолжил их собеседник. – Тот припозднился с ответом, вот и приходится ехать за полночь.

Озла протянула ему руку, и он ее пожал поверх выбивавшихся из фонарика лучей света.

– Озла Кендалл, – представилась она. – А та, что проклинает ваше колесо, – Маб Чурт.

– Кто-то должен помочь мне с домкратом, – послышался откуда-то снизу раздраженный голос Маб. – Не ты, Оз. Хватит того, что я испортила чулки, сохрани хоть ты свои.

Озла наблюдала, как помогал мистер Грей. Подсобив с домкратом, он перетащил к Маб запасное колесо, потом передал ей еще несколько инструментов, пока Маб не рывкнула:

– Теперь вы путаетесь под ногами! Просто стойте и держите фонарик.

– Жаль, что вы работаете в Лондоне, а не в БП, мистер Грей, – посетовала Озла, когда он выпрямился. Трудно было разобрать в темноте, но выглядел он вроде бы лет на тридцать шесть – тридцать семь, лицо спокойное, широкое, с глубокими носогубными складками. – В нашем литературном кружке не хватает мужчин.

– Литературный кружок? – У него был мягкий мидлендский выговор. Он говорил с Озлой, но не отрывал глаз от Маб, которая со знанием дела обращалась с запасным колесом. – А я думал, девушки из БП интересуются исключительно математикой и кроссвордами.

Что-то шевельнулось в памяти Озлы. Что-то такое насчет кроссвордов...

– Готово. – Маб выпрямилась, смахивая с грязной щеки прядь волос. – До Лондона должно выдержать, мистер Грей, а там уж залатаете старое колесо. Не забудьте, туфли должны ко мне вернуться как новенькие. – Она подняла брови, подчеркивая сказанное.

– Даю вам слово, мисс Чурт. – Он положил пробитое колесо в багажник. – Я ведь не хочу, чтобы меня нашли мертвым в канаве.

Маб мрачно кивнула и обернулась к Озле:

– Идем, Оз.

Мистер Грей попрощался и запрыгнул в автомобиль.

– Ты иди, – ответила Озла, – а у меня появилась колоссальная идея. – Упоминание о кроссвордах будто что-то включило у нее в голове.

В особняке она была лишь однажды, в день приезда. Даже в полночь главный корпус гудел, как улей, набитый не пчелами, а усталыми мужчинами в одних рубашках. К самому капитану Деннистону Озле было не пробиться, но в оранжерее обнаружился флиртовавший с машинисткой Джайлз. Озла взяла его под руку:

– Джайлз, а ты не знаешь, Деннистон все еще ищет новых сотрудников?

– Еще как! Поток сообщений растет, они едва успевают проверять на благонадежность новых кандидатов.

– Что-то такое я слышала насчет кроссвордов...

– Ну да, есть теория, будто любители кроссвордов, математики и шахматисты подходят для нашей работы. По-моему, бред. Я, например, не отличу ладью от слона...

– Дочка моей квартирной хозяйки – гений по части кроссвордов, – перебила его Озла.

– Та серая мышка, которую ты приводила в «Баранью лопатку»? Ты в своем уме, безмозглая дебютантка?

– Ее зовут Бетт Финч. И больше не называй меня так. – Озла вспомнила, как быстро Бетт решила кроссворд тогда, в пабе. «Озла Кендалл, ты не безмозглая дебютантка, ты гений!» Положим, Бетт действительно требуется осветлить волосы, надеть модное платье и сходить на пару-тройку свиданий с военными летчиками. Но ничего этого она не получит, если не выйдет из дома. А ведь даже сидеть за пишущей машинкой или подшивать ночь напролет зашифрованные сообщения наверняка лучше, чем гнуть спину на жуткую миссис Финч до тех пор, пока фрицы не промаршируют по улицам Блетчли.

– Будь другом, Джайлз, замолви за нее словечко перед Деннистоном. Бетт великолепно впишется в Блетчли-Парк.

Глава 10

Август 1940 года

– Вы нам подходите.

Бетт в ужасе уставилась на него.

– А вы волновались, мисс Финч? – Мужчина с усталым лицом, представившийся в начале собеседования казначеем Брэдшоу, поставил какую-то печать на личное дело Бетт. – Не думайте, здесь служат не одни только выпускники Оксфорда. Мы проверили вашу биографию – она чиста как первый снег. К тому же вы местная, а значит, не нужно искать вам квартиру. Начнете завтра в дневную смену. Осталось расписаться вот тут...

Брэдшоу отбарабанил речь о жестоких последствиях нарушения Закона о государственной тайне, но Бетт его не слушала. «Они ведь не должны были меня нанимать», – снова и снова крутилось в ее помутившейся от паники голове. У нее и мысли не возникло, что Блетчли-Парк может предложить ей работу, даже когда неделю назад пришла повестка.

– Там же сказано просто явиться на собеседование, – заверила Бетт мать, которая собственноручно распечатала письмо, едва оно прибыло, и потребовала объяснений.

Бетт пойдет на собеседование, но на что она сдалась Парку? «Я ведь слишком глупа», – подумала она, гадая, откуда они вообще узнали ее имя. Да и собеседование в особняке, которое провели в душной комнатухе за лестницей, показалось ей совершенно заурядным: вопросы о машинописи и работе с документами – ничего этого Бетт не умела, – об образовании, которого у нее не было, об иностранных языках, которыми она не владела. Она сдавленно отвечала, думая о странных вещах, которые видела на пути сюда: въезжающий в ворота на велосипеде мужчина в противогазе – казалось, он ожидал газовой атаки с минуту на минуту, – а на лужайке четверо мужчин и две женщины играли в лапту... Еще шагая по дорожке, ведущей к входу, Бетт уже думала с облегчением, как вернется домой и скажет матери, что все закончилось.

И тут ей говорят: «Вы нам подходите».

– Н-но это какая-то ошибка, – запинаясь, возразила она.

Однако мистер Брэдшоу уже протягивал ей авторучку:

– Прошу вас, поставьте подпись.

Ошалевшая Бетт расписалась.

– Отлично, мисс Финч. Теперь займемся вашим постоянным пропуском... – Мистер Брэдшоу осекся. Снаружи послышался гвалт. – Господи, эти дешифровщики хуже драчливых котов!

Он вышел в дверь. Бетт изумленно заморгала – дешифровщики?!

Выйдя вслед за ним, она увидела, как усталый джентльмен без пиджака упрасивает седого мужчину профессорского вида, который хромал взад-вперед по обшитому дубовыми панелями вестибюлю:

– Дилли, старина, ну перестань же рычать.

– Не перестану! – рявкнул хромавший.

Долговязый, нескладный, немного смешной, прикрытые очками в роговой оправе глаза мечут молнии – он напомнил Бетт Белого Рыцаря из «Алисы в Зазеркалье».

– Деннистон, я не позволю, чтобы мой труд отправляли незаконченным!

– Дилли, у тебя не хватает сотрудников, а когда я присылаю тебе новых, ты от них отказываешься.

– Мне не нужна толпа девиц-кадетов, все на одно лицо!

– Да у нас и нет таких...

– И еще мне не нужны расфуфыренные дебютантки, которых папочка пристроил сюда через знакомых в Адмиралтействе!

– Тогда тебе может подойти вот эта, Дилли, – прервал его Брэдшоу. Все взгляды обратились на Бетт, и она сжалась. – Я думал отправить ее в административный отдел, но если у тебя не хватает людей, можешь попробовать с ней поработать.

– Что?! – Белый Рыцарь повернулся к ним, все еще мечта молнии. Глаза за очками прошили Бетт насквозь. Она застыла, боясь пошевелиться. – На иностранных языках говорите?

– Нет...

Бетт никогда еще не чувствовала себя настолько неуклюжей, несообразительной, косноязычной и загнанной в угол. Уловив благодарный взгляд, который Деннистон бросил на Брэдшоу, она поняла, что это просто диверсия. Ее кинули на линию огня, чтобы Дилли прекратил орать. Она залилась краской.

– А как насчет языкознания? Литературы? – продолжал ее терзать Белый Рыцарь. – Или хотя бы математики?

– Нет. – И тут Бетт почему-то добавила еле слышно: – Я... я хорошо решаю кроссворды.

– Кроссворды? Любопытно. – Он поправил сползавшие очки. – Пойдемте.

– Но у мисс Финч еще нет официального пропуска... – попытался возразить Брэдшоу.

– Подписку о секретности она дала? Так пусть принимается за работу, – отрезал Дилли. – Главное, теперь ее можно расстрелять, если проболтается, а пропуск – дело десятое.

При этих словах Бетт едва не потеряла сознание.

– Я Дилли Нокс. Пойдемте со мной, – бросил через плечо Белый Рыцарь и провел ее в Зазеркалье.

«Да что это за место такое?» Нокс, все так же хромая, вышел из особняка и направился к строению, напомиравшему переделанную конюшню. Следуя за ним, Бетт не могла избавиться от цитат из Льюиса Кэрролла, цеплявшихся друг за дружку в ее идущей кругом голове. Порой ее мозг, отметив ассоциацию, связывал с ней другие – в итоге получалась не то схема, не то узор.

Она взглянула на часы с бронзовым циферблатом на фахверковой башенке, наполовину ожидая, что стрелки начнут вращаться назад. Почему Озла и Маб ее не предупредили? Но, конечно, они и не могли ничего сказать после того, как приняли присягу... а теперь ту же бумагу подписала и сама Бетт. Что бы дальше ни произошло, ей нельзя будет сказать матери ни слова.

Ее сердце упало. «Матушка придет в ярость».

За бывшим конюшенным двором стояли объединенные в одно строение три побеленных кирпичных коттеджа с двумя дверями. Мистер Нокс распахнул ту, что справа.

– Мы работаем здесь, – сказал он, проводя Бетт по коридору. – Остальной БП – завод, а мы занимаемся криптографией по-настоящему.

«Криптографией, – подумала Бетт. – Я теперь занимаюсь криптографией».

В заставленной письменными столами комнате висела меловая пыль и не оказалось никакой Страны чудес, а всего лишь пять или шесть погруженных в работу женщин – высоких и низеньких, хорошеньких и не очень, одни совсем юные, лет восемнадцати, другие уже зрелые, под тридцать пять. Все были одеты в свитера и юбки. Ни одна не подняла головы, когда они вошли.

– Ты снова орал на Деннистона, Дилли? – спросила женщина постарше с волосами соломенного цвета.

– Я был смиреннее агнца. Сказал ведь ему не далее как на прошлой неделе, что не позволю...

– Дилли, милый, да нет же. – Женщина раскладывала полоски картона в непонятном для Бетт порядке. – Ты ничего не говорил Деннистону на прошлой неделе.

– Разве? – Он почесал голову. Весь его гнев, казалось, испарился. – А я думал, что на прошлой неделе ему было сказано...

– До сегодняшнего дня ему ничего не было сказано. Ты с ним вообще две недели не общался. – Женщина с улыбкой глянула на остальных.

– Так вот почему он так растерялся! – Мистер Нокс пожал плечами и обернулся к Бетт: – Познакомьтесь с моими барышнями. – Он жестом обвел комнату. – В Большом доме их называют «Дивы Дилли», что полный бред, но здешним ребятам только попади на язык. Барышни, познакомьтесь... Вы мне уже говорили, как вас зовут?

– Бетт Финч...

– Барышни, это Бетт Финч. Она... – Он в задумчивости похлопал себя по карманам. – А где мои очки?

– У тебя на лбу, – сказали хором как минимум три женщины, не отрываясь от работы.

Он нащупал очки и опустил их на нос.

– Садитесь за стол, – велел он Бетт. – У вас найдется карандаш? Мы здесь взламываем шифры.

Тут же усевшись за бюро у окна, мистер Нокс стал искать жестянку с табаком и, судя по всему, уже забыл о существовании Бетт. Большинство девушек продолжали работать, как будто происходящее было совершенно естественным. Однако миниатюрная женщина с соломенными волосами поднялась и подошла к ней, протягивая руку.

– Пегги Рок, – представилась она. Пегги была постарше других, лет тридцати пяти – тридцати шести на вид, с некрасивым, но умным лицом. – Я покажу вам, как все работает. Это Диллвин Альфред Нокс, – указала она на Белого Рыцаря. – Он взламывал немецкие шифры еще в прошлую войну. Мы здесь изучаем вещи, которые нужно кропотливо разбирать, а не гнать по конвейеру, как в других корпусах. Сейчас мы работаем над итальянской флотской «Энигмой»...

– Что такое «Энигма»? – спросила ошарашенная Бетт.

– Это машина, которую противник использует для шифрования почти всех военных сообщений, – объяснила Пегги. – Флотских, авиационных и армейских, на итальянском и немецком. У каждого шифра свои настройки. Машина может выдавать умопомрачительное число сочетаний, и эти настройки меняются каждый день. Казалось бы, то, что они шифруют при помощи «Энигмы», невозможно взломать. – Она слегка улыбнулась. – Но это им только кажется.

«И Озла тоже об этом знает? – подумала Бетт. – И Маб?»

Будто прочитав ее мысли, Пегги добавила:

– Здесь мы обычно ближе к пониманию полной картины, чем в других отделах БП. Начальство просто одержимо разграничением задач – большинство работающих здесь видят только конкретное задание, которое они получили, ну и кое о чем догадываются на основании того, что входит и исходит из других корпусов. Не более того.

– И это полный идиотизм, – подал голос из-за своего бюро Дилли. – Я хочу, чтобы ничего не загораживало горизонты моих девочек. Когда видишь всю картину, а не какие-то отрывки, это лишь на пользу делу.

– А почему? – спросила Бетт.

– Потому что мы отвечаем за самый сложный этап, – развела руками Пегги Рок. – Сообщения регистрируются и заносятся в картотеку в другом корпусе, еще в одном переводят и анализируют расшифрованные тексты. А мы посреди и заняты важнейшей задачей: расковыриваем каждое донесение в отдельности. Используем метод, который называется ролдинг, – с его помощью мы находим изначальное положение роторов «Энигмы» при вводе сообщения, так, как его показывают в окошечке индикатора. Сейчас объясню.

– Я все равно не пойму, – выпалила Бетт. – Я не умная, понимаете? Я не смогу...

Роддинг. Криптография. Всё это. Грудь теснило, она с трудом переводила дух, стены, казалось, пульсировали и сжимались. Обычно ее охватывал ужас от одного только шага в сторону от привычного течения жизни, а здесь открывался целый новый мир. Еще секунда – и паника завладеет ею окончательно.

– Я только потрачу ваше время, – стала уверять она, готовая разрыдаться. – Я слишком глупая.

– Правда? – Пегги Рок спокойно на нее посмотрела и протянула ей набор тех самых странных картонных полосок, словно карты в беспроигрышной комбинации. – Кто вам это сказал?

Глава 11

«Я скучаю по тебе, Оз. Если честно, я ужасно сильно по тебе скучаю».

Почерк у Филиппа был четкий, без завитушек. Один вид написанных его рукой букв неизменно заставлял сердце Озлы биться сильнее. «Молчи, сердце», – приструнила она его.

– Миссис Ф сегодня в ударе. – Маб без стеснения подслушивала происходящее внизу, свесив голову в темный пролет лестницы.

Бетт сразу после собеседования отработала свою первую смену в Блетчли-Парке, и миссис Финч потряхивало весь день. Сейчас Бетт уже вернулась домой, и хотя того, что говорила она, слышно не было, по дому звонко разносился голос ее матери, настойчиво цитировавшей Библию: «Ибо сын позорит отца, дочь восстает против матери...»³⁴

– Может, спустимся? – Озла вопросительно взглянула на Маб. Она перечитывала старые письма Филиппа, свернувшись калачиком на кровати. – Вставим пару патриотических фраз, вроде «Позволь своей дочери работать, королева ты эдакая, идет война, если ты вдруг не заметила».

– Только хуже сделаем, – покачала головой Маб. – Миссис Ф уже переключилась на Иезекииля.

Прикусив губу, Озла вернулась к майскому письму Филиппа, на котором расплылись брызги соленой морской воды. «Не успел я привыкнуть к “Рамилы”, как меня переводят на “Кент” – весьма обидно, если честно. Матросы здесь отнюдь не в восторге от присутствия особы королевской крови, пусть и третьесортной вроде меня. Видела бы ты, как они закатили глаза, когда я поднялся на борт. Ходят слухи, что скоро мы отправимся на поиски заварушки. Ты только не волнуйся, милая...» На «Кенте» ему так и не довелось побывать в сражении, но теперь его снова переводили, на корабль того же типа, и кто знает, куда они поплывут? Озла вздрогнула. По морям рыскают своры вражеских подлодок, а ведь Филипп, конечно, будет рваться в самое пекло...

– Идет, – прошептала Маб, заслышав на лестнице шаги Бетт.

Спрятав письмо Филиппа в свой экземпляр «Алисы в Зазеркалье», Озла сползла с кровати. Стоило Бетт появиться на лестничной площадке, как девушки втянули ее в свою комнату и захлопнули дверь.

– Ну как? – Озла изучила руки Бетт. Слава богу, вроде без синяков. – Не может же мать запретить тебе служить! Знаешь, когда я предложила им твою кандидатуру, я не думала, что тебя вызовут так скоро. Иногда для проверки на благонадежность требуются недели...

– Значит, это действительно ты им меня предложила. – Голос Бетт не выражал ничего.

– Ну да, – улыбнулась Озла. – Я подумала, что тебе, наверное, нужен предлог, чтобы выходить из дома, и...

– Ты подумала. – Озла никогда еще не слышала, чтобы Бетт кого-нибудь перебивала. Щеки Бетт вспыхнули. – А знаешь, что думаю я? Я думаю, что мне хотелось, чтобы меня оставили в покое. Я думаю, что хочу, чтобы мать на меня не сердилась и не заставляла держать Библию по двадцать минут. Чего я *не хочу* – это работать среди чужих и делать то, чего не понимаю.

– Мы в первые недели точно так же ничего не понимали, – заверила ее Маб. – Со временем разберешься. Мы просто пытались...

³⁴ Микей, 7:6.

– А *ты* хочешь, чтобы я «выработала характер». – Бетт безжалостно передразнила Маб. – Но, может быть, вам двоим следовало подумать, что такая, как я, «полное и безнадежное воплощение Фанни Прайс», была бы счастлива оставаться дома, там, где мне место.

Она выбежала из комнаты. Секунду спустя хлопнула дверь ее спальни. Маб и Озла ошарашенно переглянулись.

– Надо было спросить у нее разрешения, прежде чем предлагать ее кандидатуру. – Озла осела на кровать. – Не стоило лезть не в свое дело.

– Ты ведь не хотела...

– ...распоряжаться ею, как ее мать?

Маб вздохнула.

«Дорогой Филипп, – подумала Озла, – похоже, я, извини за выражение, роскошно, прямо-таки по-королевски села в лужу».

Глава 12

Сентябрь 1940 года

– Привет, можно мы тут сядем?

Еще две недели назад Бетт подскочила бы от страха. Но теперь, усталая, пришибленная, она просто кивнула двум молодым людям, которые подошли к ней в столовой, устроенной в особняке.

– А я вас знаю. – Крупный черноволосый мужчина поставил свой поднос на ее стол. – Вы были на первом заседании Безумных Шляпников.

– Что?..

– Литературного кружка. На втором заседании мы обсуждали «Алису в Зазеркалье». Джайлз принес хлеба с маргарином и все ныл, что, мол, по крайней мере, Алисе за чаепитием у Безумного Шляпника досталось настоящее масло. С тех пор мы и называем себя «Чаепитием у Безумного Шляпника» – звучит не так помпезно, как «Литературный кружок БП». Вы ведь присутствовали лишь на первой встрече, не так ли? Пойдите, не говорите... – Черноволосый прищелкнул пальцами, припоминая. – Бетт Финч! – Довольная улыбка. – У меня хорошая память на имена.

Бетт изобразила некое подобие улыбки, гоня еду по тарелке. Была половина третьего ночи, середина ночной смены. В столовой пахло бриллиантином, прогорклым жиром и гренками с жареными почками. Ночные труженики спешили занять свободные места – одни полусонные, другие бодрые и смешливые, будто в обеденный перерыв на обычной работе. Но желудок Бетт еще не привык к столовской еде. И казалось бы, спустя без малого месяц службы ей пора бы уже перестать покрываться мурашками в окружении незнакомых людей, но вот ведь...

– Мистер... Зарб? – заставила она себя выдать.

Мужчины сели напротив нее.

– Зовите меня Гарри. А это Алан, – добавил он, указывая на своего соседа. Тот методично жевал, уставившись в потолок. – Алан Тьюринг. Мы называем его Профессором, он просто жуть какой умный.

Похоже, все здесь обращались друг к другу по прозвищу или по имени. И все выглядели несколько эксцентрично – взять хотя бы мистера Тьюринга (Бетт не могла себя заставить даже мысленно назвать его Аланом или Профессором): фланелевые брюки этого молодого человека вместо ремня были подвязаны потрепанным галстуком.

– Почки сегодня просто омерзительные, – бодро продолжал Гарри Зарб. – Я бы даже собаке таких не предложил. Мой сын возразил бы на это, что нам необходимо завести собаку, тогда почки не пропадут впустую. Все разговоры в моем доме так или иначе сворачивают на просьбу подарить ему щенка.

Бетт всю жизнь мечтала о собаке, но матушка и слышать ничего не хотела. Блохи и прочее...

– Я видел вчера, как вы идете к Коттеджу, – продолжал Гарри, обращаясь к Бетт. – Отдел Нокса? Вы, должно быть, умная. Дилли умыкает в свой гарем исключительно мозговитых девушек.

У Бетт тут же на глаза навернулись слезы.

– Ну, ну... – Гарри поискал в кармане носовой платок. – Простите, мне не стоило говорить «гарем». Честное слово, никакой пошлости и в мыслях не было. Дилли – парень порядочный...

– Извините, – всхлинула Бетт и выбежала из столовой.

По ночам в Блетчли-Парке стояла темень, как на обратной стороне Луны, окна во всех корпусах занавешивали черными шторами, чтобы не выпустить наружу ни малейшего лучика. Бетт осторожно пересекла лужайку, споткнулась о брошенную кем-то после игры битую для лапты и наконец остановилась, полностью обессиленная.

Когда проводишь весь день, снова и снова демонстрируя свою глупость, это очень утомляет. Вот уже больше трех недель она работает в Коттедже – глядит на блоки зашифрованных «Энигмой» букв и пытается переставлять картонные родды так, как ей показали. Силится понять непонятное. Час за часом, день за днем. Бетт знала, что она бестолочь, но даже такая бестолочь, как она, должна бы добиться хоть чего-то после трех недель сосредоточенной работы. Где-то там, по ту сторону завесы шифра, лежало *нечто*, она это чувствовала – но добраться туда не могла. Она в тупике. «Ты окончательно заплутала, дорогуша, – как сказала бы со своим аристократическим выговором Озла. – Увязла с руками и ногами. Пропала в дебрях».

– Ты уж слишком сильно переживаешь, – сказала ей как-то Пегги Рок. – Воспринимай это как игру в слова.

– Но я ее не понимаю...

– Да на самом деле и не нужно понимать. Наша работа все равно что водить автомобиль, понятия не имея, что у него там под капотом. Просто бери и делай.

Пегги изо всех сил подбадривала Бетт, как и остальные девушки. Но перед каждой из них лежала своя гора неразобранных сообщений, никто не мог целый день стоять за плечом Бетт, направляя ее. Они сидели, уткнувшись в свои списки кривов и итальянские словари, перебирая испещренные буквами родды. То и дело одна из них провозглашала что-то непонятное – например: «У меня жучок», другая отзывалась: «А у меня морская звезда», и Бетт все глубже погружалась в отчаяние.

– Что это, что древнегреческий – ничего не понимаю! – воскликнула она в первую неделю в Коттедже, на что Дилли Нокс фыркнул:

– О, если бы это был древнегреческий!..

Пегги тоже рассмеялась и шепнула Бетт:

– Он очень известный специалист как раз в области древнегреческого.

Бетт чуть сквозь землю не провалилась.

Дилли относился к ней чрезвычайно доброжелательно, но обычно уходил с головой в собственную работу настолько, что, казалось, едва соображал, где он сам находится, где уж тут заботиться о других. Бетт была уверена, что ее еще не выгнали вназад просто потому, что все были слишком заняты и пока не успели понять, какое она ничтожество.

И после всего этого приходилось возвращаться домой и непременно сталкиваться с матерью, которая от обиды вообще перестала разговаривать с Бетт – даже в те дни, когда дочь по ее же требованию отдавала ей свое жалованье из Блетчли-Парка до последнего пенса.

– Ты не представляешь себе, что ты с ней делаешь, – упрекнул ее вчера отец, горестно качая головой.

Озла и Маб обходили Бетт стороной. Бетт стыдно было вспомнить, как она на них тогда шипела, но она ни о чем не жалела. Озле не следовало вмешиваться. Бетт Финч совершенно точно не место в БП.

«Надо положить этому конец, – подумала Бетт. – Завтра же». Три недели назад она и помыслить бы не могла, чтобы решительно подойти к внушительному, разукрашенному, будто рождественский пирог, фасаду особняка, открыть дверь и подать бумагу на увольнение, но теперь знала, что уж на это ей хватит смелости.

Сейчас в Коттедже Бетт застала всего несколько девушек – большинство работали днем, как и сам Дилли. Бетт сняла кофту и опустилась на свой стул, глядя на кучу бумаг на столе.

– Дело в том, что в устройстве «Энигмы», – растолковывала ей как-то Пегги, хотя Бетт никакой «Энигмы» в глаза не видела, – есть огромная брешь, которой мы можем воспользоваться. Вот ты нажимаешь А на клавиатуре, электрический заряд проходит через три ротора и рефлектор, который посылает заряд обратно в роторы, и в итоге на световом табло зажигается лампочка другой буквы – А превращается, например, в F. Если снова нажать А, идет уже другой заряд, все повторяется, а на выходе, скажем, появляется Y. Прямого соответствия здесь нет, А не всегда шифруется в F, буква каждый раз другая. Поэтому «Энигму» так трудно взломать. Но, к счастью, есть все-таки одно исключение. Машина никогда не позволит зашифровать А как А. Ни одна буква не может быть зашифрована той же буквой.

– И это брешь? – с недоумением спросила Бетт.

– Шириной с Ла-Манш, деточка. Посмотри на любой блок зашифрованных букв – допустим, ADIPQ. И вот ты знаешь, что А – это любая буква, кроме А, D – любая, кроме D... – Пегги остановилась и закурила сигарету. – В большинстве зашифрованных сообщений имеются общие словосочетания или отдельные слова, мы их называем крибами. Например, в случае итальянской «Энигмы» в начале большинства сообщений указан офицер, к которому обращаются, *Per Comandante*, то есть «командиру». Значит, просматриваем каждый блок букв и ищем место, где ни одна буква не соответствует буквам из P-E-R-X-C-O-M-A-N-D-A-N-T-E (X обозначает пробел), ну и вот, нашли. Я не говорю, что это легко, – добавила она. – Мы месяцами бились над итальянской «Энигмой», пытаюсь понять, та ли это машина, которую использовали в тридцатых в Испании, когда Дилли уже взламывал их шифры. Но делается это именно так, тогда можно пробиться в шифр. – Пегги заметила, с каким отчаянием на нее глядит Бетт. – Слушай, это немного похоже на игру в «Виселицу» на иностранном языке. Тебе дается словосочетание – сплошь пустые ячейки. Ты называешь букву, которая часто появляется в словах, и, если повезет, заполняешь одну-две ячейки. Потом угадываешь еще одну букву и так далее, и чем больше букв ты угадала, тем яснее начинают проступать слова. – Она улыбнулась. – Я вот что хочу сказать: не сосредоточивайся, не ломай голову, а просто позволь своему уму порезвиться.

Зашифрованное сообщение, лежавшее перед Бетт, начиналось с WIQKO QORVG JEXLO, а дальше шли другие блоки по пять букв. Она взглянула на часы. Три часа ночи.

Совершенно ни на что не надеясь, она настроила «PERXCOMANDANTE» для правого ротора машины и начала пробовать разные варианты. Пегги называла это роддингом из-за узких картонных полосок-роддов с буквами, напечатанными на них в том порядке, в котором они появлялись в электрической схеме каждого ротора «Энигмы». Пегги показала Бетт, как передвигать родды под зашифрованным текстом в поисках положения, в котором начинают проявляться те самые ключевые общие словосочетания. «Не словосочетания, а крибы, – напомнила себе Бетт. – Здесь у всего свои особые названия». На первый взгляд вроде просто – знай себе ищи места в тексте, где буквы не совпадают, но требовалось сделать семьдесят восемь попыток, чтобы проверить все двадцать шесть положений каждого из трех роторов машины...

К тому времени, когда она нашла нечто подходящее, у нее уже болели глаза. Первые три буквы подошли к родду, P-E-R... но четвертой буквой оказалась не X, а S. Она уже была готова отбросить этот вариант и искать дальше, но остановилась.

«А может, есть другой криб, который начинается с PERS? – Бетт поколебалась, но взяла итальянский словарь Дилли и долистала до буквы P. – *Persona... personale...*»

– Джин, – спросила она у ближайшей соседки, – а *personale* может быть крибом?

Впервые за три недели работы в Коттедже Бетт к кому-то обращалась.

– Возможно, – рассеянно ответила Джин.

Бетт развернулась на стуле, перекинула косу через плечо.

– *Personale*, – пробормотала она.

То есть «лично». Что ж, наверняка кому-то на итальянском военно-морском флоте время от времени требовалось пометить сообщения как «лично такому-то». В таком случае следовало проверить еще пять букв. P-E-R-S у нее уже есть, попробуем теперь O-N-A-L-E.

Щелк! Она много раз слышала, как другие девушки перекидываются этим словом, а теперь наконец поняла почему: каждое попадание будто щелчком отзывалось в лежавших перед ней роддах. Щелчки были прямые, когда обе буквы криба появлялись рядом на том же родде, Дилли почему-то называл их «жучками». Также были щелчки наискосок, когда одна буква криба проявилась на одном родде, а другая – на втором, Дилли окрестил их «морскими звездами». Бетт даже дышать перестала, когда поняла, что именно «морская звезда» и лежит сейчас перед ней. Раньше ей не удавалось их разглядеть, она не понимала смысла, но внезапно «морская звезда» всплыла перед ней из цепочек букв.

Что ж, если сообщение начинается с «лично», имело смысл предположить, что дальше будет имя, звание, титул... Она вытянула две буквы, N-O. Бросив родды, Бетт снова начала рыться в крибах. Может, *Signor*? Она кропотливо вытянула из путаницы S-I-G-, дальше R, дальше что-то непонятное – видимо, имя этого самого синьора. Но она уже добыла достаточно. Теперь можно нацелиться на отсутствующие сочетания роддов... Коса снова перекинулась через плечо и мешала, Бетт закрутила ее в узел на затылке и закрепила карандашом. Еще один «щелк»...

– Бетт, – сказала одна из ее соседок, – ступай домой, твоя смена закончилась.

Бетт ничего не слышала. Носом она почти касалась бумаги, буквы маршировали ровной шеренгой поверх роддов, но где-то в уме она видела их другими – виток за витком, внахлест, как лепестки розы; спираль раскручивалась, и бессмыслица плавно перетекала в порядок. Теперь она работала быстро: левой рукой передвигала родды, локтем прижимала открытый итальянский словарь. Час она потеряла на нерабочий криб, потом попробовала другой, и дело пошло лучше, щелчки раздавались один за другим...

Вошел Дилли Нокс – было утро, но он уже выглядел изможденным.

– Кто-нибудь видел мой табак?

Новая смена девушек пустилась в привычные поиски его жестянки с табаком.

– А вы почему еще здесь, мисс... напомните, как вас зовут? Мне казалось, вы в ночной смене.

Бетт просто молча протянула ему расшифрованное сообщение и стала ждать. Сердце бешено колотилось. Еще никогда в жизни она не чувствовала такой легкости во всем теле и в то же время ей казалось, будто она далеко-далеко от всего, в другом времени. Она трудилась без отдыха шесть часов подряд. Бумага заполнилась каракулями, местами текст по-прежнему оставался галиматьей, но ей все же удалось разбить зашифрованное сообщение на строчки на итальянском.

От улыбки шефа ее сердце подпрыгнуло.

– Ну, молодец! – торжествующе воскликнул он. – Умница! Эээ... Бесс?

– Бетт, – поправила она, чувствуя, как на лице расцветает улыбка. – А что... что там написано?

Он передал бумагу одной из знавших итальянских девушек.

– Скорее всего, обычный прогноз погоды или что-то в этом роде, – предположил он.

– А-а. – Бетт почувствовала, как ее робкая радость начинает меркнуть.

– Не имеет никакого значения, что именно там написано, моя милая. Важно, что ты смогла взломать это сообщение. С тех пор как итальянцы присоединились к войне, взлом их «Энигмы» стоит нам огромного труда. Пожалуй, этот прорыв – наша первая большая удача не помню с каких пор.

– Правда? – Бетт обвела взглядом остальных: не подумают ли они, что она задается? Но все улыбались, а Пегги даже хлопала в ладоши. – У меня просто случайно получилось...

– Неважно как. Именно так оно и бывает... Теперь, когда у нас есть это, остальное пойдет быстрее. Во всяком случае, пока итальяшки что-нибудь не поменяют. – Он изучил ее лицо. – А тебе требуется завтрак, причем приличный. Пошли со мной.

Дилли вылетел на своем «остине» из ворот Блетчли-Парка, будто за ним гнались все четыре всадника Апокалипсиса, и погнал по Уотлинг-стрит, не обращая внимания ни на противотанковые заграждения, ни на другие автомобили. Прежде Бетт была бы уверена, что вот-вот встретит смерть на обочине дороги, но сейчас она не цеплялась, жалобно скуля, за ручку двери, а застыла на пассажирском сиденье как изваяние. Она еще не совсем вернулась из другого мира, дальнего, наэлектризованного, за полуприкрытыми веками все еще медленно крутились витки букв.

Похоже, Дилли и не ожидал от нее разговоров. Лишь время от времени касаясь руками руля, он промчался по Клаппинс-лейн, оттуда съехал на длинную лесную дорогу и наконец затормозил перед изящным особняком с остроконечными крышами.

– Коурнс-Вуд, – объявил он, выпрыгивая из автомобиля. – Я зову его домом, хотя с начала войны нечасто здесь появляюсь. Олив! – позвал он, проходя в темный вестибюль, обшитый деревянными панелями. Пухленькая седеющая женщина вышла на его голос, отряхивая руки от муки. – Моя жена, – пояснил Дилли, хотя в этом не было необходимости. – Олив, познакомься, это Бетт – начинающий криптоаналитик, и ей необходимо питание.

– Здравствуйте, моя милая. – Миссис Нокс безмятежно приветствовала Бетт, как будто появление мужа в сопровождении растрепанной девушки, да еще и едва живой после ночной смены, было совершенно в порядке вещей. Вероятно, когда ты замужем за Дилли Ноксом, волей-неволей привыкаешь постоянно жить в Стране чудес. – Как вам кажется, с омлетом справитесь? – спросила она и тут же сама ответила на свой вопрос, понимая, что у Бетт не хватает на это сил: – Хорошо, я принесу два. Ступайте в библиотеку, мои милые...

Каким-то образом Бетт оказалась в неприбранном кабинете – вдоль стен тянутся книжные полки, в камине пылают поленья. В руках у нее откуда-то взялся стакан джина с тоником.

– Выпей, – велел Дилли, смешивая то же самое для себя и устраиваясь в кожаном кресле напротив. – Нет ничего лучше крепкого джина после тяжелой ночи над родами и крибами.

Бетт даже не стала размышлять, что сказала бы на это мать. Она просто поднесла стакан ко рту и проглотила половину содержимого. Джин шипел на языке. У него был вкус солнца и лимонов.

– Твое здоровье. – Глаза ее шефа искрились, он поднял стакан и сказал: – Моя дорогая, я не сомневаюсь, что ты окажешься очень к месту в нашем Коттедже.

– Я думала, меня вот-вот уволят, – призналась Бетт.

– Глупости, – фыркнул он. – А чем ты занималась до БП?

«Ничем».

– Я была просто... дочерью, которая осталась с родителями.

– Университет? (Бетт покачала головой.) Жаль. А какие планы на будущее?

– Планы?

– Послевоенные, разумеется!

Вдоль Уотлинг-стрит громоздились противотанковые ловушки, а все газеты кричали о том, что «мессершмитты» уже суют нос в Британию.

– А разве немцы оставят нам что-то «послевоенное»? – неожиданно для себя произнесла она.

Никто не говорил такое вслух, даже если думал, но Дилли не стал корить ее за уныние.

– Всегда есть «после», но вот каким оно будет, зависит... Допивай свой джин, сразу почувствуешь себя куда лучше.

Бетт снова поднесла было к губам стакан, но застыла. К ней вернулась привычная осмотрительность, и она словно увидела эту сцену со стороны: двадцатичетырехлетняя девушка пьет джин в десять часов утра наедине с мужчиной за пятьдесят в его личной библиотеке. Что могут подумать люди!

Похоже, он угадал мысли, промелькнувшие у нее в голове.

– Знаешь, почему я беру в свою команду исключительно девушек? – Полускрытые очками глаза утратили мечтательное выражение. – Не потому что мне нравится окружение хороших лиц – хотя, конечно, вы куда приятнее на вид, чем здешние парни-зубрилы, с их кривыми зубами и перхотью. Нет, я вербую исключительно девушек, потому что, по моему опыту, они куда лучше справляются с работой такого рода.

Бетт моргнула. Никогда ей еще не говорили, что какая-то работа дается барышням лучше, чем мужчинам, если только речь не шла о готовке или шитье.

– Все эти молодые математики и шахматисты из других корпусов... – продолжал Дилли, – да, они занимаются делом, похожим на наше, там тоже роддинг и крибы. Но мужчины приносят туда еще и свое эго. Они соревнуются, рисуются и начинают поучать меня, как улучшить мои методы, даже не попытавшись сначала их применить. На это у нас времени нет, идет война. А я занимаюсь этой работой еще с предыдущей войны – да что там, я ведь участвовал во взломе телеграммы Циммермана³⁵.

– А что это такое?

– Неважно. Я вот что хочу сказать: мне ни к чему стайка петушков, которые распушают перья и соперничают друг с другом. Женщины, – он направил на Бетт указательный палец, – куда более гибкие, меньше стремятся соревноваться и готовы просто заниматься делом. Они внимательнее к мелочам – вероятно, потому, что всю жизнь считают петли на вязании да отмеряют продукты на кухне. Они *слушают*. Именно по этой причине, моя дорогая, я предпочитаю кобылок жеребчикам, а вовсе не потому, что собираю для себя гарем. А теперь допивай свой джин.

Бетт допила. Миссис Нокс принесла завтрак и ушла, все так же безмятежно улыбаясь. Внезапно Бетт накрыло такой волной голода, что, казалось, еще немного – и ее расплющит.

– Не знаю, получится ли у меня снова, – призналась она неожиданно для себя, удерживая на коленях тарелку. Еще никогда в жизни еда не казалась ей такой вкусной.

– Получится, получится. Чем больше делаешь, тем лучше выходит. Я уже не счесть сколько школьников превратил в первоклассных роддеров.

– Меня не то чтобы очень сильно обучали, когда я к вам пришла.

Дилли прожевал кусочек омлета.

– Это потому, что я хочу, чтобы все вы подходили к делу со свежестью и выдумкой, а учеба выбила бы из вас инстинкты и порывы. Воображение – вот как называется эта игра.

– Это не игра. – Бетт никогда не перечила старшим, но в этой уютной библиотеке окнами на заросший сад, похоже, не действовали обычные правила. – Это война.

– Пусть даже и так, но все равно это игра. Самая важная. Ты ведь еще не видела «Энигму»? Совершенно чудовищные агрегаты. В тех, что используются на военно-морском флоте и в военной авиации, имеется по пять роторов, то есть шестьдесят возможных последовательностей в зависимости от выбранных в тот день трех. Каждый ротор может занимать двадцать шесть возможных положений, а на коммутационной панели «Энигмы» двадцать шесть штекеров. Всего получается *сто пятьдесят миллионов миллионов миллионов* начальных положений... А фрицы еще и меняют настройки каждые двадцать четыре часа, так что в полночь

---

³⁵ Телеграмма Циммермана – телеграмма, посланная министром иностранных дел Германии германскому послу в США 17 января 1917 г. Расшифрованная британской разведкой телеграмма была передана американским властям и использована президентом США Томасом Вудро Вильсоном для обоснования объявления войны Германии.

приходится начинать все заново. Вот кто наш противник. Итальянская «Энигма» не такой монстр, у нее нет коммутационной панели, но это тоже не сахар. – Дилли с невеселой улыбкой поднял бокал. – Вероятных сочетаний столько, что впору рыдать, и именно поэтому нужно воспринимать нашу работу как игру. Поступать иначе – чистое безумие.

Бетт все еще пыталась сообразить, сколько нулей в этих ста пятидесяти миллионах миллионов миллионов, но не получалось. Где-то за ее веками последовательность нулей закручивалась винтом, и они блоками по пять – 00000 00000 00000 – уходили все дальше и дальше, глубже и глубже – в самую сердцевину розы.

– Но если вероятных сочетаний так много, у нас ничего не получится, – заметила она.

– Но получается ведь. Польские криптоаналитики читают зашифрованные немецкой «Энигмой» сообщения еще с начала тридцатых годов. Немцы меняли систему, но поляки каждый раз ее взламывали, и так до тридцать восьмого года. Им мы обязаны всем, а теперь продолжаем их дело. – Еще один безмолвный тост, на этот раз за поляков. – Медленно, шагком за шагком, но у нас все-таки получается.

– А немцы ни о чем не догадываются?

– Не имеют ни малейшего понятия. На высшем уровне наши действуют чрезвычайно осторожно, когда речь заходит об использовании расшифрованной нами информации. Насколько я понимаю, в БП есть кабинеты, где сидят парни из разведки, которые только и делают, что выдумывают правдоподобные истории о том, как были добыты эти сведения, самые разные объяснения, но только не взлом «Энигмы». Но нас, – махнул рукой Дилли, – это не касается. Однако, судя по всему, они вполне справляются со своей задачей, ведь фрицам, похоже, и в голову не приходит, что мы читаем их переписку. Типичное проявление немецкой спеси – они ведь создали идеальную машину, систему, которую невозможно взломать, кому это по силам? Уж точно не каким-то ничтожным англичанам и англичанкам где-то в провинции, у которых только и есть, что огрызки карандашей и капелька нелинейного мышления.

– А что такое нелинейное мышление?

– Это когда смотришь на вещи под другим углом. Сбоку, перевернув с ног на голову, вывернув наизнанку. – Дилли отставил пустую тарелку. – Допустим, я у тебя спрошу: в каком направлении вращаются стрелки часов?

– Ну... – Бетт помяла в руках салфетку. – По часовой?

– А если ты внутри часов, тогда наоборот. Понимаешь? – Он улыбнулся.

– Да, – сказала Бетт Финч.

Назавтра, когда она заступила на смену, уже никто не улыбался. Озабоченный Дилли показал Бетт новые списки кривов:

– Сегодня никакой итальянской «Энигмы». Ребятам из Шестого корпуса требуется помощь вот с этими; их все больше, а дело срочное. Немецкая «Энигма», в основном «красные» депеши...

Бетт машинально закрутила косу в узел на затылке и опять закрепила карандашом, чтобы не мешала. Она ожидала, что ее снова захлестнет волнение, как это случалось каждый день, неделя за неделей. Чудовищный страх, что у нее не получится, что она глупая, непутевая и все только теряют с ней время.

И правда – пришли и страх, и беспокойство, и неуверенность, но куда меньше, чем прежде. Больше всего Бетт желала одного: «Господи, пожалуйста, пусть у меня снова получится».

Глава 13

Сентябрь 1940 года

Ваши туфли, мисс Чурт, слишком пострадали, чтобы их можно было починить. Надеюсь, Вы позволите мне заменить их и примете мои извинения за то, что я испортил их предшественников.

Ф. Грей

Прочитав записку на ходу, уже почти дойдя до поселка Блетчли, Маб хмыкнула от неожиданности и замедлила шаг. В ее сегодняшней почте обнаружилась бандероль – корреспонденция всех работников Парка направлялась в абонентский ящик в Лондоне, а уже оттуда шла в БП, где ее разбирали и распределяли по отдельным ячейкам для каждого корпуса. После смены можно было получить письма и посылки. Сначала Маб распечатала конверт от Люси (очередная лошадь, нарисованная восковыми мелками, на этот раз с лиловой гривой), затем занялась бандеролью и вложенной в нее запиской. При виде содержимого пакета у нее перехватило дыхание. Там оказалась не какая-то унылая замена ее покойным практичным лодочкам, а лакированные туфли с открытой пяткой, на французских каблучках – не чересчур нарядные для повседневного ношения и при этом совершенно великолепные.

– Извинения приняты, мистер Грей. – Маб ухмыльнулась туфлям: – Жаль, что вчера вечером у меня еще не было вас, мои красавицы.

Вчера она ужинала с Эндрю Кемптоном из Третьего корпуса – милый парень, немного зануда. Похоже, он уже начинал влюбляться в Маб.

По мнению Маб, из него получился бы очень даже приличный муж – из тех, что спят в накрахмаленной пижаме и рассказывают за воскресным обедом одни и те же анекдоты. После свидания она позволила ему поцелуй на прощанье. Если события будут развиваться удовлетворительно, то, возможно, однажды она разрешит ему расстегнуть верхнюю пуговку на ее блузке... Но не более того, пока не выяснится, что у него серьезные намерения. Девушка должна быть осмотрительна, нельзя заходить слишком далеко – подобное позволительно только мужчинам, ведь им нечего терять.

Входя в дом, Маб напевала «Лишь навсегда» Бинга Кросби. В гостиной работало радио, все собрались вокруг него, а мистер Финч крутил ручку настройки. Комнату заполнил голос Тома Чалмерса с Би-би-си: «...вокруг меня расстилается практически весь Лондон. И, если бы происходящее не было настолько ужасающим...»

Озла стояла, обхватив себя руками, глаза ее расширились от страха; Бетт прислонилась к матери, а та сжала ее пальцы, не оттолкнула, как делала в последнее время, наказывая дочь за то, что она поступила на работу. Маб сделала еще шаг, не отрывая взгляда от радиоприемника.

«С южной стороны горизонт освещен красноватым сиянием, это немного напоминает рассвет или закат...»

Лишенным всякого выражения голосом Озла пояснила для Маб:

– Немцы бомбят Лондон.

Радиоприемник доносил бульдожий голос премьер-министра: «Нельзя обманывать себя и не замечать подготовку врага к мощному, полноценному наступлению на наш остров. Немцы планируют вторжение со свойственной им тщательностью и педантичностью...»

Каким спокойным кажется Черчилль, подумала Маб, и как ему это только удастся? Железный молот люфтваффе перестал наносить удары по военным аэродромам, теперь он

должен бы превратить в порошок Лондон. Застыв от ужаса, Маб слушала радио – о том, как пылают пожары и рушатся здания, как накатывают волны немецких бомбардировщиков, гудят в небе, сбрасывая зажигательные бомбы на доки Ист-Энда, от Лондонского моста до Вулвича. Там не было никаких зданий военного значения, ничего похожего.

Одни лишь лондонцы.

«Чудовища, – думала Маб. – Какие же они чудовища».

Голос Черчилля продолжал греметь: «Поэтому именно сейчас каждый мужчина и каждая женщина должны быть готовы исполнить свой гражданский долг...»

«Долг?» – подумала Маб. После одной только утренней бомбардировки в тот первый день сообщили о более чем четырех сотнях погибших. Когда ей наконец удалось дозвониться домой и в трубке зазвенел веселый голосок Люси, у Маб подкосились колени.

– Такой стоял грохот! Мы с Ма побежали в подzemелье...

– Правда? – Маб сползла на пол коридора, прислонилась к стене. «Ох, Люси, почему я не взяла тебя с собой? Почему не заставила Ма уехать?»

И вот прошло несколько дней, а Черчилль нудит: «Пришло время, когда мы должны встать плечом к плечу и твердо держаться...»

«К черту это все», – подумала Маб.

Не успела Маб на следующий день обратиться к начальнику Шестого корпуса, как тот отрезал:

– Нет, я не отпущу вас в увольнение, чтобы вы могли съездить в Лондон и проверить, уцелел ли ваш ухажер.

– Речь не об ухажере, а о моих матери и сестре, и мне не нужен целый день, достаточно половины...

– Думаете, все остальные не о том же просят? Возвращайтесь к работе, мисс.

Подходя к особняку, Маб увидела Гарри Зарба.

– Если надеешься, что старший офицер штаба отменит решение начальника корпуса и отпустит тебя в увольнение, то зря, – сказал он ей вместо приветствия.

– Ты уже и мысли читаешь? – огрызнулась Маб.

– Просто догадался. – Гарри стоял неподалеку от входа в особняк и задумчиво созерцал лужайку. В пальцах дымилась сигарета. – Я здесь торчу уже давно, выкурил почти всю пачку и заметил, что люди входят туда один за другим с написанной на лице надеждой, а выходят, грязно ругаясь.

Маб постаралась унять гнев. В конце концов, ей ведь нравился Гарри, саркастичный, веселый постоянный участник «Чаепитий у Безумного Шляпника».

– Можно мне одну? – кивнула она на сигареты.

Гарри протянул ей пачку. Маб вспомнила, как в шестнадцать лет ходила в кино, чтобы научиться курить на манер американских актрис, – надо невзначай задержать пальцы на руке мужчины, когда он зажигает для тебя спичку. Еще один пункт в ее списке самосовершенствования, рядом с чтением для образованной леди и работой над гласными. Сейчас это казалось смешным. Маб не коснулась руки Гарри, когда тот поднес ей зажженную спичку, просто стала жадно глотать дым, как это делают мужчины, выходя со смены, где вкалывали на нужды фронта.

– Тебе повезло, – неожиданно произнес Гарри.

Она ощутила новый прилив ярости.

– У меня сестренка и мать в Ист-Энде – том самом, который теперь уютят «хейнкели». Ты ведь говорил, что у тебя есть жена, – а она в Лондоне? У тебя остались под бомбами какие-нибудь родственники?

– Нет, когда я прибыл в БП, семью расквартировали неподалеку. Шейла живет с Кристофером в Стоуни-Стратфорде. – Он пояснил со сдержанной гордостью: – Это наш сынишка.

– Твои за городом, я рада за тебя. А моя семья в опасности. Так что нет, не думаю, что мне повезло.

Повисла напряженная пауза.

– Я пытался выяснить, не отпустят ли меня отсюда в армию, – снова заговорил Гарри. – Деннистон меня отмел, а Джайлз объяснил, в чем дело. Никого из мужчин, работающих в БП, никогда не отпустят на фронт. Ни одного, как бы страна ни нуждалась в солдатах. Вдруг попадем в плен? А мы ведь знаем обо всем этом... – Он обвел рукой и озеро с утками, такое мирное, и битком набитые секретными уродливыми корпусами. – Так что придется остаться здесь до самого конца. – Гарри взглянул на нее: – А знаешь, какие мысли приходят людям в голову, когда они видят, что я, молодой, здоровый, и не в форме? По крайней мере, о тебе никто не думает плохо из-за того, что ты тут работаешь.

Маб уже привыкла к тому, что Гарри такой великан, и все же снова внимательно на него поглядела. Действительно, нетрудно вообразить возмущение непосвященных: длинноногий, широкогрудый, закрывавший собой дверной проем Гарри Зарб был просто создан для военной формы.

– Но ведь наша работа не менее важна. – Она постаралась, чтобы ее слова прозвучали мягко. – Да и твоему малышу Кристоферу наверняка приятнее, что его папа дома, а не на фронте.

– Так ему и скажу, когда очередная бабуля плюнет в меня в парке. Мы туда ходим глядеть на самолеты. – Гарри бросил окурочек и попытался улыбнуться. – Что-то я расхныкался. Пора возвращаться в корпус. Увидимся на следующем Безумном Чаепитии, Маб. Будем держаться, а?

– Будем, – подтвердила Маб. Она докурила в сгущавшихся сумерках и погладила в кармане последний рисунок Люси – лошадь с лиловой гривой. «Твердо держаться». Снова этот Черчилль, чтоб его.

Она продержалась почти целую неделю.

Время близилось к десяти вечера. Озла стояла перед зеркалом, расчесывая волосы, а лежавшая на кровати Маб листала одолженную у Озлы «Алису в Зазеркалье».

«Безумные Шляпники» уже перешли к «Собаке Баскервилей», но Маб так еще и не дочитала Кэрролла.

– Ненавижу эту книжку! – вырвалось у нее с неожиданной злобой. – Всё наизнанку, как в страшном сне, – ну кто так пишет? И без того весь мир теперь такой, чтоб ему... – Голос сорвался.

Вчера она страшно поссорилась с матерью по телефону. Сначала она умоляла, потом стала кричать на мать, приказывая ей немедленно найти ближайший эшелон с эвакуированными, уехать с Люси куда угодно, но подальше от Лондона. Однако миссис Чурт и слышать ничего не хотела. Она заявила, что фрицы не заставят их уйти из собственного дома – ни ее, ни Люси. Ну да, такое отношение, конечно, демонстрирует стойкость духа и тому подобное, но Люси всего лишь ребенок. По слухам, больше сотни лондонских детей погибли во время той страшной первой бомбардировки.

Маб запустила «Алисой в Зазеркалье» через всю комнату. Книга шлепнулась на пол в коридоре.

– Катись к черту, мистер Кэрролл! Вместе с твоим Бармаглотом!..

Маб не плакала с той страшной ночи, когда ей было семнадцать, с той ночи, которую она тщательно погребла на самом дне своей памяти, но сейчас она свернулась калачиком на покрывале, сотрясаясь от рыданий.

Озла опустилась рядом, обняла за плечи. Сквозь застилавшие глаза слезы Маб увидела, что в открытых дверях неуверенно маячит Бетт в уродливой фланелевой ночной сорочке.

– Ваша книга, – произнесла Бетт, протягивая им «Алису». Похоже, она не знала, что лучше – уйти или тоже обнять Маб. Постояв так, прикрыла дверь и подошла к кровати Маб.

Маб продолжала всхлипывать, не в силах остановиться. Клубок напряжения и страха, который она носила в себе со дня объявления войны, наконец распустился в приступе рыданий. Она подняла голову, по щекам лились слезы. Озла крепче обняла ее за плечи. Бетт переминалась с ноги на ногу.

– Сколько еще осталось? – Маб сказала это прямо, не стесняясь, что слова звучат пораженчески. – Сколько еще осталось, прежде чем «пантеры» покатают по Пиккадилли?

Ведь даже если бомбы минуют ее мать и Люси в Шордиче, вторжение, которое ожидали со дня на день, их не обойдет.

– Этого может и не случиться, – без особой надежды сказала Озла. – Вторжение не сможет состояться, если приливы не...

– Вторжение было отложено.

Слова Бетт прозвучали как выстрел. Маб и Озла уставились на нее – покрасневшую до корней волос, некрасивую, в застегнутой по самое горла ночной сорочке.

– Бетт... – В голове у Маб промелькнули наставления, о чем можно спрашивать и о чем нельзя; они уже явно перешли границы дозволенного. Но удержаться было свыше ее сил. – Откуда ты знаешь?.. – Она не могла заставить себя закончить фразу, сердце бешено колотилось. В комнате стояла такая тишина, что, казалось, был слышен стук сердца всех троих.

Внезапно погас свет. Это миссис Финч опустила рубильник на нижнем этаже: в ее доме никому не позволялось нарушать установленный ею комендантский час. От неожиданности Маб чуть не подпрыгнула. В следующую секунду холодная ладошка Бетт нащупала ее запястье. Озлу она, видимо, тоже взяла за руку, потому что в кромешной тьме притянула к себе обеих девушек – так близко, что они касались лбами.

– Вторжение было отложено, – повторила Бетт едва различимым шепотом. – По крайней мере, мне так показалось. Часть нашего отдела направили помогать Шестому корпусу, там завал с немецкими авиационными сообщениями. Так вот, за соседним со мной столом расшифровали донесение о том, что на голландских аэродромах разбирают пневматические подъемники. Там было что-то еще, я не помню, но судя по тому, как отреагировал начальник корпуса...

– Если погрузочные установки разбирают, значит, вторжение отложено. – Слова полились из Озлы, словно признание Бетт прорвало плотину. – Возможно, это объясняет приказы, которые я видела в отделе немецкого флота, их рассылали по военно-морским каналам связи...

– Да, но в мой отдел все еще прибывают сообщения о скоплении войск, – сказала Маб. Ее плотина тоже обрушилась. – Получается, это лишь отсрочка, а не отмена...

– Но отсрочка как минимум до следующей весны, – закончила Озла. – Никто не рискнет идти на баржах по зимнему морю.

Все трое осмыслили сказанное, все еще соприкасаясь лбами в темноте.

– Кто еще об этом знает? – прошептала наконец Маб.

– Несколько начальников корпусов. И мистер Черчилль, должно быть, – только ему нельзя об этом объявлять; думаю, он не станет полностью сбрасывать со счетов возможность, что вторжение все-таки состоится в этом году, пока не будет совершенно уверен. Но и он, и те, кто на самом верху, – они в курсе. – Озла сглотнула. – Ну и мы.

«Вот потому нам и запрещают обсуждать такое, – подумала Маб, вспоминая строгий наказ Деннистона. – Каждая из нас видит лишь фрагмент головоломки, но стоит начать разговаривать и складывать их вместе...»

– Вам нельзя никому говорить, – поспешно зашептала Бетт. – Не говорите никому, что до весны мы все в безопасности, как бы страшно вам ни было. Я должна была молчать. Я... – Она прерывисто задышала. – Деннистон может нас уволить, бросить в тюрьму...

– Он ничего не узнает. Да и не верю я, что мы первые, кому пришлось в голову сопоставить все, что нам известно, чем бы они там ни грозили, – успокоила ее Маб.

– Знаете, сколько девушек просят меня посмотреть, как дела у судна, на котором служит их брат или парень, потому что я в отделе немецкого ВМФ? – тихо сказала Озла. – Конечно, нельзя, но все равно ведь спрашивают.

Вторжение было отложено. Это не значило, что бомбежки прекратятся, не значило, что весной все устроится лучшим образом... но они так давно не слышали хороших вестей, что сейчас казалось, будто с их плеч упал тяжеленный груз – куда тяжелее, чем на самом деле. Да, бомбить продолжают по-прежнему. Да, в следующем году немцы могут пересечь Ла-Манш. Но кто знает, что их вообще ожидает в следующем году? Когда идет война, думать получается лишь о сегодняшнем дне и текущей неделе. На этой неделе немецкие баржи не причалят в Дувре, и Маб подумала, что теперь, зная это, она может вернуться к работе и держаться.

– Клянусь прямо сейчас, – негромко произнесла Маб. – Я не пророню ни слова моей маме или кому-либо еще за стенами этой комнаты. Ни у одной из нас не будет проблем с Деннистоном из-за меня.

– Все равно мне не следовало говорить. – Судя по голосу, Бетт сгорала от стыда.

Неожиданно для себя самой Маб крепко обняла Бетт.

– Спасибо, – пробормотала она. – Я знаю, второй раз ты этого не сделаешь, но все равно – спасибо.

Если девушка нарушила правила государственной безопасности, чтобы заверить тебя, что твоей семье не грозит со дня на день оказаться в захваченном врагом городе, она совершенно точно зарекомендовала себя как настоящий друг.

До королевской свадьбы одиннадцать дней. 9 ноября 1947 года

Глава 14

Лондон

«Замуж надо выходить по дружбе, а не по любви, – не раз говорила мать Озлы. – Друг выслушает тебя куда внимательнее, чем любовник!»

А если ты помолвлена с другом и он тебя совсем не слушает, что это значит?

– Милый, – произнесла Озла по возможности ровным голосом, – я ведь много раз просила не называть меня «котиком». Я вежливо тебе объяснила, что мне это не нравится, твердо сказала, что я это презираю, а теперь говорю, что ненавижу это слово каждой клеточкой души.

Даже больше, чем когда ее обзывают безмозглой дебютанткой.

– Ну-ну, спрячь коготки, котик! – Он похихикал в трубку – судя по всему, еще валялся в постели. – Ты так рано звонишь... В чем дело?

Озла медленно выдохнула.

– Мне надо уехать на пару дней. Подруга вляпалась в неприятности.

– А я думал, ты придешь сегодня вечером. – Он понизил голос: – И останешься на ночь.

«Не сомневаюсь, что ты найдешь кого затащить в постель, пока меня не будет», – подумала Озла. Она точно знала, что и после их помолвки он вовсе не отказался от других женщин. Впрочем, ей было все равно. Они женились не по большой любви, а по соглашению. Даже собственно предложение руки и сердца в его исполнении прозвучало следующим образом: «Попробуем, Оз? Ну ее, эту любовь, она бывает только в дешевых романах, а вот брак – это для друзей вроде нас с тобой».

«Почему я согласилась? – размышляла она иногда, глядя на зеленый изумруд у себя на пальце. И тут же отвечала: – Сама прекрасно знаешь почему». Потому что стоял июль, все вокруг просто опьянели от недавно объявленной помолвки принцессы Елизаветы и Филиппа, а та, которая в годы войны была девушкой Филиппа, внезапно оказалась объектом общей жалости.

И больше не имело значения, что Озла пишет статьи для «Татлера», любит свою работу и каждый субботний вечер развлекается в «Савое» с очередным поклонником. После королевской помолвки имело значение лишь одно: она – жалкая бывшая дебютантка, которую бросил будущий муж принцессы, и она до сих пор не замужем. Озле хватило недели сочувственных взглядов и копавшихся в грязном белье журналистов, чтобы сломаться. Она явилась на вечеринку в платье черного атласа с декольте до пупа, готовая ответить «да» первому более-менее подходящему мужчине, который начнет за ней ухаживать. А старый друг подсел к ней и сказал: «Попробуем, Оз?»

Ну и все будет отлично, правда. Они не станут жить, как те нудные старомодные супруги, которые вечно путаются друг у друга под ногами. Да, они не влюблены друг в друга, – а кому это нужно? На дворе 1947 год, дорогуша, а не 1900-й. Лучше уж выйти за друга, пусть он и называет ее «котик», чем сидеть и ждать какой-то великой любви. За друга, присутствие которого на королевском венчании продемонстрирует, что Озла Кендалл – счастливая невеста, а не кислая старая дева.

– Мне очень жаль портить твои планы, дорогой. Но я вернусь, прежде чем ты успеешь соскучиться!

Положив трубку, Озла схватила чемоданчик и сбежала вниз по ступенькам. Почти тут же у двери притормозило такси, и вскоре Найтсбридж остался позади. На смену мыслям о глазах жениха пришло воспоминание о серьезных голубых глазах одной женщины – женщины, которую три с половиной года назад поглотил Клокуэлл. Когда Озла смотрела в эти глаза в последний раз, они были широко раскрыты и испещрены красными прожилками. Женщина одновременно рыдала и хохотала, сидя на полу и ритмично раскачиваясь взад-вперед. Она выглядела совершенно слетевшей с катушек – будто ей и правда место в клинике для душевнобольных.

Зашифрованное письмо, «Вы передо мной в долгу», лежало в кармане. «Может, и в долгу, – подумала Озла. – Но это вовсе не значит, что я тебе верю».

Не значит, что она верит второй половине нацарапанного в отчаянии послания, особенно первой строчке, которую она в ошеломлении перечитывала снова и снова. Но Озла помнила те голубые глаза, до боли серьезные. Глаза, которые никогда не лгали.

«Что с тобой произошло? – в тысячный раз подумала Озла. – *Что с тобой произошло, Бетт Финч?*»

Внутри часов

– В сад, мисс Лидделл! Мы же хотим погулять, не так ли?

Бетт снова поймала себя на том, что раскачивается взад-вперед на своей скамье, размышляя, что же теперь происходит во внешнем мире. В БП она была осведомлена лучше всех в стране – за исключением разве что правительства. А когда живешь в обитом войлоком незнании... Усилием воли Бетт остановилась и выпрямилась. Только сумасшедшие раскачиваются взад-вперед. А она не сумасшедшая.

Пока еще.

– Мисс Лидделл... – Медсестра рывком подняла Бетт на ноги, словно мешок. Доктора уже удалились, и мед из ее голоса исчез: – Марш на улицу, ленивая стерва!

Вот это Бетт ненавидела здесь больше всего: кто угодно мог ее трогать когда только захочет. Она никогда не любила прикосновений, которых не позволила сама, а тут день за днем ее преследовали чьи-то руки: они оказывались на локтях, чтобы куда-то ее вести, на челюстях, чтобы насильно раскрыть ей рот, и все они трогали ее, трогали, *трогали*. Ее тело больше ей не принадлежало. Но она вышла в сад, так как знала, что иначе ее туда потащат волоком.

– От этой Лидделл у меня мороз по коже, – пробормотала час спустя та же медсестра, деля одну сигарету на двоих с товаркой в розовом саду. – Взгляд вроде пустой, но такое чувство, что она обдумывает, как бы искромсать меня на кусочки.

«Так и есть», – подумала услышавшая ее слова Бетт, гуляя среди роз с отрешенным выражением лица.

– Какая разница, о чем они думают, покуда ведут себя тихо? – пожала плечами вторая. – По крайней мере, к нам не везут буйных, как в Броудвелл или Рэмптон. Здесь они смирные.

– Что есть, то есть. Смирные. – Первая медсестра протянула руку с горящей сигаретой к женщине с лишенным всякого выражения взглядом, которую вывезли в сад в инвалидной коляске, и страхнула ей на запястье сигаретный пепел. Та не отреагировала, и медсестры захихикали.

«Терпи». Когда медсестры ушли, Бетт нагнулась, подняла с земли наполовину выкуренную сигарету и жадно затянулась. «Просто терпи».

Она вышла из розария и медленно прошла к высокой внешней стене, очищенной изнутри от деревьев, кустов и всего, что могло помочь выбраться из этого ада. Каждый час тройка мускулистых санитаров обходила стену по периметру, высматривая, не перекинуты ли через

нее связанные простыни или другие импровизированные веревки. Правда, глядели они не то чтобы очень пристально, поскольку с последней попытки к побегу в их учреждении прошли годы. «Следующей буду я, – подумала Бетт. – А потом я доберусь до человека, который запер меня здесь».

Прошло три с половиной года, а она все еще не была полностью уверена, что знает, кто это. Так она и написала бывшим подругам в своей зашифрованной записке:

Озла и Маб,

в Блетчли-Парке был предатель, который во время войны сбывал информацию.

Я не знаю, кто именно, но знаю, что он (или она) сделал. Я нашла доказательства, что это некто из моего отдела, – но кто бы это ни был, он устроил, чтобы меня посадили под замок прежде, чем я успела об этом доложить.

Пусть вы меня и ненавидите, но вы давали ту же клятву, что и я: защищать БП и Бриганию. Эта клятва значит больше любой из нас. Вытащите меня из психбольницы и помогите поймать предателя.

Вытащите меня отсюда.

Вы передо мной в долгу.

– А ну все в помещение, быстро! Хватит гулять! – нетерпеливо закричала в сад все та же медсестра с жестоким лицом. – Шевелись, когда я с тобой разговариваю, Лидделл. – И она походя больно ущипнула Бетт за предплечье.

Бетт впечатала кончик дымящегося окурка, спрятанного в горсти, в руку медсестры:

– Меня. Зовут. Не так.

Двое санитаров втащили ее в камеру. Ее щеки горели от пощечин. Бетт сопротивлялась как могла, царапалась и плевалась, когда ее запихивали в смирительную рубашку. Она старалась не высовываться, правда старалась, но иногда было просто невозможно удержаться. Укол иглы; она зарычала, ощутив, как в вены вползает дым, а саму ее поднимают на койку, как сноп соломы. Разъяренная медсестра дождалась, пока ушли остальные, чтобы плюнуть Бетт в лицо. Бетт знала – плевок засохнет и его примут за ее собственные слюни.

– Можешь лежать в этой простыне, пока не обоссешься, мерзавка, – прошипела на прощанье медсестра. – А потом полежишь в ней еще.

«Катись к черту, злыдня накрахмаленная», – попыталась сказать Бетт, но зашла в мучительном кашле, а когда кашель прекратился, она уже осталась одна. Одна, в смирительной рубашке, по уши накачанная наркотиками, с одной только темой для размышлений: предатель из Блетчли-Парка.

К этому времени Маб и Озла наверняка уже получили ее письма, вяло, как в тумане, подумала Бетт. Вопрос вот в чем: не отметут ли они ее обвинение как параноидальный бред сумасшедшей?

Или все-таки поверят в невероятное? Поверят, что в Блетчли-Парке работал предатель, который передавал сведения врагу?

Шесть лет назад. Март 1941 года

БЛЕЯНЬЕ БЛЕТЧЛИ

НОВАЯ ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА БП:

ВСЁ, ЧТО НАМ ЗНАТЬ НИ К ЧЕМУ!

Март 1941 года

Редакция «Блеянья Блетчли» узнала из надежного источника, будто в ночную смену неизвестный шутник намазал кресло капитана Деннистона клубничным джемом.

Только зря джем извели, считает ББ!

В этом месяце Безумные Шляпники обсуждают «Великого Гэтсби». Очередь принести цилиндр выпала Джайлзу Талботу – поясняем для непросвещенных, которые не имели счастья лицезреть сие чудовищное сооружение, что речь о шляпе трубой еще диккенсовских времен, украшенной искусственными цветами, старинными медалями с англо-бурской войны, перьями со скачек в Аскоте и т. п. Цилиндр водружается в наказание на голову любого Безумного Шляпника, который предлагает *Principia Mathematica*³⁶ в качестве книги для обсуждения (да, речь о тебе, Гарри Зарб), начинает каждое предложение с «Извините...» (угу, Бетт Финч!) или еще каким-либо образом наводит скуку на наши Чаепития.

Редакция не ожидает, что шляпы трубой в ближайшее время появятся на страницах «Вог»...

Кстати, о модных тенденциях. Лондон продолжает щеголять в своем излюбленном наряде 1941 года – классическое сочетание разрушенных зданий и воронок от бомб с ноткой духов «О де Мессершмитт» и лихим дымовым шлейфом. Бомбите сколько угодно, фрицы, – спецы и дебютантки из БП будут по-прежнему стекаться в Лондон в свободные вечера и дерзко отплясывать на руинах. Как-никак идет война, а завтра нас может не быть на свете!

Аноним

---

³⁶ «Принципы математики» (*лат.*) – трехтомный труд по логике и философии математики Альфреда Норта Уайтхеда и Бертрانا Рассела, опубликованный в 1910–1913 гг.

Глава 15

Озла ползла по полу, и капавшая со лба кровь застилала ей глаза.

«Дейзи Бьюкенен – одна из тех девушек, которые только прикидываются хрупкими, – заявляет Маб, – а на самом деле выносливы как лошади». – «А мне ее немного жалко, – вмешивается Бетт. – Извини, я не хотела...» – «Бетт снова сказала “извини”!» Безумные Шляпники хохочут и кидают Бетт несуразно украшенную антикварную шляпу...

Что-то не так, прорезалась сквозь туман мысль, Озла почувствовала, как по шее стекает что-то теплое. Она не на Безумном Чаепитии. Чаепитие уже состоялось сегодня после обеда – мартовский день выдался прохладный, все плотно закутались в пальто, но твердо вознамерились обсудить «Великого Гэтсби» под весенним солнышком на берегу озера. Маб красиво закинула ногу на ногу, Гарри во весь свой великанский рост вытянулся на траве, опершись на локоть, Бетт сидела с прямой спиной, сжимая кружку с чаем.

«Ты сегодня такая элегантная, Оз. – Это сказал Гарри, собиравший после Чаепития шляпу и книги. – Свободный вечер?» – «Собираюсь запрыгнуть на вечерний лондонский поезд. – Озла похлопала по сумочке, в которую еще утром втиснула свое любимое вечернее платье от Хартнелла: изумрудно-зеленый атлас, струившийся по коже, как вода. – У одного моего давнего приятеля увольнительная с корабля, и мы намерены повеселиться в “Кафе де Пари”».

«Кафе де Пари»... Озла обвела взглядом помещение, пытаясь сморгнуть с ресниц капли крови. В темноте виднелись лишь обломки мебели и перевернутые столики. Пол был усеян скрюченными фигурами. Ее глаза отказывались понимать, что это. А вот и знаменитая лестница, по которой можно было попасть с улицы в интимную роскошь подземного ночного клуба, с его изящными столиками и радостными, как шампанское, мечтами. Озла попыталась дотянуться до перил, чтобы опереться на них и встать, но споткнулась обо что-то. Тонкое запястье лежащей на полу девичьей руки все еще обвивал бриллиантовый браслет.

У ближайшего столика сидело, сгорбившись, безрукое тело его владелицы в голубом шифоновом платье.

– Ой, – прошептала Озла, и ее вырвало на битый кирпич. Перед глазами мельтешили осколки стекла, в ушах завывала противозвушная сирена... Она начинала вспоминать. Еще несколько минут назад эта мясорубка была самым блестящим из лондонских ночных клубов – и самым безопасным, как хвастал администратор. Никакие бомбы не заденут тех, кто на глубине двадцати футов под землей, можете танцевать хоть всю ночь напролет.

– Филипп, – вырвался у нее шепот. – Филипп...

Уйма народу пришла послушать Кена Джонсона по прозвищу «Змеистый»³⁷ и его оркестр. Духовые ревели. На танцполе «Кафе де Пари» яблоку было негде упасть.

Даже когда район между площадью Пиккадилли и Лестер-сквер обрабатывали немецкие бомбардировщики, здесь, под землей, забывали о воздушной тревоге. Здесь было безопасно. Может показаться, что это бессердечно или безрассудно – танцевать, когда мир над твоей головой взрывается огнем, – но бывают времена, когда нужно выбирать одно – либо танцевать, либо рыдать, и Озла выбрала танцы: ее рука в сильной загорелой ладони партнера в морской форме, его рука крепко обнимает ее талию.

---

³⁷ Кен Джонсон («Snakehips») (1914–1941) – популярный в середине 1930-х – начале 1940-х американский джазмен, лидер джазового оркестра, певец и танцор. Описанная сцена достоверно воссоздает обстоятельства его гибели при попадании авиабомбы в лондонский клуб «Кафе де Пари» 8 марта 1941 года.

– Выходи за меня, Оз, – сказал он ей на ухо, кружа ее под музыку. – Пока не закончилось увольнение.

– Не мели вздор, Чарли! – Она блеснула улыбкой и сделала пируэт. – Ты ведь предлагаешь мне руку и сердце, только если выпьешь. – Конечно, Озла жалела, что в этот вечер танцует не с Филиппом, но тот еще не вернулся на сушу. Чарли – молодой офицер, который направлялся в самое пекло войны в Атлантике, – был ее старым приятелем еще с тех пор, когда она только начала выезжать в свет. – Больше никаких предложений, я серьезно!

– Твое канадское сердце совсем сковало льдом...

Оркестр заиграл «Ах, Джонни, ах, Джонни, ах!»³⁸, и Озла стала подпевать, запрокинув голову. Зима закончилась. В Британию начинало возвращаться тепло. Хотя правительство и продолжало опасаться немецкого вторжения, Озла не слыхала в БП о начале наступательной операции. Пусть газетные заголовки оставались мрачными и пусть Озле до зевоты наскучило раскладывать и подшивать бумаги в Четвертом корпусе, – ну хорошо, если честно, не просто наскучило, а еще и было обидно после кем-то брошенного «мисс Синьярд и ее стайка безмозглых дебютанток в жемчугах», – но вообще этой ранней весной 1941 года было куда больше причин петь, чем осенью 1940-го. Темнокожий, худошавый, в белом пиджаке, «Змеистый» продолжал выводить ноты, пританцовывая с той плавной грацией, которой был обязан своим прозвищем.

– Он это исполняет куда лучше сестер Эндрюс³⁹, – почти прокричала Озла, отплясывая в своем зеленом атласе. Она не услышала, как две бомбы попали в здание, под которым находился клуб, и провалились вниз по вентиляционной шахте, – лишь увидела голубую вспышку перед самой эстрадой для оркестра за мгновение до того, как все исчезло, как голова «Змеистого» Джонсона слетела с плеч.

А сейчас она раскачивается взад-вперед, сидя на полу, и ее вечернее платье залито кровью.

Стало немного светлее. Выжившие приходили в себя и зажигали карманные фонарики. Вот мужчина в форме летчика пытается встать – ему по колено оторвало ногу... Вот паренек, который, наверное, совсем недавно начал бриться, силится поднять свою стонущую партнершу по танцу... Вот женщина в расшитом пайетками платье ползает по обломкам... «Чарли», – вспомнила Озла. Он лежал навзничь на танцполе. Взрывной волной ему вышибло легкие прямо на китель. Почему бомбы убили его, а ее только отбросили? Совершенно необъяснимо. Встать не получалось, ноги отказывались повиноваться. Кто-то шумно спустился по лестнице. Послышались крики, топот, заплясали лучи фонариков.

– Будьте добры... – попыталась она обратиться к мужчине, который, проскочив мимо нее, перебежал от трупа к трупу. – Не могли бы вы помочь...

Но мужчина пришел не помогать – сорвав браслеты с окровавленной руки какой-то женщины, он стал рыться в карманах изуродованного торса около сцены в поисках бумажника.

Озла не сразу поняла, что происходит. Это был *мародер*... он грабил трупы... этот человек вошел в помещение, набитое мертвыми и ранеными, чтобы *украсть их драгоценности*...

– Ты... – Озла с трудом встала на ноги, выплевывая возмущение, как осколки стекла. – Ты... перестань...

– Дай сюда! – Молодой светловолосый мужчина потянулся к ней, и боль пронзила Озлу насквозь: он вырвал из ее уха серьгу. – И это давай, – добавил он, хватая красивый флотский значок Филиппа.

– Не трогай! – закричала Озла. Руки и ноги ее не слушались. Бретелька платья затрещала и порвалась.

³⁸ *Oh, Johnny, Oh, Johnny, Oh!* – популярная американская песня 1917 года на стихи Эда Роуза и музыку Эйба Олмана.

³⁹ *Сестры Эндрюс* – популярное в 1930—1940-х американское вокальное трио.

И вдруг чей-то голос прорычал:

– Отстань от нее!

В следующий миг бутылка шампанского описала короткую дугу в мелькавшей огоньками темноте, послышался звук, будто фарфоровая тарелка разбилась о каменный пол, и напавший на Озлу мужчина свалился без сознания. Она почувствовала, как ее осторожно трогают за предплечье:

– С вами все в порядке, мисс?

– Филипп... – прошептала она. Ей удалось спасти его значок; она так крепко сжимала его в кулаке, что острые края врезались в ладонь.

– Я не Филипп, милая. Как тебя зовут?

– Оз... – начала она, но зубы так стучали, что она не смогла договорить собственное имя.

– Как Озму из страны Оз? – У мужчины был легкий, умиротворяющий голос. – Садись-ка, Озма, я проверю, нет ли повреждений. А потом доставим тебя обратно в Изумрудный город в полном порядке.

Направляя луч карманного фонарика, он провел ее к ближайшему стулу. В глазах расплывался туман, и Озла не могла толком разглядеть мужчину – лишь то, что он худощавый, высокий, темноволосый. Под шинелью виднелась военная форма.

«Кто такая Озма из страны Оз?»

Напавший на нее мужчина валялся среди обломков.

– Он... он мертв? – передернулась Озла.

– Какая разница. Господи, ну и кровяки у тебя на голове... не разобрать, есть ли там рана. – Он поднял бутылку шампанского, которой ударил мародера, откупорил и стал осторожно лить на волосы Озлы. По ее шее потекли окрашенные в розовый пузырьки, все еще холодные после ведерка со льдом. Она задрожала и расплакалась:

– Филипп...

– Это твоего парня так зовут, Озма? – Теперь мужчина занялся ее затылком, перебирая мокрые от шампанского пряди. – Похоже, это не твоя кровь. Не шевелись, к нам уже идут спасатели...

– Филипп, – всхлипнула Озла. Она имела в виду беднягу Чарли, но язык отказывался произносить правильное имя. Надо встать – ей следовало помогать, искать повязки для остальных, *что-нибудь сделать*, – но ноги по-прежнему не слушались.

– Не двигайся, моя хорошая. У тебя шок. – Сбросив с себя шинель, темноволосый мужчина накрыл плечи Озлы. – Попробую найти твоего Филиппа.

«Его здесь нет, – подумала Озла. – Он в Средиземном море, по нему стреляют итальянцы». Но добрый самаритянин отошел прежде, чем она успела ему это объяснить. Теперь он склонился над лежащим у стены капитаном королевских ВВС, стянул скатерть с ближайшего столика и, разодрав ее на полосы, стал перевязывать его раны. А потом его заслонила стайка спотыкающихся, заплаканных танцовщиц из кордебалета в перьях и стразах – вероятно, они были за кулисами во время взрыва...

Время утекло куда-то вбок. Озла очнулась уже на носилках, все еще укрытая чужой шинелью, санитары несли ее вверх по лестнице. На улице ее снова осмотрели.

– Можем отвезти вас в больницу, мисс, но вам придется прождать несколько часов, пока там разберутся с тяжелоранеными. Мой вам совет – отправляйтесь домой, искупайтесь, а наутро сходите к своему доктору. Вас кто-нибудь ждет дома?

«В каком смысле “дома”?» Так переспросил Филипп в «Кафе де Пари» в новогоднюю ночь. «Дом – это везде, куда пригласили или где живет очередной кузен». Стоя в окровавленных бальных туфельках на усеянной щебнем улице, Озла понятия не имела, где ее дом. Она была канадкой, но жила в Британии, отец под могильным камнем, мать в гостях где-то в Кенте,

она квартировала в Блетчли, у нее была тысяча друзей, готовых предложить ей свободную кровать, но дом? Нет. Дома у нее не было.

– В «Кларидж», – с трудом выдавила она. По крайней мере, в пустующих апартаментах матери можно будет принять ванну. А чтобы не опоздать на смену в Блетчли-Парке, придется сесть в «молочный» поезд на рассвете.

В гостинице она еще долго не раздевалась – не могла заставить себя трогать окровавленные крючки на спине любимого, безнадежно испорченного вечернего платья; не могла сбросить поношенную мягкую шинель, которая держала ее в своих теплых объятиях.

Она не знала даже имени того доброго самаритянина – а он не знал ее. «Садись-ка, Озма... доставим тебя обратно в Изумрудный город в полном порядке».

– Чье это, мисс Кендалл? – спросила на другой день миссис Финч. Обычно после смены она принималась за Бетт – подстерегала дочь в дверях и тут же заявляла, что если та «наконец-то доделала свою такую важную работу», то пусть пойдет и начистит ложки, – но на этот раз квартирная хозяйка поджидала Озлу. В руках она держала ту самую шинель – Озла, вернувшись, повесила ее на крючок. Миссис Финч прищурилась, разглядываявшитую в воротник метку. – «Дж. П.Э.Ч. Корнуэлл», – прочла она. – А кто это?

– Понятия не имею, – ответила Озла. Забрав шинель, она поковыляла к себе в комнату, будто восьмидесятилетняя старуха. Суставы ныли; она ни минуты не спала и прямо с лондонского поезда отправилась на дневную смену. Ее по-прежнему преследовал запах крови и шампанского.

– Что с тобой? – спросила Маб, входя в комнату следом за ней и снимая туфли. – Ты так странно двигаешься...

У Озлы не было сил объяснять. Она пробормотала какую-то отговорку и забралась на узкую кровать. Содрогаясь всем телом, обхватила руками шинель – та пахла вереском и дымом. «Хочу домой», – невпопад подумала она. Ей было уже недостаточно просто бороться, исполнять свой долг перед этой страной, которую она так любила, и развлекаться, когда получалось. Вымотанной и напуганной Озле Кендалл до боли хотелось увидеть дверь, в которую можно войти, – дверь, за которой ее ждали чьи-то объятия.

Она хотела домой и совершенно не знала, где он, этот дом.

Глава 16

ИЗ «БЛЕЯНЬЯ БЛЕТЧЛИ». МАРТ 1941 ГОДА

Парни из БП, мой вам совет: если встречаетесь с двумя девушками одновременно и пытаетесь утаить одну от другой, соблюдайте конспирацию. Иными словами, не ведите в «Одеон» в Блетчли белокурую секретаршу, если обычно ходите туда же с темноволосой амазонкой, с которой встречаетесь у озера во время перерыва на чай. Не то однажды она амазонка поймает вас с поличным...

– Мерзкий вонючий лягушонок, – пробормотала Маб, с особой злобой нажимая на каждую клавишу своего «Тайпекса». Месяц за месяцем она ходила в кино и на ужины с Эндрю Кемптоном, изображая страшную заинтересованность, когда он нудел о внутренней оболочке своего желудка и о том, как у него мерзнут пальцы на ногах. Ну да, может, он и был скучноват, но Маб показалось, что при этом он добросердечен, рассудителен и честен. Тот, кто даст ей чувство довольства жизнью и постоянство. Он сказал, что больше ни с кем не встречается; намекал, что подумывает представить ее своим родителям. И все это время путался с машинисткой из особняка!

Вот тебе и честность. Судя по всему, он воспринимал Маб просто как девушку, с которой можно поразвлечься без всяких обязательств.

«Все мужчины так о тебе думают, – ядовито прошипел голос у нее в голове. – Дура! Дешевая шлюха!»

На секунду она снова ощутила его дыхание на своей щеке – его, мужчины, который это сказал. Но тут же отпихнула воспоминание в дальний угол, где ему и было место, и склонилась над «Тайпексом», настраивая роторы согласно сегодняшним параметрам для «красных» сообщений. У нее оставалась еще куча кандидатов в женихи – мужчин, которые не будут прикидываться, а действительно окажутся добрыми, рассудительными и честными.

Маб закончила перепечатывать донесение, наклеила полоски текста на бланк, подышала на замерзшие пальцы. Холод в корпусе стоял как на Северном полюсе, работницы отдела дешифровки горбились над своими «Тайпексами», до ушей закутавшись в пальто и шарфы. Теперь машинок стало больше, не две, как вначале. Слава богу, уже не требовалось бегать по улице, относя расшифрованные донесения в отдел перевода и анализа, – его перевели в соседний корпус, и работавшие там спецы немедленно придумали способ быстро передавать бумаги. Маб взяла прислоненную к столу метлу, громко постучала по деревянной заслонке в стене, затем отодвинула заслонку и крикнула в открывшуюся нору: «Эй, просыпайтесь!» «Отвали!» – заорали в ответ из Третьего корпуса, но из темного провала со стуком выполз деревянный лоток. Маб положила в него стопку бумаг, потянула за проволоку, отправляя лоток обратно, и вернулась к машинке.

В середине следующего расшифрованного рапорта обнаружилась какая-то мешанина, но времена, когда Маб приходилось передавать бракованные депеши кому-то поопытнее, были давно позади. Значит, либо сбой машины, либо радиосигнал прервался при перехвате, заключила она. Дозвонившись до отдела регистрации, Маб попросила тамошних служащих посмотреть в реестре входящих – если сообщение перехватили и записали дважды, часто удавалось обнаружить отсутствующие блоки кода во второй версии записи.

И тут в отдел дешифровки ворвался молодой человек в свитере с вывязанным узором.

– Мне нужна ваша самая высокая девушка, – выпалил он с порога. – В Одиннадцатом корпусе новая операция – нам прислали семерку из ЖКМК, но требуется восьмая, причем ростом как минимум пять футов восемь дюймов. Кто тут самая рослая?

Все обернулись к Маб, и она встала, продемонстрировав свои пять футов одиннадцать дюймов.

– Отлично. Захватите свои вещи.

– Это на время или...

– В нашем дурдоме разве разберешь? Давайте, быстренько.

Насупившись, Маб взяла сумочку. Нельзя сказать, чтобы она горела желанием покинуть отдел дешифровки в Шестом корпусе. Конечно, работать приходилось без продыху, но за почти девять месяцев она успела научиться хорошо выполнять свои обязанности. Со временем она поняла, что девушки из этого отдела были не просто машинистками: требовалось немало воображения и опыта, чтобы взять испорченное сообщение и подкрутить то так, то эдак настройки ротора, пока текст не станет понятным, или просмотреть вероятные ошибки в морзянке и отыскать то место, из-за которого пошел насмарку весь текст. Приятно было видеть, как в результате пятибуквенная галиматья упорядочивается под ее пальцами в аккуратные цепочки немецких слов.

Ну мало ли что она находит приятным; работать надо там, куда посылают. Маб поспешила к Одиннадцатому корпусу по посыпанной гравием дорожке, щурясь под бледным весенним солнцем. Скоро день рождения Люси; она договорилась об увольнительной и собиралась съездить с торгом в Шеффилд. К счастью, Люси теперь живет там с теткой – по крайней мере, пока силы люфтваффе продолжают уютить Лондон. Бедной Люси не нравились ни Шеффилд, ни тетка – у той было четверо своих детей, и ей совсем не улыбалось кормить лишний рот (возражения улетучились, как только Маб пообещала каждую неделю высылать ей часть своего жалованья). Пусть Люси и скучала вдали от дома, но она хотя бы в безопасности. Мать наотрез отказалась уезжать из Шордича, и каждое утро Маб просыпалась с мыслью, не сегодня ли она узнает, что жилище матери разметало бомбой.

– Славно, вот и замена!

Кто-то втянул Маб в Одиннадцатый корпус – это оказался мужчина, которого она помнила по очереди за чаем у киоска, устроенного Институтами флота, армии и авиации. Гарольд... Как-то-там. В новом корпусе было душно и зябко, теснее, чем в Шестом, и отсутствовали перегородки, просто большое помещение, одновременно гулкое и странно тесное. Девушки из Женского королевского морского корпуса выстроились вдоль стены и тарасились на чудовищные агрегаты, которые громоздились в центре комнаты.

– Барышни, – обратился к ним Гарольд Как-бишь-его, – познакомьтесь. Эти машины называются «бомбами».

Больше всего они походили на платяные шкафы бронзового цвета – гигантские штуковины, не меньше шести футов в высоту. Спереди топорщились ряды барабанов по пять дюймов в диаметре, с буквами алфавита по краю. В плохо освещенном корпусе «бомбы» выглядели как тролли под мостом или великаны, превращенные солнцем в валуны. Маб застыла, глядя на них в изумлении, а Гарольд продолжал:

– Барышни, вы нам будете помогать взламывать немецкие шифры. А чтобы дело шло быстрее, те из наших ребят, что посообразительнее, придумали вот эти машины. Работать с такими чудовищами довольно нудно, при этом требуется предельная точность. Поэтому мне позволили рассказать вам о них немного больше обычного. – Гарольд погладил гигантский шкаф по боку, как собаку. – Каждый шифр предполагает множество возможных настроек шифровальной машины, а пока мы не угадаем эти настройки, нельзя продвинуться в дешифровке. Но вручную выходит очень уж медленно. Так вот, сии монстры здорово ускорят дело, и вы нам в этом поможете. Наши умники будут посылать вам нечто вот такое, – он поднял сложную схему, сплошные цифры и буквы; в Шестом корпусе Маб не видела ничего подобного. – Это называется «меню».

– А почему, сэр? – осмелилась спросить девушка из Морского корпуса.

– Вероятно, потому, что «меню» звучит убедительнее, чем «мы тут вроде что-то вычислили, но сами не уверены». – Гарольд поправил очки. – Итак, смотрите в меню, втыкаете штекер в заднюю панель в точности как на схеме – гнезда должны соответствовать положению в меню. Потом запускаете машину, и пусть она себе пашет. Каждый барабан «бомбы», – он показал на ряды дисков на ближайшей машине, – проверяет тысячи возможных настроек «Энигмы» быстрее, чем любой человек вручную. Барабан подбирает один возможный вариант настройки роторной проводки и алфавитного кольца, а также возможное соответствие для одной буквы с коммутационной панели. Остается всего ничего – проверить еще несколько миллионов миллионов возможных настроек для других возможных вариантов букв с коммутационной панели. Когда машина наконец останавливается, настраиваете проверочную машинку согласно окончательному положению «бомбы», убеждаетесь, что ответ не ложноположительный, ну и так далее. Если оказывается, что он не ложноположительный, сообщаете спецам в соответствующих корпусах, что вы взломали настройки для этого ключа. А потом втыкаете штекеры согласно следующему меню и новому ключу. Вопросы есть?

«Еще бы их не было», – подумала Маб. Но здесь не было принято задавать вопросы; в БП полагалось промолчать и пробовать справиться самостоятельно.

– Мисс Чурт и кадет Стивенс, вот ваша машина. Кто-то окрестил ее *Agnus Dei*⁴⁰, можно просто *Agnus*.

«Агги», – уже с неприязнью решила Маб. Задняя панель машины выглядела так, как если бы корзинку с вязанием скрестили с телефонным коммутатором, – бесчисленные висящие штекеры и длинные багровые косы переплетенных проводов, похожие на спутанную пряжу, змеились между рядов букв и цифр. Стивенс казалась не менее озадаченной, чем Маб.

– Я записалась в Морской корпус, потому что думала, меня пошлют куда-то за моря, где будет красивая жизнь, – прошептала она на ухо Маб, пока Гарольд показывал, как с помощью пинцета распутывать кусочки проволоки. – На Мальту или, скажем, на Цейлон. И лейтенанты будут мне там подавать коктейли. А вместо этого барахтаюсь в проводах посреди Бакингемшира!

– Выбраться отсюда не так уж просто, – ответила Маб, не отрывая глаз от «Агги». – Из БП переводят только беременных или сумасшедших – выбирай, что тебе больше по душе.

Обслуживание «Агги» напоминало служение раздражительному механическому боже-ству. Битый час Маб устанавливала на место тяжелые барабаны, у нее уже ныли руки. Пальцы то и дело попадали в тугие прищепки, которыми крепились барабаны. Коммутационная панель вообще внушала ужас: Маб приходилось сражаться с путаницей проводов и штекеров, да так, чтобы не допустить короткого замыкания, и при этом сверяться с меню, которое смахивало не то на мудреные диаграммы, не то на заклинание для оживления мертвецов. Когда ее шарахнуло током уже в четвертый раз, Маб дернулась, потирая пальцы, и, бормоча проклятия, запустила машину. Если все «бомбы» работали одновременно, гул в Одиннадцатом корпусе стоял невероятный – казалось, гигантские молоты бьют по наковальням прямо у тебя над ухом.

– Пока ждете остановки машины, занимайтесь остальными барабанами, – прокричал Гарольд, пытаясь перекрыть шум.

Маб открывала барабан за барабаном – внутри торчали расположенные кругами пучки проволоки – и орудовала пинцетом, чтобы ни один пучок не касался другого, иначе закоротит. Не прошло и часа, а пальцы у нее уже были исколоты медной проволокой, глаза щипало от пристального взглядывания во внутренности машины.

– А что будет, если проводки в барабанах случайно коснутся друг друга? – спросила она, перекрикивая гул.

– Не допускайте этого, – только и ответил Гарольд.

⁴⁰ Агнец Божий (*лат.*).

Маб трудилась, чувствуя, как пот бежит по ноющей спине; запястья и манжеты платья лоснились от брызг машинного масла, летевших во все стороны из-под барабанов. Когда «Агги» остановилась и ни один барабан больше не вращался, Маб разогнулась и убрала со лба мокрые от пота волосы.

– Мы ее сломали? – спросила она. Прочие машины продолжали жужжать.

– Нет, она вам показывает, что пора проверить результат. – Гарольд продемонстрировал Стивенс, как снимаются показания с другой стороны «бомбы» и прогоняются через проверочную машинку. – «Агги» определила настройки, – объявил он. – Готово! Снимайте с нее всё, вставляйте новые барабаны и подключайте следующее меню. Молодцы.

Он сунул Маб в руки новую диаграмму. Она догадалась, что это армейский шифровальный ключ, поскольку видела это название и прежде, на сообщениях, которые печатал ее «Тайпекс» в Шестом корпусе, но остальное содержание меню оставалось загадкой. Маб очутилась на более раннем этапе витка, который описывала полученная в Блетчли информация, – этап, где благодаря машинам выдавались те самые блоки по пять букв, впоследствии попадавшие к девушкам из отдела дешифровки.

Маб невольно вздрогнула. Все-таки труд в отделе дешифровки еще худо-бедно походил на нормальную работу: полное бюро женщин, барабаниющих по «Тайпексам», не так уж отличалось от машинописного бюро в каком-нибудь офисе, где машинистки щебечут о том, какая чудесная картина «Унесенные ветром», – ты уже видела? А здесь, в этом шуме, не поболтаешь, и никто не станет восхищаться твоим платьем в помещении без окон, где воняет нагретым машинным маслом, где и с тебя, и со всех остальных ручьем льется пот. Маб трудилась с четырнадцати лет и уже понимала, что никакая на свете работа не могла показаться более ненормальной, чем эта. Она воткнула последний штекер и сделала шаг назад.

– Запускаем.

– Перерыв на обед! – наконец объявил Гарольд половине девушек. – Через час смените напарниц.

Но Маб хотелось не еды, а свежего воздуха. Девушки из Морского корпуса потянулись к киоску за чаем, а Маб просто повалилась на заросший травой берег озера. В ушах звенело после четырех часов издаваемого «Агги» шума, исколотые пальцы щипало. Она закурила сигарету и достала новую книгу, но ее хватило лишь минут на пять. В этом месяце Безумные Шляпники выбрали для обсуждения томик стихов. Книга лаконично и угрожающе называлась «Увязшие» – это была поэзия из окопов Великой войны, – а пятистопные ямбы выстукивали тот же ритм, что и барабаны «бомбы».

– Нет уж, спасибо, – произнесла она вслух, отбрасывая книгу в траву.

– Мне эта книга тоже не очень нравится, – раздался у нее за спиной мужской голос.

Откинув голову, Маб разглядела измятый костюм и широкое лицо с улыбчивыми морщинками. Где-то она его уже видела...

– Когда мы с вами впервые встретились, было очень темно, – пояснил он с улыбкой. – Вы сменили мне колесо посреди полночной дороги. Надеюсь, туфли пришлись вам впору?

– Отлично подошли, благодарю вас. – Маб улыбнулась в ответ, вспомнив, кто это такой. Правда, его имя по-прежнему от нее ускользало. – Вам вовсе необязательно было их присылать.

– Не стоит благодарности.

– У вас случайно не найдется сигареты? – У Маб осталась всего одна, и она сильно подозревала, что будет очень в ней нуждаться в конце смены. Он достал портсигар. – Я думала, вы не работаете в БП, – добавила она.

– Ну да, я работаю в Лондоне. Меня сюда прислали по кое-какому делу.

В министерстве иностранных дел? А то и в МИ-5? Тут периодически появлялись безымянные посланцы из Лондона с кожаными папками для документов и спецталонами на бен-

зин. Маб оценивающе разглядывала этого шатена, а он молча созерцал озеро. Хорошая обувь, серебряный портсигар, довольно приятная улыбка. Как же его зовут? Она не хотела признаться, что напрочь забыла.

– Не любите поэзию? – спросила она, кивая на брошенный томик.

Он неопределенно пожал плечами.

– Фрэнсис Грей не то чтобы плох, – сказала Маб. Образованным мужчинам из Лондона нравились девушки, способные говорить о метафорах и сравнениях, просто надо было казаться немного менее осведомленной, чем они. – Взять хотя бы это: «Колючих звезд на небесах не счастье» – хорошо ведь сказано. Просто тема довольно банальна. Ну согласитесь, сравнивать окопы с жертвенником как-то не особо оригинально, правда?

– Избито, – согласился он. И снова умолк.

– В этом месяце книжку Грея обсуждают Безумные Шляпники, – снова попыталась завязать разговор Маб. – Так называется литературный кружок БП. – Он ответил ей еще одной из своих приятных улыбок, но продолжал молчать. Язык проглотил, что ли? Маб решила, что все равно ничего не добьется, и загасила сигарету. – Боюсь, мой перерыв на чай подошел к концу.

– Вам действительно не нравится поэзия Грея? – спросил безымянный шатен. – Или вы просто шутите?

– Не скажу, что совершенно не нравится, но до Уилфреда Оуэна ему далеко. Не его вина – он ведь, кажется, был еще совсем ребенком, когда это написал? – Из тех мальчишек, которые прибавили себе лет и попали в армию слишком рано, припомнила Маб обрывки биографии автора. Она поднялась на ноги и запихнула книгу в сумочку. – Я, например, понятия не имела о поэзии в семнадцать.

– Шестнадцать.

– Простите?

– Ему было шестнадцать. Послушайте, а вы не согласились бы сходить со мной поесть карри, когда у вас в следующий раз будет увольнение? Я знаю очень приличный индийский ресторан в Лондоне.

– Обожаю карри! (Маб не ела его никогда в жизни.)

Он смотрел на нее снизу вверх с легкой улыбкой и, казалось, совершенно не стеснялся того, что она была на полголовы выше. Странно, обычно коротышки вели себя иначе.

– Когда у вас ближайший выходной, мисс Чурт?

– В понедельник. И мне очень стыдно, но я никак не припомню вашего имени. – Маб действительно было неловко в этом признаться.

– Фрэнсис Грей, – сказал он, приподнимая шляпу. – Сотрудник министерства иностранных дел и посредственный поэт, к вашим услугам.

Глава 17

ИЗ «БЛЕЯНЬЯ БЛЕТЧЛИ». МАРТ 1941 ГОДА

Поскольку редакция ББ не осмеливается написать ни слова о недавних слухах на тему ожидаемых событий в Средиземном море, получается, что главная новость недели – таракан, обнаруженный в пудинге, который в столовой подали ночной смене...

– Матушка, я ведь опоздаю...

– Не потрудишься ли намочить мне еще одно полотенце, я положу на лоб... Словно клинья в виски вбивают...

Миссис Финч лежала с закрытыми глазами в затемненной комнате. Бетт понеслась за полотенцем.

– Но теперь мне действительно пора...

– Что ж, и на том спасибо, Бетт, – простонала мать. – Я понимаю, для матери у тебя времени нет... Но так горько, когда тебя бросают одну...

К тому времени, когда ей удалось наконец освободиться, Бетт чуть не плакала от досады. Она поспешно натянула кофту. Отец укоризненно покачал головой:

– На работу уходишь? А кто же приготовит матери чашку чаю?

«Ты и сам мог бы поставить чайник на плиту», – не сдержавшись, подумала Бетт, выбегая из дома. Однако когда она ворвалась в Коттедж, восклицая: «Простите, я опоздала, простите...» – досада и гнев успели испариться, а мозг очистился от всего лишнего. Удивительно, как быстро это теперь происходило: за время, которое требовалось Бетт, чтобы добежать от двери дома до двери Коттеджа, ее мышление заперло за совсем другой дверью все, что касалось дома. Там оно и дождалось ее возвращения.

– До полуночи у нас будет не хватать рук, – сказала Пегги из-за соседнего стола. – Джин свалилась с гриппом, Дилли снова ругается с Деннистоном, так что налегай.

Бетт достала свою таблицу крибов и карманный итальянский словарь, теребя кончик косы. Что-то назревало в Средиземном море – возможно, важное. Как жаль, что итальянские флотские сообщения так сложно зашифрованы, да и немногочисленны, едва есть за что ухватиться... Разложив родды, Бетт легко взломала пару донесений, но вздохнула при виде следующей выуженной из лотка бумаги. Сообщение было коротким, а с короткими всегда приходилось долго возиться. Лишь в десять вечера она ощутила победный «щелк!». Обычно она не вчитывалась в расшифрованные строчки – там было что-то написано по-итальянски, а она не знала языка, – но на этот раз содержание оказалось вполне понятным.

– Пегги, – похолодев, прошептала Бетт.

Пегги подошла. И застыла, прочитав нацарапанный карандашом перевод.

– «Сегодня, 25 марта 1941, день минус три». – Каждое слово будто жалило губы Бетт. Она подняла глаза на Пегги: – Что должно произойти через три дня?

– Мы завалены срочной работой. – Бетт заставила себя смотреть прямо в глаза начальнику Восьмого корпуса. – Пришлите всех, без кого можете обойтись.

В Коттедже Пегги тут же заняла телефон. Она позвонила Дилли, вызвала, несмотря на грипп, Джин, вызвала всю их команду, а Бетт отправила в Восьмой корпус за подкреплением, заявив: «Они то и дело одалживают наших, пусть теперь окажут услугу нам». В другое время Бетт топталась бы на пороге, сгорая от смущения, не в силах выдать ни слова, но в мыслях она так и не вышла из вращающейся спирали кода, той, которая вытягивала ее из нескладной, неловкой повседневной Бетт.

– Пожалуйста... – добавила она.

– А, чтоб вас... – Начальник корпуса подавил пару неучтивых выражений. – Забирайте Гарри Зарба, а больше никого отдать не могу.

Бетт кивнула. Обхватив себя руками – весенняя ночь была зябкой, – она дождалась, пока в дверь не протолкнется Гарри в одной рубашке.

– Привет, – весело сказал он. – Нужна помощь с перепиской макаронников? Мне можно говорить «макаронники», – пояснил он, заметив, как поморщилась Бетт. – Меня самого нередко так обзывают – спасибо, хоть не черномазым. Когда у тебя кожа чуть темнее мучного клейстера и ты живешь в доброй старой Англии, это неизбежно. Возьми-ка. – Он собирался влезть в свой не слишком уважаемый пиджак, но вместо этого набросил его на плечи Бетт. Та попыталась отказаться, но он и слушать не стал. – А что за спешка в отделе Дилли?

Пока они шли по темной усадьбе, Бетт объяснила, в чем дело. Она привыкла видеть Гарри на встречах Безумных Шляпников, там он был расслабленным и насмешливым, лежал, опершись на локти, на влажной траве у озера или поедая гренки, роняя крошки на страницы книг. Но во время смены в БП он оказался совсем другим – сосредоточенным, собранным. Внимательно выслушав Бетт, он выразительно приподнял брови.

При словах «Сегодня день минус три» Гарри негромко присвистнул и прибавил шаг – чтобы поспеть за ним, Бетт пришлось почти бежать. Входя в Коттедж, он вынужден был пригнуться под низкой притолокой. Пегги резко кому-то выговаривала в телефонную трубку:

– Мне плевать, даже если твой нос течет, как Темза, немедленно возвращайся на работу!

– Так это и есть знаменитый гарем? – Гарри обвел взглядом помещение, возвышаясь среди стоявших вплоты рабочих столов, как взъерошенный великан. – Тогда Хью Александер должен мне два пенса – он бился об заклад, что у вас тут зеркала и элегантно меблированные уборные. Где я могу пристроиться? Похоже, скоро здесь станет тесно.

– Рядом со мной.

Как хорошо, что Восьмой корпус выделил им знакомого, подумала Бетт, а не чужака, который захватил бы ее стол и вогнал ее в ступор от смущения. Гарри придвинул табурет к столу Бетт и уселся напротив. Пряди черных волос падали ему на лоб, карандаш в огромной руке казался прутиком.

– Кривы у нас есть? – спросил он.

Бетт протянула ему таблицу с кривыми.

– Вот как по-итальянски будет «английский», «крейсер» и «подводная лодка». И вот роды.

– *Inglese, incrociatore, sommergibili*, – прочел он с листа. – Господи, ну и издеваемся же мы над итальянским произношением...

Они одновременно дотронулись до стопки депеш, и их затащило в водоворот.

«Сегодня день минус три». Все громко распевали эти слова, вставая из-за рабочих столов. Потом на смену им пришло «Сегодня день минус два», потому что никто из команды Дилли так и не покинул Коттедж, даже на минутку, даже чтобы сбежать за кружкой «Овалтина»⁴¹.

– Я принесла тебе смену одежды. – Появившаяся в дверях Коттеджа Озла передала Бетт сверток. Ее взгляд упал на Пегги, которая, зевая, спускалась с чердака. – Вы что, прямо тут и спите?

Все по очереди занимали койку на чердаке, когда вообще выпадала возможность поспать. Бетт провела десять часов на своем стуле, пятнадцать, восемнадцать... Она уже почти не раз-

⁴¹ «Овалтин» – витаминизированный растворимый напиток на основе яичного порошка и солода. Обычно его размешивали с горячим молоком. В 1930–1940-х считалось, что он восстанавливает силы, но впоследствии его стали рекламировать как успокаивающий напиток перед сном. В наши дни особенно распространен вариант с шоколадным вкусом.

личала Озлу – кажется, сегодня та выглядела озабоченной. Бетт пробормотала слова благодарности, сбегала в туалет, где натянула на себя чистое белье и блузку, и вернулась к своему столу. Гарри вручил ей кружку цикориевого кофе и связку родов.

Нечто важное. Все они это понимали, и девять из восемнадцати сотрудниц Коттеджа не занимались ничем другим. Они вкалывали как сумасшедшие. Дилли так глубоко закопался в свои родды, что его присутствие едва ощущалось. Как-то раз Бетт заметила, что он пытается запихнуть недоеденный сэндвич с сыром в свою курительную трубку, невнятно что-то бормоча над очередным донесением. Она просто взяла трубку из его пальцев, вынула оттуда раскрытый сэндвич, положила ему на ладонь табак и вернулась на свое место. Джин уже горела в жару; она непрерывно сморкалась, комкая стопку за стопкой носовых платков, но не выпускала из рук родды. Время от времени кто-то погружался в дрему прямо у стола, тогда плечи спящей накрывали одеялом и позволяли ей забыться минут на десять, а потом толкали в бок и напоминали: «Сегодня день минус один».

– Кто у нас командующий в Средиземном море? – спросила одна девушка.

– Адмирал сэр Эндрю Каннингем, – ответила Пегги. – Дилли сказал, что адмирала предупредили: надо ждать важного сообщения.

«Если мы узнаем, о чем речь». Бетт потянулась за следующей стопкой бумаг, но пальцы нащупали дно проволочного лотка. Когда такое случалось, девушки Дилли нетерпеливо перебирали ногами, как скакуны в конюшне, прислушиваясь, не заскрипят ли по гравию колеса. Этот звук означал, что приехали курьеры с полными сумками новых радиосообщений, которые предстояло расшифровать.

– Бетт? – Гарри тронул ее за плечо, и она моргнула. Она так привыкла к его присутствию рядом, что едва замечала. – Прости, мне надо уйти – сыну нездоровится, и жене нужна помощь. Всего на несколько часов...

Бетт кивнула, кусая ноготь. Перед глазами у нее все еще кружились и падали пятизначные блоки кода «Энигмы». Удачное название, ничего не скажешь...⁴²

– У тебя хорошо получается, – сказал Гарри, натягивая пиджак. – Просто отлично. Приходится вкалывать на двойной скорости, чтобы за тобой угнаться.

Бетт снова моргнула. С тех пор как она поняла, что работает не так плохо, чтобы ее уволили, она ни разу не задумывалась, *хорошо* ли работает. Никогда в жизни ничего не получалось у нее хорошо.

– Мне нравится эта работа. – От долгих часов молчания голос у нее охрип. – Я... я ее *понимаю*.

– И я. – Под глазами у Гарри залегли круги, на лице застыло отрешенное выражение. Бетт догадалась, что он видит ее не лучше, чем она – его. – Я мог бы заниматься этим день напролет и даже не устать, – продолжил он. – Жаль, телесная оболочка мешает. Вот бы стать машиной вроде тех, которые, по слухам, стоят в Одиннадцатом корпусе.

Бетт кивнула. Эти два дня ее тоже раздражало все, что отвлекало от работы, – необходимость проглотить чашку чая, распрямить ноющую спину. Сейчас она с раздражением поняла, что страшно проголодалась.

– Я тоже могу заниматься этим хоть целый день, – призналась она. – Даже круглые сутки.

– И хорошо, что можем. Это ведь самый важный ресурс, не так ли?

– Что – коды?

– То, что эти коды охраняют, – информация. Ведь не имеет значения, чем воевать – шпагами, бомбами, палками, камнями. От оружия мало толку, если не знаешь, когда и куда его направить.

«И вот для этого нужны мы». Бетт улыбнулась.

⁴² *Enigma* означает «загадка» на нескольких европейских языках, включая английский.

Гарри озабоченно покосился на часы:

– Я вернусь через пару часов, но мой начальник корпуса требует, чтобы я шел на свое обычное место, а не сюда. Ужасно жаль, что не смогу остаться здесь и закончить дело...

Бетт с трудом вырвалась из водоворота продолжавших мельтешить перед ее глазами строчек телетайпа.

– Мы дадим знать, если ты нам снова понадобишься. Иди домой.

– Да я только забегу, чтобы измерить Кристоферу температуру, искупать его и в очередной раз объяснить, почему ему нельзя завести собаку. – Гарри соорил огорченную мину. – Жалко разочаровывать малявку. Какой отец не хочет подарить сыну щенка? Но я работаю в ночную смену, а его мать занята в столовой Женской добровольческой службы, так что это просто невозможно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.